

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HL 1QVF Z

AOB

HARVARD LAW LIBRARY

Received FEB 3 1932

Смѣд. 11
ар 509

Минскій Процессъ

150

МИНСКІЙ ПРОЦЕССЪ

ДѢЛО

О СОПРОТИВЛЕНІИ ЕВРЕЙСКИХЪ СКОПИЩЪ ВОЕННЫМЪ ПАТРУЛЯМЪ.

РЪЧЬ

присяжнаго повѣреннаго А. С. Шамова,

какъ представителя 119-го пѣхотнаго Коломенскаго полка.

40987

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1899

PRINTED IN RUSSIA

+

Plus

APR 3 1932

Дозволено цензурою. Москва, 29 апрѣля 1899 года.

Виленская Судебная Палата

съ участіемъ сословныхъ представителей.

Сессія въ городѣ Минскѣ.

Засѣданія 18—22 марта 1898 года. *)

Д Ъ Л О

о мѣщанахъ Сруль Ароновъ Губичъ, Мордухъ Янкелевъ Фейманъ, Ирмъ-Залманъ Ліокумовъ Кадышъ, Іосель Ицновъ Капланъ, Эльъ Абрамовъ Кугель, Веніаминъ Мовшевъ Фрумкинъ и другихъ, всего 14 еврейхъ, по обвиненію ихъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 269¹ Улож. о наказаніяхъ. **)

Предсѣдатель: старшій предсѣдатель Палаты А. И. Карновичъ.

Члены Палаты: П. Ѡ. Кобеко, Н. Д. Побѣдоносцевъ и Я. Я. Прокоповичъ.

Сословные представители: минскій губернскій предводитель

---

*) Настоящее дѣло первоначально было назначено къ слушанію 3-го декабря 1897 года, и засѣданіе началось при закрытыхъ дверяхъ; по неявкѣ нѣкоторыхъ существенныхъ свидѣтелей, засѣданіе было отложено. Будучи назначено вновь 18 марта 1898 года, дѣло, по распоряженію г. Министра Юстиціи, слушалось уже при открытыхъ дверяхъ присутствія. Во избѣжаніе чрезмѣрной тѣсноты, публика допускалась по билетамъ.

**) Текстъ ст. 269¹ Улож. о нак. (по продолж. 1895 года) слѣдующій:

„Винновыи въ участіи въ публичномъ скопищѣ, учинившемъ соединенными силами насиліе надъ личностью, похищеніе или поврежденіе чужого имущества, или вторженіе въ чужое жилище, или покушеніе на сін преступленія вслѣдствіе побужденій, проистекшихъ изъ вражды религіозной, племенной или сословной, или изъ экономическихъ отношеній, подвергается:

лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдалѣ

дворянства А. А. Ратьковъ-Рожновъ, минскій городской голова, графъ К. Э. Чапскій и ивенецкіи волостной старшина Ѡ. Карницкій.

Представитель обвинительной власти: прокуроръ Виленскаго Окружнаго Суда А. А. Дейша.

Повѣреннымъ 119-го пѣхотнаго Коломенскаго полка, какъ гражданскаго истца, явился присяжный повѣренный А. С. Шмаковъ; присяжный повѣренный В. Г. Малышевъ помогаль ему въ веденіи дѣла.

Защитали всѣхъ подсудимыхъ солидарно: присяжные повѣренные А. Н. Турчаниновъ, П. Г. Мироновъ и А. В. Любарскій и помощникъ присяжнаго повѣреннаго Розенбаумъ.

Свидѣтелей со стороны прокурорскаго надзора было вызвано 67, а подсудимыми—119, итого 186. Явившихся же въ засѣданіе и допрошенныхъ, равно какъ и тѣхъ свидѣтелей, показанія которыхъ были прочитаны, оказалось 163.

Судебное слѣдствіе продолжалось четыре дня,—съ 18 по 21 марта включительно, при чемъ засѣданія шли съ 10 часовъ утра до 10 и даже до 11 часовъ вечера, съ двухчасовыми перерывами для обѣда. Весь пятый день, 22 марта, занятъ былъ судебными преніями.

въ исправительныя арестантскія отдѣленія по третьей, четвертой или пятой степені статьи 31 сего Уложенія.

Если же скопище оказало соединенными силами насильственное противодѣйствіе вооруженной силѣ, призванной для его разсѣянія, то участвовавшій въ такомъ противодѣйствіи подвергается:

лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ шести до восьми лѣтъ или отъ четырехъ до шести лѣтъ.

Устроившій скопище, первую частью сей статьи предусмотрѣнное, или участникъ онаго, или руководившій при учиненіи насилія надъ личностью, похищенія или поврежденія чужого имущества, или вторженія въ чужое жилище, или покушенія на такіа дѣйствія, а также подстрекавшій къ учиненію или продолженію оныхъ, подвергается:

лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдачу въ исправительныя арестантскія отдѣленія по первой или второй степені статьи 31 сего Уложенія.

Участнику скопища, руководившему при учиненіи насильственнаго противодѣйствія вооруженной силѣ, призванной для разсѣянія сего скопища, или подстрекавшему къ учиненію или продолженію упомяутаго противодѣйствія, наказаніе можетъ быть, по усмотрѣнію суда, увеличено одною, двумя или тремя степенями“.

Возбуждая необыкновенный интересъ, настоящее дѣло привлекало въ зданіе Окружнаго Суда, гдѣ происходили засѣданія, весьма многочисленную публику, но, за недостаткомъ помѣщенія, только небольшая сравнительно часть ея могла проходить въ залъ. Тѣмъ не менѣе, во все время процесса, а особенно въ день преній, залъ былъ переполненъ. Избранное общество города Минска преобладало, разумѣется, именно въ день преній.

Цѣлесообразность распоряженій, хладнокровіе и строгость г. старшаго предсѣдателя Палаты обезпечили сохраненіе твердаго порядка въ этомъ исключительномъ и безпримѣрномъ процессѣ, гдѣ масса участвующихъ, напряженіе страстей и самый характеръ подавляющаго въ Минскѣ своею численностью еврейскаго населенія готовы были создать крайнія затрудненія и неожиданности, столкновенія и опасности въ каждый данный моментъ.

18 марта, по исполненіи законныхъ формальностей, былъ прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

Обвинительный актъ,

коиmъ предаются суду Виленской Судебной Палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, мѣщане: Сруль Ароновъ *Губичъ*, Мовша Эльевъ *Котинъ*, Мордухъ Янкелевъ *Фейманъ*, Израиль Лейбовъ *Сеглинъ*, Шахна Нафтальевъ *Арончикъ*, Ирма-Залманъ Ліокумовъ *Кадышъ*, Юдель Абрамовъ *Румановъ*, Абрамъ Мовшевъ *Фрумкинъ*, Іосель Ицковъ *Капланъ*, Элья Мовшевъ *Финкинъ*, Евель Михелевъ *Гоберманъ*, Элья Абрамовъ *Кугель*, Абрамъ Михелевъ *Капланъ* и Веніаминъ Мовшевъ *Фрумкинъ*, обвиняемые въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 269¹ ст. Улож. о наказ.

15 апрѣля 1897 года, на третій день праздника Пасхи, между 4 и 8 часами пополудни, въ г. Минскѣ, на Нижнемъ базарѣ и въ прилегающихъ къ этому базару частяхъ города, нижніе чины 119-го Коломенскаго и 120-го Серпуховскаго пѣхотныхъ полковъ и 30-ой артиллерійской бригады, отпущенные изъ казармъ въ городъ, и нѣкоторые изъ жителей г. Минска, принадлежащіе къ христіанскимъ исповѣданіямъ, а также патрули, наряженные отъ означенныхъ полковъ, подверглись нападенію и насильственнымъ дѣйствіямъ со стороны мѣстнаго еврейскаго населенія.

Какъ выяснилось изъ показаній свидѣтелей: Осипа Осипова Заславскаго, Лейбы-Гиделя Шлюмова Шафира, пристава 2-ой части г. Минска Пекарскаго, помощника пристава Шахневича и друг., ближайшимъ поводомъ для этого нападенія и насильственныхъ дѣйствій со стороны евреевъ послужилъ споръ между послѣдними и солдатами относительно условій военной службы.

По объясненію свидѣтеля Заславскаго, бывшаго очевидцемъ этого спора, евреи утверждали, что они служили сами и знаютъ службу; солдаты же говорили евреямъ: „много ли вы служили, мы служимъ больше“. Слово за слово, споръ все усиливался и одинъ еврей плюнулъ на одного изъ солдатъ. Тогда солдатъ-артиллеристъ сказалъ еврею: „какъ ты смѣешь плевать!“ и толкнулъ его, а еврей въ свою очередь ударилъ этого солдата. Вслѣдъ затѣмъ, евреи стали запирасть на Нижнемъ базарѣ свои лавки, собираться въ толпу и бить находившихся на базарѣ солдатъ.

Пришедшій на базаръ фельдшерскій ученикъ, изъ рядовыхъ Коломенскаго полка, Иванъ Михѣевъ, видя происходившіе тамъ безпорядки, хотѣлъ немедленно же оттуда удалиться по узенькой улицѣ, идущей къ собору (Козьмодемьяновской), но тутъ его окружили евреи съ тѣмъ, чтобы нанести ему побой, и одинъ изъ нихъ ударилъ его кулакомъ по головѣ, при чемъ дальнѣйшаго насилія Михѣевъ избѣжалъ, благодаря заступничеству полицейскаго служителя. Рядовой того же полка, Никаноръ Герасимовъ Иванниковъ, покупалъ на Нижнемъ базарѣ, такъ около половины пятого пополудни, рубаху, и, когда онъ хотѣлъ уплатить за эту рубаху деньги, на него наскочили четыре еврея и одинъ изъ нихъ безъ всякой причины ударилъ его по затылку желѣзною палкой. Отъ этого удара у Иванникова упала шапка, и въ то время, какъ онъ нагнулся съ тѣмъ, чтобы ее поднять, другой еврей ударилъ его желѣзною тростью и разбилъ ему лобъ. Рядовые музыкантской команды Серпуховскаго полка: Василій Петровъ Бояркинъ и Гавріиль Евстафьевъ Одинцовъ, будучи на базарѣ, покупали тамъ сапожный товаръ; въ это время, евреи зашумѣли около желѣзныхъ лавокъ, и, когда Бояркинъ и Одинцовъ хотѣли уплатить продававшей сапожный товаръ еврейкѣ деньги, еврейка не взяла денегъ, не дала товара и стала запирасть лавку. Одновременно съ этимъ, евреи стали собираться кучами, среди которыхъ началась драка и полетѣли камни. Потомъ, когда Бояркинъ сталъ уходить съ Нижняго базара черезъ Темный рядъ, евреи бросали въ него камни,

и одинъ изъ нихъ, близъ мужского монастыря, ударилъ его въ лобъ молоткомъ. Фельдшерскій ученикъ, изъ рядовыхъ Коломенскаго полка, Илья Ивановъ Тумаевъ, купивъ на Нижнемъ базарѣ, часовъ въ 5 пополудни, булку, шелъ съ базара съ неизвѣстнымъ ему по имени мальчикомъ изъ артиллеристовъ, при чемъ какіе-то евреи нанесли какъ Тумаеву, такъ и упомянутому мальчику удары палками по спинѣ, а когда они побѣжали, евреи съ палками погнались за ними и прекратили ихъ преслѣдованіе, лишь благодаря заступничеству одного изъ городскихъ мѣстной полиціи. Рядовой Коломенскаго полка Кирилль Петровъ, придя на базаръ часовъ около пяти, засталъ тамъ такое количество евреевъ, какого ему никогда не приходилось видѣть на базарѣ раньше, и одинъ изъ евреевъ, безъ всякаго повода съ его стороны, ударилъ Петрова кулакомъ по головѣ. Въ то же время Петровъ видѣлъ, что евреи били и другихъ солдатъ чѣмъ попало,—дубинками и руками.

Очевидцами нанесенія солдатамъ побоевъ на Нижнемъ базарѣ были также мѣщане: Александръ Казиміровъ Невядомскій и Станиславъ Антоновъ Хмѣлевскій. Невядомскій, выйдя на Нижній базаръ, встрѣтилъ двухъ солдатъ безъ ружей; къ одному изъ этихъ солдатъ подбѣжалъ еврей съ черною бородой и ударилъ его желѣзною палкой, вслѣдствіе чего солдатъ упалъ, а въ то же время другой молодой еврей, Беніаминъ Фрумкинъ, ударилъ его какимъ-то желѣзнымъ предметомъ по рукѣ; одновременно съ этимъ третій еврей, Ирма-Залманъ Ліокумовъ Кадышъ, нанесъ другому солдату ударъ деревянною палкой.

Часовъ въ пять пополудни, евреи, окруживъ всѣ желѣзныя лавки, столпились, между прочимъ, около лавки Хмѣлевскаго и въ этой толпѣ стали бить одного солдата,—били, по отзыву Хмѣлевскаго, „невыносимо“. Когда же солдату этому удалось вырваться отъ евреевъ и онъ вскочилъ въ вагонъ конно-желѣзной дороги, остановившійся въ это время на углу Нижняго базара и Торговой улицы, прося кондуктора скорѣе ѣхать, вагонъ окружила толпа евреевъ, которые, на глазахъ кондуктора Мартина Антонова Красовскаго, кучера конно-желѣзной дороги, дворянина Ивана Николаева Александровича и крестьянина Романа Иванова Рябцевича, вновь стали бить означеннаго солдата палками и камнями, при чемъ бывшіе въ вагонѣ пассажиры разбѣжались, а затѣмъ въ вагонѣ кучеромъ и кондукторомъ было найдено отъ пяти до семи камней.

О происходившемъ на Нижнемъ базарѣ какіе-то русскіе, не принадлежащіе къ числу воинскихъ чиновъ, сообщили патрулю, наряженному отъ Коломенскаго полка, въ составѣ ефрейтора Ивана Левченко и рядовыхъ Федора Гусева и Тараса Заикина, для наблюденія за нижними чинами, отпущенными изъ казармъ въ городъ. Съ Александровской улицы, гдѣ патрульные солдаты находились въ это время, они немедленно же отправились на Нижній базаръ, но, только что они стали подходить къ желѣзнымъ лавкамъ, какъ изъ этихъ лавокъ выбѣжали еврей и толпою напали на нихъ. Разъединивъ патрульныхъ солдатъ, еврей стали наносить имъ побои. Одинъ еврей ударилъ ефрейтора Левченко желѣзною палкой въ правый високъ и еще разъ по головѣ, а другой—деревянною палкой по плечу. Въ то же время Левченко сбили съ ногъ, отобрали у него ружье и вновь стали наносить ему удары. Рядовому Гусеву удалось, обороняясь прикладомъ ружья, устоять на ногахъ, но все-таки, не смотря на это, еврей „надавали“ ему, по его объясненію, „тумаковъ“ и чѣмъ-то острымъ оцарапали ему руку. Третій патрульный солдатъ Тарасъ Заикинъ, видя, что еврей стали бить Левченко и Гусева, хотѣлъ убѣжать съ мѣста происшествія, но еврей также бросился на него, и, когда Заикинъ сталъ отбиваться отъ нихъ прикладомъ, одинъ изъ евреевъ, кинувшись ему подъ ноги, свалилъ его на землю, послѣ чего еврей крикнули „ура!“ и стали его бить по головѣ, лицу и всему тѣлу, вслѣдствіе каковыхъ побоевъ онъ, Заикинъ, съ недѣлю пролежалъ въ больницѣ (околоткѣ). Отъ дальнѣйшихъ насильственныхъ дѣйствій въ отношеніи патрульныхъ солдатъ еврей были удержаны вмѣшательствомъ находившагося въ это время по близости отъ мѣста происшествія поручика Коломенскаго полка Зацѣпина и городскихъ мѣстной полиціи Цезарія Станишевскаго и Фомы Мирончика, при чемъ послѣдніе—для того, чтобы оградить названныхъ патрульныхъ отъ опасности, угрожавшей имъ со стороны евреевъ,—принуждены были отвести ихъ въ помѣщеніе 2-ой полицейской части, но и по дорогѣ туда патрульные солдаты, какъ удостовѣрили свидѣтели Юліанъ Кривицкій, городской Бакмановскій, мѣщанка Жуковская и друг., были преслѣдуемы евреями, наносившими имъ побои.

Изъ лицъ, которыя позволяли себѣ насильственныя дѣйствія въ отношеніи патруля, рядовой Федоръ Гусевъ, городской Станишевскій, отставной рядовой Юліанъ Кривицкій, отставной ря-

довой Емельянъ Кушнеръ и мѣщанинъ Александръ Невядомскій указали мѣщанъ: Сруля Губича, Мовшу Котина, Элью Кугеля, Элью Мовшева Фишкина, Абрама Мовшева Фрумкина, Йоселя Ицкова Каплана, Израиля Лейбова Сеглина, Юделя Абрамова Руманова, Шахну Нафтальева Арончика, Ирму-Залмана Ліокумова Кадыша и Мордуха Феймана, при чемъ изъ этихъ лицъ Сруль Губичъ былъ задержанъ городовымъ Станишевскимъ вслѣдъ затѣмъ, какъ онъ, по удостовѣренію Станишевскаго, билъ патрульныхъ солдатъ желѣзною палкою, обтянутою кожей, а Мовша Котинъ, въ день нападенія евреевъ на солдатъ, поступилъ съ знаками насилія—кровоподтекомъ на лѣвомъ предплечьѣ и раню на головѣ въ области праваго темени—на излѣченіе въ еврейскій госпиталь. Независимо отъ этого, на мѣстѣ происшествія, послѣ того, какъ патрульные солдаты были отведены въ помѣщеніе 2-ой части, по указанію нижнихъ чиновъ, городовыми Бакиновскимъ и Филозоновичемъ былъ задержанъ минскій мѣщанинъ Элья Янкелевъ Гоберманъ, который, въ моментъ его задержанія, находился среди евреевъ, вооруженныхъ палками и камнями и, по заявленіямъ солдатъ, участвовалъ въ нанесеніи имъ побоевъ. Одновременно съ нападеніемъ на патруль насильственныхъ дѣйствій евреевъ продолжались и противъ нижнихъ чиновъ, не принадлежащихъ къ составу патруля, а также нападенію съ ихъ стороны подверглись и нѣкоторые частныя лица христіанскихъ исповѣданій, при чемъ мѣстомъ этихъ нападеній и насильственныхъ дѣйствій служилъ уже не одинъ Нижній базаръ, но и другія улицы и части города, находящіяся по сосѣдству съ базаромъ.

Канониръ 3 баттарей 30 артиллерійской бригады Семень Егоровъ, проходя по Козьмодемьяновской улицѣ въ моментъ нападенія на патрульныхъ солдатъ, также получилъ ударъ камнемъ. Подпоручикъ Зацѣпинъ, присутствуя на мѣстѣ нападенія евреевъ на патруль Коломенскаго полка, получилъ отъ одного изъ унтеръ-офицеровъ заявленіе о томъ, что евреи бьютъ солдата, и, отправившись вслѣдствіе этого заявленія въ улицу, ведущую отъ базара къ Собору, нашель дѣйствительно тамъ солдата, котораго били человѣкъ 20 — 30. Ефрейторъ Коломенскаго полка Иванъ Ломацкій, опустивъ на Нижнемъ базарѣ письмо въ почтовый ящикъ и возвращаясь домой, встрѣтилъ подпоручика Зацѣпина и сталъ отгонять отъ него евреевъ, но при этомъ евреи схватили его самого и стали бить желѣзною палкой такъ, что

онъ лишился чувствъ, а затѣмъ, когда его повели въ часть, евреи шли сзади его и продолжали наносить ему побои. Унтеръ-офицеръ Серпуховскаго полка Андрей Игнатьевъ, присоединившись къ Зацѣпину, столкнулся съ толпою евреевъ, которые бѣжали съ Нижняго базара вверхъ по Темному ряду, при чемъ одинъ изъ этихъ евреевъ, безъ всякаго рѣшительно повода, ударилъ его, Игнатьева, чѣмъ-то по головѣ, а затѣмъ, когда онъ хотѣмъ поднять свалившуюся у него съ головы отъ полученнаго удара шапку, ему былъ нанесенъ новый ударъ въ голову. Ученикъ музыкантской команды Серпуховскаго полка Илья Герасимовъ Ручковскій, въ томъ же Темномъ ряду (на Козьмодемьяновской улицѣ), столкнулся также съ толпою евреевъ, и при этомъ одинъ молодой еврей нанесъ ему ударъ кулакомъ въ лицо. Лица, находившіяся во время безпорядковъ, происходившихъ на Нижнемъ базарѣ, по близости отъ казармъ 30 артиллерійской бригады: помощникъ пристава Книгга, рядовой Коломенскаго полка Федоровъ, городовые Александръ Рутковскій и Давидъ Гуликъ, псаломщикъ Александръ Насѣдкинъ и др., видѣли, какъ солдаты, преслѣдуемые евреями, бѣжали отъ послѣднихъ къ зданію казармъ. Одинъ изъ этихъ солдатъ былъ сбитъ какимъ-то евреемъ съ ногъ, и, когда онъ упалъ, къ нему подскочилъ и сталъ его бить палкою минскій мѣщанинъ Элья Абрамовъ Кугель, который тутъ же былъ задержанъ, по распоряженію помощника пристава Книгги, и доставленъ названными городовыми—Рутковскимъ и Гуликомъ—въ полицейскій участокъ. Изъ означенныхъ же лицъ, видѣвшихъ это преслѣдованіе солдатъ евреями, рядовой Павелъ Федоровъ, находившійся въ шагахъ десяти отъ Соборной церкви, въ свою очередь подвергся нападенію со стороны евреевъ. Подскочивъ къ нему, они схватили его и нанесли ему побои палками и кулаками. Возлѣ же собора, на бульварчикѣ, евреи нанесли побои палками и кулаками младшему унтеръ-офицеру Коломенскаго полка Гавріилу Исламову въ то время, какъ онъ хотѣлъ поспѣшить на помощь къ другимъ солдатамъ по призыву подпоручика Зацѣпина. Затѣмъ, на Соборной площади, около сборнаго пункта, были нанесены побои музыканту 30 артиллерійской бригады Серафиму Фаддееву Савицкому. Савицкій, проходя съ своимъ товарищемъ Степаномъ Курбацкимъ по Нижнему базару, наткнулся на евреевъ, бывшихъ солдатъ, и, желая избѣжать побоевъ, выбѣжалъ на Соборную площадь. Здѣсь, остановившись около сборнаго

пункта, онъ замѣтилъ евреевъ, которые толпою гнались за какимъ-то унтеръ-офицеромъ, и сталъ призывать солдатъ къ сборному пункту на помощь этому унтеръ-офицеру, но тутъ кто-то изъ евреевъ раза два ударилъ его, Савицкаго, по затылку такъ, что у него свалилась шапка. Фельдшерскій ученикъ, изъ рядовыхъ Коломенскаго полка, Тимошей Лукинъ, дойдя до базара по Козьмодемьяновской улицѣ и видя, что тамъ евреи бьютъ всѣхъ попадающихся имъ солдатъ, свернулъ на Торговую улицу, чтобы такимъ образомъ уйти отъ дерущихся, но евреи переняли его и на Торговой улицѣ и стали бить палками, а затѣмъ свалили съ ногъ и, — въ то время, какъ онъ лежалъ на землѣ, — раза два ударили его по головѣ и спинѣ. Рядовой 30-го артиллерійскаго парка Иона Павловъ Махневъ, возвращаясь домой въ квартиру офицера, у котораго онъ состоялъ вѣстовымъ, при переходѣ черезъ улицу отъ почтовой конторы къ зданію Окружнаго Суда, встрѣтился съ другимъ артиллерійскимъ солдатомъ, и тутъ они замѣтили, что цѣлая толпа евреевъ преслѣдовала двухъ бѣжавшихъ избитыхъ и окровавленныхъ солдатъ. Тогда Махневъ и встрѣченный имъ солдатъ бросились бѣжать къ Петропавловской улицѣ, но евреи стали ихъ преслѣдовать: товарища Махнева сбили съ ногъ, а ему самому разбили переносицу, нанеся ударъ палкою по лицу. Поручикъ Серпуховскаго полка Олешкевичъ видѣлъ, какъ „масса“ евреевъ била солдатъ на углу Старо-Мясницкой улицы и Нижняго базара, при чемъ солдаты убѣгали отъ евреевъ, по направленію къ желѣзнымъ лавкамъ.

Секретарь Минскаго Окружнаго Суда Лопушанскій и отставной жандармскій унтеръ-офицеръ Яковъ Александровъ Мокейчикъ, проѣзжая часовъ въ шесть или въ седьмомъ часу вечера по конно-желѣзной дорогѣ, въ то время какъ вагонъ, въ которомъ они находились, выѣхалъ съ Звездецкой улицы на Нижній базаръ, замѣтили, что навстрѣчу къ нимъ шла цѣлая толпа евреевъ, а впереди этой толпы двигались два избитыхъ солдата, на головахъ и лицахъ которыхъ была сплошная масса крови, при чемъ евреи напирали на солдатъ и давали имъ „подзатыльники“, такъ что солдаты на ходу подпрыгивали. Въ это время, изъ толпы евреевъ въ вагонъ вскочилъ какой-то еврей съ палкою въ рукахъ и сталъ жаловаться на солдатъ, говоря: „*помилуйте, безпорядки—пьяные солдаты разоряютъ, бьютъ насъ!*“ Когда же Мокейчикъ замѣтилъ еврею, что не солдаты ихъ оби-

жають, а они солдатъ, такъ какъ солдатъ кучка, а евреевъ тысячи, означенный еврей сказалъ, что „*прощаетъ эти слова ему, Мокейчику, только потому, что теперь праздникъ, а что у нихъ въ Москвѣ народъ и офицера билъ*“. Послѣ этого, еврей тотъ выскочилъ изъ вагона.

Изъ частныхъ лицъ христіанскихъ вѣроисповѣданій побои евреями были нанесены Александру Евсееву Дрейзену и мѣщанамъ Захару Шибалкѣ и Леонтію Викентьеву Швалькевичу. Первымъ двумъ побой были причинены на Нижнемъ базарѣ, а послѣднему въ то время, какъ онъ, не имѣя возможности обратиться домой, пришелъ вслѣдъ за солдатами въ часть. При входѣ его въ помѣщеніе полицейскаго участка, кто-то изъ евреевъ ударилъ его сначала кулакомъ по спинѣ, а потомъ и палкою по плечамъ. Кромѣ того, канцелярскій служитель Моисей Ермолаевъ Короневичъ видѣлъ на мосту, около мѣста происшествія, окровавленнаго русскаго мальчика, а поручикъ Серпуховскаго полка Олешкевичъ удостовѣрилъ, что, по прибытіи его на мѣсто безпорядковъ, многіе русскіе заявляли о нанесеніи имъ побоевъ евреями. Мѣщанка Устинья Иванова Жуковская, выйдя изъ Соборной церкви часовъ въ шесть пополудни, убѣдилась, что толпы евреевъ занимали сплошною массою значительныя пространства отъ Темнаго ряда до 2-ой полицейской части, и на всемъ этомъ пространствѣ и преимущественно на Нижнемъ базарѣ евреи били солдатъ; когда же свидѣтельница стала упрекать евреевъ за нанесеніе побоевъ послѣднимъ, евреи отвѣчали: „*тише, тише, а то и тебѣ по мордѣ дадимъ!*....“

Желѣзные предметы, которыми евреи наносили побои солдатамъ, какъ выяснилось изъ показаній отставнаго рядового Кривицкаго, городского Мирончика, крестьянина Марка Иванова Чаура и другихъ лицъ, евреи получили, передъ закрытіемъ магазиновъ изъ желѣзныхъ лавокъ Израиля Сеглина и Беніамина и Абрама Фрумкиныхъ. Въ виду той опасности, которою угрожали спокойствію города и безопасности военныхъ чиновъ возникшіе на Нижнемъ базарѣ безпорядки, полиціею и военнымъ начальствомъ были приняты особыя мѣры къ ихъ прекращенію. По распоряженію мѣстнаго полицеймейстера, помощникъ пристава Бернацкій обратился за содѣйствіемъ къ дежурному офицеру по 30-ой артиллерійской бригадѣ, которымъ и были даны, въ распоряженіе Бернацкаго, 33 или 34 рядовыхъ артиллерійской бригады при старшемъ фейерверкерѣ;—самъ же полицей-

мейстеръ истребоваль отъ коменданта, для усиленія полиціи, по десяти нижнихъ чиновъ на каждую часть. Затѣмъ само военное начальство сдѣлало распоряженіе о командированіи на мѣсто безпорядковъ патрулей для огражденія нижнихъ чиновъ отъ нападенія евреевъ.

Когда эти патрули—отъ Коломенскаго полка, въ составѣ двадцати нижнихъ чиновъ при одномъ унтеръ-офицерѣ, подъ командою подпоручика этого полка Галлашека, и отъ Серпуховскаго полка, въ составѣ двухъ нижнихъ чиновъ при старшемъ унтеръ-офицерѣ, — прибыли на Нижній базаръ и сдѣлали попытку освободить и забрать въ казармы находившихся въ толпѣ евреевъ нижнихъ чиновъ, еврей, какъ выяснилось изъ показаній подпоручика Галлашека, поручика Коломенскаго полка Захарченко, старшихъ унтеръ-офицеровъ Коломенскаго полка Леонтія Тарасевича и Серпуховскаго полка Александра Дырова, ефрейторовъ тѣхъ же полковъ Семена Цвирко и Сергѣя Лошкина и рядовыхъ Ивана Георгіева, Ивана Захарова, Ивана Кузьмина, Григорія Семенова и другихъ, окруживъ патрульныхъ солдатъ со всѣхъ сторонъ, начали бить ихъ палками и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бросали въ нихъ камни и бутылки и лили на нихъ грязную воду, помои изъ оконъ и воротъ сосѣднихъ домовъ. Одинъ изъ евреевъ, Абрамъ Михелевъ Капланъ, пытался при этомъ отобрать у одного изъ патрульныхъ—рядового Ивана Захарова—ружье, а когда ефрейторъ Цвирко подскочилъ къ Захарову для того, чтобы оказать ему помощь, другою еврею, нанесъ Цвирко ударъ толстымъ деревяннымъ коломъ по рукѣ, разбилъ ложе бывшаго у Цвирко въ рукахъ ружья. Затѣмъ, названный Капланъ сдѣлалъ попытку нанести ударъ командовавшему патрулемъ подпоручику Галлашеку, который, въ качествѣ начальника сомкнутаго строя, былъ съ обнаженною шапкою въ рукахъ. Но этотъ ударъ былъ предотвращенъ ефрейторомъ Лошкинымъ, бросившимся на помощь къ подпоручику Галлашеку, послѣ чего Капланъ былъ задержанъ городовымъ Митрончикомъ и доставленъ въ часть.

Изъ лицъ, подвергнувшихся нападенію со стороны евреевъ, раны и знаки отъ побоевъ оказались у унтеръ-офицера Гавріила Исламова, ефрейторовъ Левченко, Цвирко и Ломацкаго и рядовыхъ Гусева, Иванникова, Лукина, Захарова и Махнева. Кромѣ ружья, поврежденнаго въ рукахъ ефрейтора Цвирко, слѣды отъ ударовъ разными твердыми орудіями оказались еще на

восьми ружьяхъ, бывшихъ при патрульныхъ солдатахъ. Затѣмъ, показаніями свидѣтелей: полицеймейстера Закалинскаго, пристава 2-ой части Пекарскаго, подпоручика Серпуховскаго полка Чайковскаго и другихъ лицъ, установлено, что въ день описаннаго нападенія евреевъ на военные патрули и на нижнихъ воинскихъ чиновъ и лицъ, принадлежащихъ къ христіанскимъ исповѣданіямъ, между евреями замѣчалось особое возбужденіе, которое могло быть поставлено въ зависимость отъ проявлявшагося и ранѣе озлобленія евреевъ противъ военныхъ чиновъ, а отчасти и противъ всѣхъ христіанъ вообще.

Будучи допрошены въ качествѣ обвиняемыхъ, мѣщане: Эля Абрамовъ Кугель, Мовша Эльевъ Котинъ, Сруль Ароновъ Губичъ, Абрамъ Михелевъ Капланъ, Израиль Лейбовъ Сеглинъ, Беніаминъ Мовшевъ Фрумкинъ, Эля Мовшевъ Фишкинъ, Евель Янкелевъ Гоберманъ, Юдель Абрамовъ Румановъ, Абрамъ Мовшевъ Фрумкинъ, Иосель Ицковъ Капланъ, Шахна Нафталевъ Арончикъ, Ирма-Залманъ Ліокумовъ Кадышъ и Мордухъ Янкелевъ Фейманъ, не признали себя виновными въ причиненіи насилія военнымъ патрулямъ, а также непринадлежащимъ къ составу этихъ патрулей нижнимъ воинскимъ чинамъ и другимъ лицамъ христіанскихъ исповѣданій и объяснили: первые восемь, что они хотя и были на мѣстѣ беспорядковъ, происходившихъ 15-го апрѣля въ г. Минскѣ, но сами никакого участія въ этихъ беспорядкахъ не принимали, и что нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось быть въ такихъ пунктахъ Нижняго базара и прилегающихъ къ этому базару частей города, въ которыхъ, во время нахожденія ихъ тамъ, никакихъ столкновеній евреевъ съ солдатами не происходило; остальные же,—что на мѣстѣ беспорядковъ они совсѣмъ не были, а двое изъ нихъ—Абрамъ Фрумкинъ и Фейманъ—и совсѣмъ не находились въ г. Минскѣ.

Кромѣ того, въ свое оправданіе, обвиняемые сослались и на то, что самые беспорядки были вызваны не еврейскимъ населеніемъ, а воинскими чинами, позволявшими себѣ различныя насильственные дѣйствія въ отношеніи евреевъ. Въ подтвержденіе своихъ объясненій, обвиняемые указали на рядъ свидѣтелей, которые въ общемъ подтвердили сдѣланныя на нихъ ссылки, при чемъ однако нѣкоторые изъ этихъ свидѣтелей впали въ противорѣчія, какъ между собою, такъ и съ показаніями обвиняемыхъ, другіе же подтвердили такія обстоятельства, которыя, при полной ихъ достовѣрности, не исключаютъ еще возможности

участія обвиняемыхъ въ взводимыхъ на нихъ преступныхъ дѣяніяхъ. Вообще же показанія упомянутыхъ свидѣтелей, принадлежащихъ по преимуществу къ еврейскому населенію г. Минска, въ значительной массѣ принимавшему участіе въ описанныхъ безпорядкахъ, находятся въ прямомъ несогласіи съ объясненіями тѣхъ лицъ, которыя въ качествѣ свидѣтелей - очевидцевъ удостовѣрили участіе обвиняемыхъ въ скопищѣ, учинившемъ совокупными силами насиліе надъ воинскими чинами и лицами христіанскихъ вѣроисповѣданій и оказавшемъ насильственное противодѣйствіе вооруженной силѣ, призванной для огражденія подвергшихся насилію лицъ.

По приведеннымъ основаніямъ, мѣщане: Острожицкаго городка — Сруль Ароновъ Губичъ, 41 года, г. Игумена — Мовша Эльевъ Котинъ, 46 л., м. Докшицы, Борисовскаго уѣзда — Мордухъ Янкелевъ Фейманъ, 30 л., г. Слуцка — Израиль Лейбовъ Сеглинъ, 36 л., м. Столбцы, Минскаго уѣзда — Шахна Нафталевъ Арончикъ, 26 л., м. Самохваловки, того же уѣзда — Ирма-Залманъ Ліокумовъ Кадышъ, 45 л., и г. Минска: Юдель Абрамовъ Румановъ, 36 л., Абрамъ Мовшевъ Фрумкинъ, 27 л., Йосель Ицковъ Капланъ, 48 л., Эля Мовшевъ Фишкинъ, 26 л., Евель Михелевъ Гоберманъ, 39 л., Эля Абрамовъ Кугель, 25 лѣтъ, Абрамъ Михелевъ Капланъ, 28 л., и Беніаминъ Мовшевъ Фрумкинъ, 19 л., обвиняются въ томъ, что, питая вражду къ воинскимъ чинамъ и вообще къ христіанскому населенію, приняли участіе въ публичномъ скопищѣ, учинившемъ 15-го апрѣля 1897 г., въ г. Минскѣ на Нижнемъ базарѣ и прилегающихъ къ этому базару частяхъ города, соединенными силами, насиліе надъ означенными воинскими чинами и другими лицами христіанскихъ исповѣданій и оказавшемъ, также соединенными силами, противодѣйствіе вооруженнымъ патрулямъ отъ 119-го Коломенскаго и 120-го Серпуховскаго пѣхотныхъ полковъ, призваннымъ для огражденія подвергшихся насилію воинскихъ чиновъ, т.-е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 269¹ ст. Уложения. Посему и согласно съ 201¹ ст. Уст. Уголов. Судопр., названныя лица предаются суду Виленской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.

По прочтеніи изложеннаго обвинительнаго акта, *никто изъ подсудимыхъ виновнымъ себя не призналъ*, и Судебная Палата перешла къ производству судебного слѣдствія.

Въ залъ засѣданія были внесены, какъ вещественныя доказательства, *девять ружей Коломенскаго полка, поврежденныя во время нападенія еврейскихъ скопищъ на патруль подпоручика Галлашека.*

Что же касается свидѣтелей, то относящійся къ нимъ списокъ имѣетъ слѣдующее содержаніе:

I. Свидѣтели, вызванные по обвинительному акту:

1. Полицеймейстеръ г. Минска Матвѣй Ивановичъ **Закалинскій**.
2. Командиръ 120 пѣхотнаго Серпуховскаго полка Петръ Петровичъ **Федоровъ**.
3. Командиръ 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Александръ Васильевичъ **Вестужевъ**.
4. Секретарь Минскаго Окружнаго Суда Емельянъ Филипповичъ **Лопушанскій**.
5. Приставъ 2 части г. Минска Игнатій Осиповичъ **Пекарскій**.
6. Помощникъ пристава 1 части г. Минска Григорій Ивановичъ **Книгга**.
7. Помощникъ пристава 1 части г. Минска Александръ Казиміровичъ **Вернацкій**.
8. Помощникъ пристава 2 части г. Минска Борисъ Ивановичъ **Шахневичъ**.
9. Подпоручикъ 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Владиміръ Флавіановичъ **Зацѣпинъ**.
10. Подпоручикъ Вячеславъ Ивановичъ **Галлашевъ**.
11. Подпоручикъ 120 пѣхотнаго Серпуховскаго полка Александръ Ивановичъ **Ляховичъ**.
12. Подпоручикъ 120 пѣхотнаго Серпуховскаго полка Степанъ Александровичъ **Чайковскій**.
13. Поручикъ 120 пѣхотнаго Серпуховскаго полка Данилъ Ивановичъ **Олешевичъ**.
14. Поручикъ 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Владиміръ Юльевичъ **Захарченко**.
15. Городовой 2 части г. Минска Цезарій Ивановъ **Станиславскій**.

16. Городовой 2 части г. Минска Ома Павловъ **Мирончигъ**.
17. Городовой 2 части г. Минска Иосифъ Николаевъ **Вакиновскій**.
18. Городовой 1 части г. Минска Александръ Викентьевъ **Рутковскій**.
19. Городовой 1 части г. Минска Давидъ Никитинъ **Гуликъ**.
20. Городовой 2 части г. Минска Осипъ Ивановъ **Филозовичъ**.
21. Городовой 2 части г. Минска Адамъ Степановъ **Соловьевъ**.
22. Ефрейторъ 4 роты 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Иванъ Васильевъ **Левченко**.
23. Рядовой 4 роты 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Федоръ Григорьевъ **Гусевъ**.
24. Рядовой 4 роты 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Тарасъ Васильевъ **Закинъ**.
25. Рядовой, фельдшерскій ученикъ, 10 роты 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Тимошей **Лузинъ**.
26. Рядовой, фельдшерскій ученикъ, 6 роты 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Иванъ **Михѣевъ**.
27. Рядовой 9 роты 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Иванъ **Захаровъ**.
28. Ефрейторъ 1 роты 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Никаноръ Герасимовъ **Иванниковъ**.
29. Рядовой 1 роты 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Павелъ **Федоровъ**.
30. Ефрейторъ 9 роты 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Семень Гавриловъ **Цвирко**.
31. Ефрейторъ 6 роты 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Иванъ Дементьевъ **Ломацкій**.
32. Старшій унтеръ-офицеръ 1 роты 120 Серпуховскаго пѣхотнаго полка Андрей **Игнатьевъ**.
33. Рядовой музыкантской команды 120 пѣхотнаго Серпуховскаго полка Василий Петровъ **Воаркинъ**.
34. Ученикъ музыкантской команды 120 пѣхотнаго Серпуховскаго полка Илья Герасимовъ **Рутковскій**.
35. Старшій унтеръ-офицеръ 8 роты 120 пѣхотнаго Серпуховскаго полка Александръ Ивановъ **Дыровъ**.
36. Ефрейторъ 8 роты 120 пѣхотнаго Серпуховскаго полка Сергѣй Ларионовъ **Ложкинъ**.
37. Отставной рядовой Юліанъ Николаевъ **Кривицкій**.

38. Мѣщанинъ Осипъ Осиповъ **Заславскій**.
39. Отставной жандармскій унтеръ-офицеръ Яковъ Александровъ **Мокочичъ**.
40. Младшій унтеръ-офицеръ 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Гаврилъ Леонтьевъ **Исламовъ**.
41. Старшій унтеръ-офицеръ 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Леонтій Викторовъ **Тарасевичъ**.
42. Рядовой 30 артиллерійскаго летучаго парка Юна Павловъ **Махневъ**.
43. Рядовой 9 роты 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Иванъ **Кузьминъ**.
44. Рядовой, фельдшерскій ученикъ, 13 роты 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Илья Ивановъ **Тумаевъ**.
45. Рядовой, музыкантъ, 120 Серпуховскаго пѣхотнаго полка Гаврилъ Евстафьевъ **Одинцовъ**.
46. Рядовой 10 роты 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Прохоръ Моисеевъ **Кичайкинъ**.
47. Рядовой 9 роты 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Григорій **Семеновъ**.
48. Рядовой 10 роты 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Василій **Никифоровъ**.
49. Рядовой 6 роты 119 пѣхотнаго Коломенскаго полка Кирилъ **Петровъ**.
50. Мѣщанинъ Серафимъ Ѳаддеевъ **Савицкій**.
51. Крестьянинъ Романъ Ивановъ **Рябцевичъ**.
52. Отставной рядовой Емельянъ Ѳедоровъ **Кушнеръ**.
53. Крестьянинъ Маркъ Ивановъ **Чауръ**.
54. Мѣщанинъ Александръ Казиміровъ **Невядомскій**.
55. Мѣщанинъ Захаръ (незаконнорожденный) **Шибалка**.
56. Мѣщанинъ Леонтій Викентьевъ **Швалькевичъ**.
57. Крестьянинъ Ѳедоръ Малахievъ **Марченко**.
58. Канониръ 3 баттарей 30 артиллерійской бригады Семень Егоровъ **Егоровъ**.
59. Штатный канцелярскій служитель Минскаго Окружнаго Суда Моисей Ермолаевичъ **Короневичъ**.
60. Мѣщанинъ Мартынъ Антоновъ **Красовскій**.
61. Александръ Евсеевъ **Дрейзинъ**.
62. Младшій унтеръ-офицеръ 120 пѣхотнаго Серпуховскаго полка Андрей **Лисовъ**.
63. Мѣщанинъ Мартынъ Юсифовъ **Амброжевичъ**.

64. Мѣщанинъ Станиславъ Антоновъ **Хмѣлевскій**.
65. Мѣщанка Устинья Иванова **Жуковская**.
66. Крестьянинъ Карлъ Петровъ **Шумейко**.
67. Старшій городской 2 части г. Минска Иванъ Ивановъ **Вовдой**.

II. Свидѣтели, вызванные по просьбѣ подсудимыхъ.

а) КАПЛАНА:

68. Лейзеръ Шендеровъ **Лившицъ**.
69. Мовша-Аронъ Ицковъ **Ашеровичъ**.
70. Юліанъ Адамовъ **Ивановскій**.
71. Михаилъ **Яницкій**.
72. Борухъ **Фелеръ**.

б) ГОБЕРМАНА:

73. Ицко-Мееръ Менделевъ **Гутманъ**.
74. Роха-Лея Файвишева **Ассъ**.
75. Берко Боруховъ **Левинъ**.
76. Берко Срулевъ **Майзельсъ**.
77. Калманъ Файбишевъ **Баганъ**.
78. Борухъ Лейбовъ **Махтой**.
79. Юзефа Ивановна **Мазуркевичъ**.

в) КАДЫША:

80. Мовша Эльевъ **Рахманчичъ**.
81. Никифоръ Александровъ **Васильевъ**.
82. Станиславъ **Мурашко**.

г) РУМАНОВА:

83. Мееръ Вульфовъ **Цитронъ**.
84. Абрамъ Мееровъ **Цитронъ**.
85. Яковъ Ицковъ **Гольдбергъ**.
86. Андрей Ильинъ **Францкевичъ**.
87. Левъ Яковлевъ **Полякъ**.
88. Марія **Францкевичъ**.

д) ФРУМКИНА:

89. Ицко-Мееръ Менделевъ **Гутманъ**.
90. Анна Францева **Вартошевичъ**.
91. Ѳаддей Викентьевъ **Вартошевичъ**.
92. Степанъ Ивановъ **Юзовичъ**.
93. Мовша Зеликовъ **Соловейчикъ**.
94. Иоанна Онуфріевна **Новикъ**.
95. Шавель Лейбовъ **Махтей**.
96. Дмитрій Александровичъ **Добжевичъ**.
97. Городовой **Волчехъ**.
98. Приставъ **Пекарскій**.
99. Лейба **Верковскій**.
100. Илья Устиновъ **Волесовскій**.

е) ОСТАЛЬНЫХЪ:

101. Лейба-Гилель Шимоновъ **Шафиръ**.
102. Рядовой Иванъ **Гергіевъ**.
103. Рядовой Ѳедоръ **Турайчикъ**.
104. Рядовой Иванъ **Евдокимовъ**.
105. Рядовой Максимъ **Липатовъ**.
106. Мееръ Юселевъ **Ривкианъ**.
107. Николай Хрисанфовъ **Сапожниковъ**.
108. Константинъ Львовъ **Томашевскій**.
109. Дмитрій Александровъ **Добжевичъ**.
110. Хасень Адамовъ **Гембицкій**.
111. Юсифъ Ивановъ **Лойко**.
112. Степанъ Ивановъ **Юевичъ**.
113. Шавель Лейбовъ **Махтей**.
114. Самуиль Сауловъ **Элиасбергъ**.
115. Левъ Яковлевъ **Полякъ**.
116. Иоакимъ Самойловъ **Познякъ**.
117. Левъ Неваховъ **Шапиро**.
118. Эразмъ Иоакимовъ **Некрасевичъ**.
119. Валентина Иванова **Тронисъ**.
120. Беръ Юселевъ **Вишиловичъ**.
121. Ханмъ Боруховъ **Нехмановичъ**.
122. Рафаэль Ицковъ **Соловейчикъ**.
123. Шепшель Исааковъ **Нусбейнъ**.
124. Мордухъ Ханмовъ **Матасевичъ**.

125. Зундель Берковъ **Скудинъ**.
126. Мордухъ Йоселевъ **Эльтерманъ**.
127. Берко Ицковъ **Зальцманъ**.
128. Йосель Боруховъ **Векерманъ**.
129. Шавель Лейбовъ **Гурвичъ**.
130. Янкель Хаимовъ **Фридманъ**.
131. Йосифъ Александровъ **Казимірскій**.
132. Приставъ **Освѣдцмскій**.
133. Приставъ **Добковичъ**.
134. Раввинъ Авраамъ **Ханелессъ**.
135. Кушель Янкелевъ **Михалевичъ**.
136. Авраамъ Шлеймовъ **Лейкинъ**.
137. Лейба **Молотъ**.
138. Лейба **Юффе**.

И въ частности по просьбѣ.

ж) ГУБИЧА:

139. Роха Беркова **Рубинштейнъ**.
140. Шая Шлёмовъ **Сонкинъ**.
141. Лейзеръ Зеликовъ **Израиловичъ**.
142. Зельда Иделева **Ельенна**.
143. Давидъ Мовшевъ **Рубинштейнъ**.
144. Даниилъ Герцевъ **Розенталь**.

з) ФЕЙМАНА:

145. Романъ Николаевъ **Соболь**.
146. Федоръ Николаевъ **Дубинскій**.
147. Антонъ Йосифовъ **Галець**.
148. Михаилъ Николаевъ **Дубинскій**.
149. Мордухъ Лейбовъ **Перевозкинъ**.
150. Мартынъ Венедиктовъ **Дойнаровичъ**.

и) КОТИНА:

151. Ханмъ Мордуховъ **Соськинъ**.
152. Шмуль Гиршевъ **Хейфенъ**.

і) ФІШКІНА:

153. Шліома Лейзеровъ **Шабкевичъ**.
154. Осипъ Игнатъевъ **Тарлецкій**.
155. Ольга Аѳанасъевна **Добронравова**.
156. Копель Ицковъ **Ожунъ**.

к) КУГЕЛЯ:

157. Павелъ Петровъ **Томиловскій**.
158. Осипъ Антоновъ **Пилецкій**.
159. Александръ Алексѣевъ **Палей**.
160. Рувинъ Берковъ **Несвижскій**.
161. Витольдъ Казиміровъ **Солтанъ**.
162. Дыня Самойловна **Файнъ**.

л) АБРАМА КАПЛАНА:

163. Мовшъ-Ошеръ Шендеровъ **Хомскій**.
164. Берко Лейзеровъ **Эпштейнъ**.
165. Юдель Мордуховъ **Нейфахъ**.
166. Хаимъ Ошеровъ **Милецкій**.
167. Давидъ Мовшевъ **Тасъманъ**.
168. Лейба Берковъ **Левенсонъ**.
169. Мовша Юхелевъ **Вершштейнъ**.

м) АБРАМА ФРУМКІНА:

170. Юдель Юселевъ **Спонтъ**.
171. Юсифъ Лейзеровъ **Лившицъ**.
172. Давидъ Берковъ **Штубринъ**.

н) СЕГЛИНА:

173. Лейба Рафаиловъ **Грушкинъ**.
174. Ханда Касріева **Дрейзинъ**.
175. Гиршъ Залмановъ **Майзельсъ**.
176. Абрамъ Срулевъ **Вушель**.
177. Мееръ Фаѣбишевъ **Райхельсонъ**.
178. Матусъ Абрамовъ **Огуръ**.
179. Калманъ Хаимовъ **Трегеръ**.
180. Мотель Янкелевъ **Капланъ**.

181. Мендель Мордуховъ **Балланъ**.
182. Фрума Янкелева **Серманъ**.
183. Мойше Зеликовъ **Соловейчикъ**.
184. Мендель Мордуховъ **Кантеръ**.

о) КУТЕЛЯ:

185. Командиръ 4 роты **Филипповъ**.

По ходатайству ПРОКУРОРА ПАЛАТЫ:

186. Городовой Наумъ **Волчокъ**.

Краткій очеркъ судебного слѣдствія и преній.

Если не всё безъ исключенія, то большинство поименованныхъ въ списокѣ свидѣтелей, какъ сказано выше, явились въ засѣданіе. Показанія же многихъ другихъ, неявка которыхъ признана законною, будучи прочитаны вмѣстѣ съ разными относящимися къ дѣлу протоколами осмотра и иными слѣдственными документами, раскрыли картину событія 15 апрѣля 1897 года, если не во всей его полнотѣ, то съ весьма достаточною силой.

Содержаніе обвинительнаго акта въ существѣ подтвердилось. Что же касается основного мотива преступленія — *племенной и религиозной ненависти евреевъ*, то хотя онъ и сознавался большинствомъ присутствовавшихъ и хотя обнаружился настолько, что самъ представитель обвинительной власти нашелъ справедливымъ поддерживать обвиненіе именно по 1-й части ст. 269¹ Улож. о нак. *), тѣмъ не менѣе, — по совершенной новизнѣ этого опаснаго вопроса и по особымъ качествамъ іудаизма, — былъ мало укрѣпленъ на конкретныхъ фактахъ, а потому не для всѣхъ явствовалъ съ безусловною очевидностью. Важные пробѣлы предварительнаго слѣдствія, слишкомъ мало разработавшаго эту важ-

*) Обвиненіе по 2-ой части той же статьи исключалось тѣмъ, — однако совершенно чуждымъ существу кагальнаго злоумышленія, — фактомъ, что ни одинъ изъ подвергавшихся нападенію патрулей Коломенскаго полка не былъ призванъ *гражданскою* властью для разсѣянія еврейскаго скопища.

нѣйшую сторону дѣла, на-ряду съ нѣкоторыми,—впрочемъ, только формальными данными отрицательнаго характера, значеніе которыхъ, по неполнотѣ собраннаго матеріала, нельзя было устранить на судѣ, выразились въ томъ, что указанный, твердо инкриминируемый обвинительнымъ актомъ мотивъ преступленія нельзя было установить и въ приговорѣ Судебной Палаты, съ несомнѣяностью.

По отношенію же, въ частности, къ свидѣтелямъ защиты необходимо сказать, что, будучи — въ огромномъ большинствѣ — евреями, они главнымъ образомъ удостовѣряли *alibi* всѣхъ подсудимыхъ, а съ другой стороны направлялись къ изложенію событій въ томъ смыслѣ, что не только подсудимые ровно ни въ чемъ неповинны, а что, наоборотъ, самъ же подпоручикъ Галлашекъ и его патруль... виноваты въ совершеніи *еврейскаго погрома!*...

Стремясь перенести центръ тяжести процесса именно въ этотъ погромъ, подсудимые въ свою очередь, настоятельно и неоднократно, обращали судебное слѣдствіе то на невзгоды, которыя постигли кабакъ Бокермана, то на разбитіе оконъ въ синагогѣ, то на убіеніе однимъ изъ патрульныхъ еврейской канарейки...

Между прочимъ, относительно *alibi* нельзя не замѣтить, что, напримѣръ, въ защиту Ирмы Кадыша, занимавшагося *ловлею бродячихъ собакъ* въ Минскѣ, давалъ показаніе такой свидѣтель, который, по его собственнымъ словамъ, завѣдываетъ „*конторою по выкупу бродячихъ собакъ*“, а за лакея изъ публичнаго дома Шахну Арончика свидѣтельствовалъ Конель Ицковъ Окунь, состоящій, по его же заявленію, „воспитателемъ сына любовника содержательницы означеннаго дома г-жи Добронравовой“.

Наконецъ, отвергая виновность своихъ кліентовъ по 269¹ ст. Улож. о наказ., а засимъ отрицая совершеніе ими какого-либо преступнаго дѣянія и даже возводя ихъ образъ дѣйствій на степень вынужденной, то есть правомѣрной самообороны, защита — особенно въ лицѣ присяжнаго повѣреннаго Мирнова—не только желала выдать за истину еврейскую легенду объ учиненіи погрома „пьянымъ патрулемъ Галлашека“, но и оспаривала за эту вооруженною командой самое право именоваться патрулемъ или же претендовать на то, что нападенію подвергся именно *патруль*, когда, въ дѣйствительности, если и могли испытать на себѣ возмездіе евреевъ за буйство, то развѣ отдѣльные рядовые, а отнюдь не вся команда, *in corpore*.

Въ заключеніе, остается добавить, что, по непростительной

вопіющей халатности, ни одна редакція *рускаго* повременнаго изданія не прислала въ Минскъ своего корреспондента. За то въ залѣ находились и этимъ изумительнымъ „счастьемъ“ кагала дерзко воспользовались два еврея—корреспондента шести еврейскихъ же и еврействующихъ, частью провинціальныхъ, а большею частью столичныхъ газетъ. Отсюда, во-очію, уже во время процесса, создавалась опасность, что данныя судебного слѣдствія будутъ въ печати извращены — на радость сынамъ Іуды и во вредъ русскимъ воинамъ, сокрушившимъ дерзновеніе кагала, и что, этими іудаизированными „отчетами“ общественное мнѣніе можетъ быть введено въ заблужденіе. Вотъ печему, надлежащія телеграммы въ „*Новое Время*“, въ „*Московскій Листокъ*“ и въ „*Гласность*“, отправленныя какъ на пути процесса, такъ равно вслѣдъ за его окончаніемъ и перепечатанныя нѣкоторыми другими газетами, а нынѣ приводимыя далѣе (въ концѣ этой брошюры), имѣли цѣлью по возможности парализировать іудейскія мѣропріятія.

„Избранный народъ“ хорошо понимаетъ, до какой степени серьезно для него настоящее дѣло,—не слѣдовало отдаваться на его произволъ тому, на кого палъ жребій чести бороться противъ еврейства. Приходилось отнюдь не молчать, а по совѣсти и крайнему разумѣнію, уже въ самыхъ стѣнахъ судебного зала, надлежало раскрыть всю глубину проблемы и освѣтить ходъ событій 15-го апрѣля 1897 года съ наибольшою яркостью. Но, независимо отъ предѣловъ, указываемыхъ индивидуальными силами лица, на которое былъ возложенъ такой трудъ, степень его исполненія опредѣлялась, въ особенности, тѣми объективными условіями, въ которыхъ оно происходило. Судебное слѣдствіе есть сфера, внѣ которой нѣтъ средствъ для борьбы за право. Въ виду этого, между прочимъ, стало неизбѣжнымъ почти совсѣмъ отказаться отъ изслѣдованія данныхъ процесса въ связи съ исторіею, теоріею и практикою талмуда, хотя и являлось очевиднымъ что лишь на данной почвѣ вопросъ о ненависти евреевъ къ христіанамъ мыслимо разработать съ точностью.

Такимъ образомъ, задача представителя 119 Коломенскаго полка, присяжнаго повѣреннаго А. С. Шмакова, оказалась значительно сложнѣе, чѣмъ было бы возможно предполагать по даннымъ обвинительнаго акта. Обнимая всѣ существенныя обстоятельства дѣла, его рѣчь и является поэтому необходимымъ дополненіемъ къ вышензложенному для восстановленія истины.

Р Ъ Ч Ь

*присяжнаго повѣреннаго. А. С. Шмакова, какъ
представителя 119-го пѣхотнаго Коломенскаго
полка. *)*

Гг. Судьи,

Гг. сословные представители!

Вашъ глубокой жизненный опытъ и мудрость разумѣнія вами уголовныхъ дѣяній, безъ сомнѣнія, хранятъ въ вашей памяти многія знаменательныя судебныя драмы, отчаянныя и наивныя, грозныя и таинственныя, движимыя корыстью или же дышашія фанатизмомъ преступленія. Но едва ли ошибусь я, сказавъ, что событіе, подобное настоящему, никогда еще не встрѣчалось на величавомъ пути русскаго правосудія.

Съ своей стороны, изучая еврейскій вопросъ и привыкнувъ ничему въ этой сферѣ не удивляться, я обязанъ засвидѣтельствовать, что и на сценѣ всемірной исторіи мнѣ неизвѣстно ни одного злодѣянія и никакого процесса, которые, хотя бы отчасти, напоминали то, что мы видимъ здѣсь. Въ теченіе нѣсколькихъ дней судебного засѣданія, мой взоръ невольно обращался, все вновь и вновь, къ этимъ девяти израненнымъ евреями ружьямъ

---

*) Въ еврейской и еврействующей прессѣ, эта рѣчь была частью по своему пересказана малограмотными евреями-корреспондентами, частью же умышленно извращена ими на потѣху кагала. Объ этомъ. — какъ и вообще о іуданизированіи судебныхъ отчетовъ по настоящему дѣлу, — читатели были своевременно предупреждены телеграммами А. С. Шмакова, напечатанными въ „Гласности“ и въ „Новомъ Времени“. Тогда же, текстъ рѣчи, въ ея существѣ, былъ напечатанъ въ „Московскомъ Листкѣ“, а затѣмъ, въ сокращенномъ видѣ, помѣщенъ былъ и въ „Новомъ Времени“.

Теперь, эта рѣчь излагается уже не въ существѣ только, а съ возможною точностью, въ полномъ объемѣ, какъ она была произнесена.

Коломенскаго полка, лежащимъ передъ вами въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, и — какъ невыразимо скорбный, тяжкій кошмаръ—въ моемъ сознаниі, еще и еще разъ, подымался вопросъ: *да неужели это правда?!...*

Увы! „Истина“, какъ говорятъ французы, „подчасъ имѣетъ право быть невѣроятною“, — и это именно такая, совершенно невѣрояная истина.

Но чѣмъ она менѣе вѣроятна, тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ изслѣдованіе событій, лежащихъ на ея пути.

Обратимся же къ нимъ.

I. Напрасно стали бы злорадствовать евреи. Эти изувѣченныя ружья, какъ и залитые кровью русскіе солдаты, доблестное самоотреченіе и дисциплину которыхъ такъ трогательно нарисовало передъ нами судебное слѣдствіе, показываютъ всему свѣту, на какіе подвиги героизма способенъ русскій человѣкъ. По причинамъ, которыя я сейчасъ выясню, патрули не имѣли права дѣйствовать штыками или стрѣлять, — въ случаѣ крайности, имъ было разрѣшено только защищаться прикладами. Такое содержаніе приказа, разумѣется, не могло оставаться тайною для евреевъ, и вотъ они напали цѣлыми толпами на одного.

Въ свою очередь, нижніе чины свято исполнили свой долгъ. Какъ ни ужасно бывало ихъ положеніе, какихъ роковыхъ минутъ, между жизнью и смертью, ни переживали они, — никто не нарушилъ приказа.

А между тѣмъ, уже одно состояніе необходимой обороны, казалось бы, оправдывало нарушителя... Вспомните хотя бы о ефрейторѣ Левченко. Честный и правдивый свидѣтель, ночной сторожъ Кушнеръ, и не менѣе заслуживающій довѣрія свидѣтель, курьеръ съѣзда мировыхъ судей, симпатичный хохоль Марченко, были очевидцами слѣдующаго. Оттиснувъ Левченко отъ двухъ его товарищей, рядовыхъ Заикина и Гусева, составившихъ съ нимъ первый патруль отъ Коломенскаго полка, толпа евреевъ кинулась избивать ихъ порознь, при чемъ Левченко, въ тѣсномъ промежуткѣ между двумя еврейскими лавками, былъ опрокинутъ на землю. Избиваемый желѣзными палками и окровавленный Левченко думаетъ не о себѣ. Нѣтъ, онъ спасаетъ свое ружье, которое обѣими руками схватилъ еврей и, волоча Левченку по землѣ, норовитъ отнять — въ то самое время, какъ другіе евреи продолжаютъ наносить лежащему удары, преимущественно по головѣ. „*Бейте, хотъ на смерть*

убейте,—вопіеть Левченко,— пока живъ, ружья изъ рукъ не выпущу....“

Столь же самоотверженное исполненіе приказа и непоколебимую вѣрность службѣ мы видимъ и на всемъ дальнѣйшемъ пути настоящаго дѣла. Таковъ русскій солдатъ и таковъ его подвигъ. Въ этой беззавѣтной дисциплинѣ русскихъ воиновъ заключается ихъ рыцарское служеніе родинѣ и ихъ величайшее торжество. А если, при данныхъ условіяхъ, т.-е. когда патрулямъ не было разрѣшено дѣйствовать оружіемъ, многіе евреи спасли свою жизньъ — для того, чтобы избивать лежачихъ,—то ни одинъ справедливый судья не признаетъ въ этомъ никакой еврейской побѣды...

Правда, обезумѣвшіе отъ вѣками таимой ярости, коварные евреи, сознавая свою силу въ Минскѣ, внезапно собрались тысячами и, вооружась ломami, кольями, желѣзными орудіями и обломками, деревянными и желѣзными палками и камнями, повсюду, гдѣ только могли, въ подавляющемъ числѣ набрасывались на малочисленныхъ и безоружныхъ христіанъ, дерзко глумились надъ ними, беспощадно преслѣдовали и свирѣпо истязали. Тѣмъ не менѣе, повторяю, при указанныхъ выше обстоятельствахъ, еврейство отнюдь не смѣетъ злорадствовать, какъ это у него въ обычаѣ, ибо, по меньшей мѣрѣ, ему не слѣдовало бы отягощать часть возмездія...

Вотъ почему нельзя не удивляться, встрѣчая со скамьи подсудимыхъ ядовитыя и упорныя заявленія о томъ, что здѣсь была простая драка пьяныхъ солдатъ съ какими-то „босяками“, въ томъ числѣ, быть можетъ, и съ евреями.

II. Въ свою очередь, защита, усердно стремившаяся,—вопреки очевидности, — подготовить такую именно постановку вопроса, какъ бы сама, однако, понимала невозможность выдвинуть ее сразу, во всей неприглядности ея наготы. Этимъ, какъ я думаю, объясняется та черствая мягкость и, если такъ можно выразиться, ироническая деликатность терминологіи, какую обволакивался вопросъ. Въ устахъ защиты, съ изысканнымъ безсердечіемъ, но и съ большою оглядкой подготовляемый ею аксессуаръ — „пьяные солдаты“—нѣжно именовался „солдатиками“, а центръ позиціи,—созданный самою же защитою мнѣ о разгромѣ кабака Юсея Бекермана,—превращался въ нѣсколько бутылокъ съ ликеромъ изъ заманчиваго „кабачка“ по дорогѣ того патруля, которымъ командовалъ подпоручикъ Галлашекъ.

Не станемъ же обманываться. Эта жестокая ласковость приемовъ защиты должна, по ея расчету, взорвать на воздухъ все обвиненіе. На ряду съ „кабачкомъ“ Беккермана, создается ею, для аттестациі патруля, и другой мнѣ— *о разгромѣ синагоги*,— мнѣ тѣмъ болѣе заманчивый, что, во-первыхъ, онъ построенъ исключительно на показаніи самого же подпоручика Галлашека о какихъ-то валявшихся по мостовой книгахъ, которыя патруль, не трогая, обошелъ, и что, во-вторыхъ, о какомъ-либо покушеніи на синагогу ни одинъ еврей,—а ихъ прошло передъ нами болѣе сотни,—ни меламедъ Мовша Рахманчикъ, ни даже раввинъ Ханнелесъ, какъ на предварительномъ, такъ и на судебномъ слѣдствіяхъ, ни однимъ словомъ не намекали. Мнѣ заманчивый, говорю я, потому, что вмѣстѣ съ мнѣомъ о „кабачкѣ“, да еще съ прелестною сказкой о безвременно погибшей еврейской канарейкѣ, онъ представляетъ ту основную тему, варіаціями которой будутъ воспѣваемы защитою „солдатики“ и, главнымъ образомъ, ихъ начальникъ,—опаснѣйшій для евреевъ свидѣтель,— подпоручикъ Галлашекъ. Сообразно съ этимъ, цѣлая масса свидѣтелей защиты, разумѣется евреевъ, не замедлила нарисовать въ этомъ залѣ совершенно вѣрную, по ихъ словамъ, такую картину, изъ которой оказывается, что никакихъ беспорядковъ со стороны евреевъ не было, что минское еврейство чинно и добродѣтельно продолжало свои восхитительные гешефты, ни на кого не нападая, а что если—среди такихъ достохвальныхъ заботъ— оно и было встревожено слухами о погромѣ, то единственно благодаря самому же подпоручику Галлашеку и его патрулю. „Солдатики“, съ бутылками и ружьями въ рукахъ, бѣгали, дескать, по улицамъ, относились къ сынамъ Іуды крайне непочтительно, буйствовали вразбродъ, избивали еврейскихъ стариковъ и старухъ, нападали на встрѣчнаго и поперечнаго, разнесли Іоселевъ „кабачекъ“, побили окна въ синагогѣ,—вообще натворили бездну достойныхъ примѣрной кары бѣдъ.

Такимъ образомъ, свирѣпое и продерзостное нападеніе евреевъ *даже на вооруженные патрули* постепенно превращается подсудимыми сперва въ простую базарную драку, а затѣмъ уже, по-легоньку да помаленьку, и въ еврейскій погромъ, учиненный никѣмъ инымъ, какъ подпоручикомъ же Галлашекомъ и состоявшимъ подъ его командою патрулемъ. Ясно, что здѣсь совершенъ *подлинный подсудимыхъ*.—и это весьма естественно, ибо, какъ мы увидимъ дальше, по еврейской же версіи, еще раньше былъ

сдѣланъ *подмѣнъ вещественныхъ доказательствъ*. Но этого мало. Являясь основною и важнѣйшею цѣлью мести евреевъ, подпоручикъ Галлашекъ, судьбою-мачихою, былъ принужденъ испить горькую чашу до дна. На его долю выпало пережить весь циклъ іудейскихъ мѣропріятій, долженствующихъ, по талмуду, согнуть всякаго супостата въ дугу. Его сначала подкупали лгать за евреевъ подъ присягою на судѣ. Потомъ евреи угрожали ему всякими бѣдами и несчастіями. Въ заключеніе, тѣ же евреи, безстыдно приписывая ему роль „погромщика“, оклеветали его, съ одними имъ присущими злобою, издѣвательствомъ и коварствомъ. Такова награда всякому, кто дерзнетъ возстать противъ кагала!...

Превращать себя изъ обвиняемаго въ обвинителя — дерзновенный пріемъ, давно замѣченный у прошедшихъ острожную школу, наиболѣе „невинныхъ“ подсудимыхъ. Но, чтобы осмѣлиться взвести обвиненіе въ „еврейскомъ погромѣ“ на военный отрядъ, для этого надо обладать еще и еврейскою наглостью.

Однако, проведя свой патруль изъ 20 человекъ черезъ двадцати-тысячное скопище разъяренныхъ евреевъ, своею вѣрностью приказу командира полка пощадивъ жизнь многихъ изъ нихъ и выручивъ изъ ихъ безжалостныхъ рукъ нѣсколько побитыхъ и окровавленныхъ нижнихъ чиновъ, мужественный командиръ патруля, разумѣется, не такой человекъ, чтобы взволноваться изъ-за тѣхъ пріемовъ, которыми ему „воздастъ“ еврейство. Онъ обязанъ помнить, что скорбный путь есть удѣлъ всякаго, свято исполняющаго свой долгъ. А если не всякому суждено быть оклеветаннымъ съ такою же ироніею, то тѣмъ больше чести тому, на кого посягнула еврейская клевета. Честь и слава подпоручику Галлашеку! Передъ лицомъ всѣхъ, здѣсь присутствующихъ, я отъ души поздравляю его.

III. Обращаясь къ вопросу, почему патрулямъ не было дано разрѣшенія дѣйствовать штыками и, въ случаѣ надобности, стрѣлять, необходимо имѣть въ виду, что: а) даже теперь, послѣ четырехъ дней судебного слѣдствія, когда данныя, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, несомнѣнно подтвердились, мы слышимъ отрицаніе защитою всякаго нападенія со стороны евреевъ и, сверхъ того, вынуждены считаться съ утвержденіемъ, что здѣсь была простая драка; но если такъ обстоитъ дѣло теперь, то каково же было положеніе военнаго начальства въ самый разгаръ безпримѣрныхъ событій 15 апрѣля прошлаго года, и

вдобавокъ при условіи, что, забирая израненныхъ солдатъ Коломенскаго полка въ полицейскій домъ,—такъ какъ, по удостовѣренію самихъ полицейскихъ чиновъ, на судѣ выслушанныхъ, не было другого средства спасти ихъ отъ евреевъ,—*полиція ничего, однако, не сообщала командиру названнаго полка, полковнику А. В. Бестужеву!* б) если, и въ настоящее время, все еще продолжается споръ не только о дѣйствительномъ ходѣ событій, но даже о коренной ихъ причинѣ, при чемъ отвергается самый фактъ ненависти евреевъ къ христіанамъ, то какимъ образомъ военное начальство, уже 15 апрѣля, могло предположить, что дерзость евреевъ перейдетъ за предѣлы всякаго вѣроятія? в) вотъ почему, въ началѣ, отъ Коломенскаго и Серпуховскаго полковъ, согласно приказу по гарнизону отъ 9 апрѣля 1897 года за № 17, для наблюденія за уволенными изъ казармъ нижними чинами, были посланы только два патруля—изъ трехъ человекъ каждый; г) когда, вслѣдъ за симъ, полковникъ Бестужевъ, въ этотъ день больной и невыходившій изъ дому, получилъ свѣдѣнія о безпорядкахъ на Нижнемъ базарѣ г. Минска, то онъ тотчасъ же отдалъ слѣдующее письменное приказаніе: „Прошу, съ полученіемъ сей записки, немедленно выслать *сильный* патруль съ ружьями на Нижній базаръ, гдѣ лично провѣрить поведеніе нижнихъ чиновъ. Дежурному по 119 пѣхотному Коломенскому полку. Полковникъ Бестужевъ“. Въ исполненіе этого, отправился на Нижній базаръ патруль изъ 20 рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ, подъ командою подпоручика Галлашека. Немного позже, къ полковнику Бестужеву явился поручикъ Захарченко и доложилъ, что на Нижнемъ базарѣ евреи бьютъ солдатъ Коломенскаго полка. Полковникъ приказалъ поручику Захарченко передать подпоручику Галлашеку, чтобы, ограничиваясь защитою отъ нападенія, онъ постарался выяснитъ причину происшествія и переписать евреевъ, участвовавшихъ въ причиненіи насилій солдатамъ,—какое приказаніе командира полка поручикъ Захарченко, догнавъ патруль подпоручика Галлашека, и передалъ ему.

Отправившись далѣе вмѣстѣ съ патрулемъ, поручикъ Захарченко вскорѣ же былъ окруженъ толпою евреевъ, кричавшихъ: „Что за безобразіе, погромъ, разбой!..“, а затѣмъ, уже будучи отдѣленъ отъ патруля, видѣлъ собственными глазами какъ впереди евреи избивали отпускныхъ солдатъ чѣмъ попало,—кулаками, палками, камнями, и какъ, наконецъ, они стали отнимать

ружья у солдатъ патруля. Полетѣли камни, между прочимъ, и въ самого поручика Захарченко. Пригрозивъ еврейскоѣ толпѣ шашкою, онъ очистилъ себѣ дорогу и ушелъ домоѣ, при чемъ. на пути, встрѣтилъ раньше избитыхъ евреями и окровавленныхъ солдатъ. Дальнѣйшихъ подробностей движенія патруля подпоручика Галлашека свидѣтель уже не видѣлъ, но потомъ слышалъ отъ нижнихъ чиновъ патруля, что одинъ еврей коломъ переломилъ ружье у рядового Цвирки, а другіе евреи доходили до такого ожесточенія, что хватались за приклады зубами. Показаніе поручика Захарченко подтверждается какъ показаніями полковника Бестужева, поручика Олешкевича и подпоручиковъ Ляховича и Галлашека, такъ равно и всѣми другими обстоятельствами дѣла.

Стало быть, несомнѣнно, что нападеніе на патруль подпоручика Галлашека было произведено евреями и что это произошло столь внезапно, что даже поручикъ Захарченко оказался внѣ возможности идти съ патрулемъ и принужденъ былъ вернуться. Эта внезапность нападенія, а съ другой стороны отсутствіе какой-либо иной, хотя бы равносильной команды въ помощь подпоручику Галлашеку, обусловили какъ быстрое развитіе дальнѣйшихъ нападеній еврейскаго скопища на патруль, такъ и все послѣдующее, что совершилось съ патрулемъ, пока съ своимъ командиромъ во главѣ онъ не прошелъ это скопище насквозь.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ начала событіи и въ какихъ предѣлахъ власти пришлось дѣйствовать подпоручику Галлашеку, командуя патрулемъ. Никто не ожидалъ того, на что посягнули евреи...

IV. На ряду съ вопросомъ о самомъ ходѣ событіи 15-го апрѣля, иначе говоря—о примѣненіи 1 части ст. 269¹ Уложен. о наказан., защита, какъ видно изъ ея заявленій на судебномъ слѣдствіи, имѣетъ намѣреніе оспаривать и квалификацію инкриминируемаго подсудимымъ дѣянія по 2 части той же 269¹ статьи Уложенія. Въ этомъ отношеніи, доводы защиты сводятся къ двумъ тезисамъ, а именно: во-первыхъ, оба Коломенскіе патруля не были призываемы для содѣйствія *гражданскимъ начальствомъ* и, во-вторыхъ, они не были посланы для *разсыпанія еврейскаго скопища*.

На это слѣдуетъ возразить, прежде всего, что въ дѣлахъ подобнаго рода степень злонамѣренности скопища отнюдь не

измѣряется столь формальными соображеніями, и что никакой толпѣ не можетъ быть предоставлено разсужденіе о томъ, — въ какомъ качествѣ дѣйствуетъ данный патруль, ибо ни на какой отрядъ, хотя бы отправленный лишь военною властью, нападеніе не дозволяется. Съ другой стороны, такое нападеніе на военный карауль, хотя бы несущій только обязанности гарнизонной службы, — а эти обязанности, согласно приказанію военного начальства, несомнѣнно исполнялись обоими Коломенскими патрулями, подвергавшимися нападенію еврейскихъ скопищъ, — есть преступленіе, прямо предусмотрѣнное 2 ч. ст. 286¹ Улож. и примѣчаніемъ къ ней *). Посему, если дѣянія подсудимыхъ вообще подлежатъ квалификаціи по 1 ч. ст. 269¹ Улож., то нападеніе на патрули вполне подходитъ подъ 2 ч. ст. 286¹ того же Уложения.

Но если, такимъ образомъ, явно несостоятельны возраженія защиты противъ самаго наряда патрулей, то въ равной же степени безплодны и ея попытки найти что-либо незаконное и въ дѣятельности означенныхъ патрулей.

Эти попытки не только ни на чемъ не основаны, а, наоборотъ, въ дѣлѣ есть блистательныя доказательства строгаго исполненія патрулями закона. Оружіе, кромѣ неизбѣжной защиты прикладами, не было употреблено въ дѣло ни чинами перваго патруля, — даже въ состояніи необходимой обороны, какъ мы знаемъ изъ примѣра съ ефрейторомъ Левченко, ни патрулемъ подпоручика Галлашека, — даже когда одинъ еврей перебилъ ружье рядового Цвирки и когда другой еврей, Абрамъ Капланъ, предводительствуя еврейскою толпою, кинулся на самого командира

*) Текстъ стр. 286¹ Улож. о пак. (по продолж. 1895 г.) слѣдующій:

„Виновные въ оскорбленіи часовыхъ или военного караула подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ въ статьяхъ 285 и 286 сего Уложения за оскорбленіе должностныхъ лицъ гражданскаго вѣдомства.

Тѣмъ же наказаніямъ подвергаются арестанты за оскорбленіе тюремной стражи, при исполненіи или вслѣдствіе исполненія ею обязанностей службы.

Въ случаѣ явнаго нападенія на часового или военный карауль, а равно въ случаѣ сопротивленія имъ, виновные приговариваются къ наказаніямъ по статьямъ 263—273 сего Уложения, какъ за возстаніе противъ властей, правительствомъ установленныхъ.

ПРИМѢЧАНІЕ. Всякій солдатъ, поставленный на какой бы то ни было постъ, съ ружьемъ или обнаженнымъ холоднымъ оружіемъ, признается часовымъ. Военнымъ карауломъ признаются чины вооруженной военной команды во время отправленія воинскихъ обязанностей гарнизонной или полевой службы, а равно чины Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ, при встрѣчѣ ими вооруженнаго сопротивленія во время исполненія своихъ служебныхъ обязанностей“.

патруля. Таково было сознание военною силою своего долга подчиняться приказу, который исключалъ дѣйствіе оружіемъ—за отсутствіемъ требованія гражданскаго начальства.

Среди этихъ подвиговъ самообладанія, являющихся во-истину рыцарскимъ героизмомъ, мнѣ невольно приходитъ на мысль памятникъ въ Бельгій, поставленный одному изъ борцовъ за неприкосновенность правового порядка. Изваяніе представляетъ національнаго гвардейца, умирающаго у подножія своего знамени, при чемъ на цоколѣ памятника вырѣзана надпись: „Mort pour l'indépendance de pouvoir civil“. Увы, дѣйствительность бываетъ выше самой пылкой фантазіи художника. Если бы вновь потребовалось создать такой памятникъ, то эмблемою вѣрности закону и независимости гражданской власти, безъ сомнѣнія, явился бы ефрейторъ Левченко, влачимый по землѣ евреемъ, который отнимаетъ у него ружье, въ то самое время, какъ толпа другихъ евреевъ избиваетъ его желѣзными палками по головѣ. На цоколѣ этого, живую дѣйствительностью созданнаго памятника мы прочитали бы надпись: „*Бейте, хоть на смерть убейте, а пока живъ, ружья изъ рукъ не выпущу!*...“

Такая готовность скорѣе отдать свою жизнь, чѣмъ нарушить воинскую дисциплину, есть исконная доблесть русскаго солдата. Въ его беззавѣтномъ повиновеніи лежитъ залогъ величія арміи, а вмѣстѣ и могущества нашей страны.

Нынѣ, въ этомъ залѣ торжественнаго засѣданія, предъ изображеніемъ своего ВЕРХОВНАГО ВОЖДЯ и лицомъ Судебной Палаты, творящей судъ ИМЕНЕМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Коломенскій полкъ повергъ часть оружія своего патруля, на которое посягнуло обезумѣвшее еврейское скопище, и послалъ меня просить справедливости.

Исполняя свой долгъ по крайнему разумѣнію, я, въ дополненіе и развитіе тѣхъ основныхъ положеній, которыя представлены раньше, имѣю честь обратить вниманіе ваше, гг. судьи и гг. сословные представители, на тотъ фактъ, что какъ теперь выяснилось, есть двѣ точки зрѣнія на дѣло, подлежащее вашему разрѣшенію. По одной,—которая принята прокурорскимъ надзоромъ и санкціонирована авторитетомъ Судебной Палаты въ ея опредѣленіи о преданіи обвиняемыхъ суду,—здѣсь проявилась еврейская ненависть къ христіанамъ и цѣлымъ скопищемъ евреевъ оказано сопротивленіе военной силѣ. По другой,—которая проводится защитою,—это была простая драка, а пожалуйи

и противо-еврейское буйство самих же солдатъ. Сообразно съ такимъ разномысліемъ во взглядахъ, и моя рѣчь необходимо распадается на двѣ части: *положительную*, гдѣ я надѣюсь доказать правильность постановки вопроса въ обвинительномъ актѣ, и *отрицательную*,—гдѣ я постараюсь предусмотрѣть и опровергнуть, по крайней мѣрѣ, главныя соображенія защиты. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ моментахъ, какъ, напримѣръ, по вопросу о ближайшемъ поводѣ къ событіямъ, обѣ версіи подлежать изслѣдованію совмѣстно, что я и сдѣлаю.

I. Положительная сторона вопроса.

Обращаюсь къ первому отдѣлу своей рѣчи.

А. Что касается ближайшаго *повода* къ ужаснымъ событіямъ 15-го апрѣля, то, съ одной стороны, если бы даже онъ былъ съ точностью извѣстенъ, онъ все-таки не могъ бы всецѣло разъяснить ихъ, такъ какъ здѣсь несомнѣнно существуетъ и должна быть обнаружена эквивалентная имъ, болѣе глубокая и общая *причина*, сразу двинувшая многія тысячи евреевъ на сцену дѣйствій; съ другой же стороны, особенно въ первыхъ двухъ сказаніяхъ объ этомъ поводѣ, существуютъ такія неясности, сбивчивость и противорѣчія, которыя лишаютъ ихъ всякой достовѣрности.

Первая версія,—вдобавокъ, по удостовѣренію Кушнера, идущая отъ евреевъ,—состоитъ въ томъ, что какой-то солдатъ будто бы взялъ у еврейки двѣ булки и, не заплативъ, хотѣлъ уйти. Если и допустить, что подобный случай имѣлъ мѣсто, то и тогда никто, я думаю, не повѣритъ, чтобы добрая треть еврейскихъ „коммерсантовъ“ города Минска, изъ за двухъ булокъ, рѣшилась позапирать свои лавки и кинуться на Нижній базаръ, а затѣмъ и на окрестныя улицы для избіенія солдатъ и другихъ христіанъ. Дѣйствительно, во Франціи, банкиръ Миресъ, неожиданно соскочившій съ рельсовъ во время своей увеселительной поѣздки по чужимъ карманамъ и очутившійся на скамьѣ подсудимыхъ, заявилъ на судѣ, что „лѣтъ черезъ пятьдесятъ христіанинъ будетъ имѣть кусокъ хлѣба развѣ тогда, когда еврей ему это позволитъ.“ Но вѣдь срокъ, назначенный Миресомъ, еще не наступилъ, а потому,—каково бы ни было величіе Израиля,—оно пока не вправѣ до такой степени оскорбляться похищеніемъ двухъ булокъ...

Итакъ первая версія не годится.

Вторая версія идетъ уже отъ самаго свидѣтеля Кушнера и состоитъ въ томъ, что вмѣстѣ съ евреями на солдатъ нападали и русскіе. Ergo, полагаетъ защита, не было національной или религіозной ненависти, а слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи и о примѣненіи ст. 269¹ Улож. о наказ.

Аргументъ сильный, но лишь на первый взглядъ. Вдумчивое же отношеніе къ факту раскрываетъ его содержаніе въ совершенно иномъ, безвредномъ для обвиненія видѣ. Кушнеръ съ городовымъ Бакиновскимъ, 15-го апрѣля, замѣтили, что евреи запираютъ свои лавки. Это показалось страннымъ, такъ какъ обыкновенно лавки запирались въ 7 часовъ вечера, а между тѣмъ, еще не было и 6-ти. Засимъ, вниманіе свидѣтелей остановилось на двухъ побитыхъ, окровавленныхъ и безъ шапокъ, но съ ружьями солдатахъ Коломенскаго полка. Свидѣтели, какъ удостовѣряетъ Кушнеръ, стали кричать на жидавъ: „*Что вы дѣлаете? Это вамъ такъ не обойдется!*“ Немного освободившись отъ толпы, солдаты двинулись къ мосту. Видя, однако, что евреи съ палками бросаются вновь бить солдатъ, Кушнеръ, лично зная многихъ евреевъ и убѣжденный, что, въ виду этого, ни его побоятся, сказалъ солдатамъ:— „*не уходите, а то васъ убьютъ!*“ Охраняя солдатъ, онъ отправился за ними. Сзади, однако, напирала жида, въ томъ числѣ Сруль Губичъ и Давидъ Шустерманъ, порываясь бить. Здѣсь же, въ налегавшей толпѣ, свидѣтель замѣтилъ и русскихъ сапожниковъ, составляющихъ съ названными евреями одну „хевру“,—Костина, его брата Володьку, тряпичника Ермошку и еще одного бондаря. Они и раньше дѣйствовали за одно съ евреями.

Въ изложенномъ показаніи Кушнера, мы, прежде всего, не находимъ самаго начала происшествія, — стало быть, съ этой стороны, для цѣлей защиты, оно не годится. Далѣе, на мой вопросъ, свидѣтель разъяснилъ, что, давно служа ночнымъ сторожемъ на Нижнемъ базарѣ и знакомый съ мѣстнымъ еврействомъ, онъ именно поэтому счелъ возможнымъ принять солдатъ подъ свою охрану; ни одинъ еврей, послѣ этого ударившій солдата, уже не могъ бы избѣжать наказанія,—и евреи хорошо понимали это. Что же касается выраженія „хевра“, то Кушнеръ перевелъ его словомъ „шайка“. Этимологически же „хевра“ все равно, что „хабура“—компанія, союзъ, кагалъ. Такъ, всемірный еврейскій кагалъ, „Alliance Israélite Universelle“ по еврейски называется „Хабура Кольт Изроэль Хаберимъ“. Если таково, стало

быть, значеніе „хевры“, къ которой принадлежатъ Ермошки и другіе золоторотцы, указанные Кушнеромъ, то уже нельзя сомнѣваться въ томъ, что это была шайка *еврейская* и что, какъ рабы евреевъ, Ермошка и другіе творили волю своихъ господъ. Не требуетъ, кажется, доказательствъ фактъ, что еврейство сильно отнюдь не само по себѣ, а именно черезъ позорное соучастіе христопродавцевъ.

Съ другой стороны, куда вмѣшаются евреи, тамъ все окрашивается въ ихъ національный цвѣтъ. Вѣдь, даже столь поразительная идея, какъ соединеніе каналомъ Атлантическаго и Тихаго океановъ, лопнула, а репутація самого Фердинанда Лессепса потерпѣла крушеніе отъ непомѣрныхъ плутней того еврейскаго триумвирата, который состоялъ изъ доктора панамскихъ наукъ Корнелія Герца, Жака Рейнака и Артона. Ни для кого, далѣе, не секретъ, что въ отчаянномъ панамскомъ скандалѣ были замѣшаны и многіе французы, но никто, равнымъ образомъ, не станетъ отвергать того, что этотъ скандалъ произошелъ именно и прежде всего при благосклонномъ участіи сыновъ Иуды. Оказавшись, въ концѣ концовъ, подъ игомъ евреевъ, предпріятіе прорытія канала, разумѣется, не могло не погибнуть и не увлечь въ бездну многихъ христіанъ, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что подобный финалъ не былъ дѣломъ образцово-еврейскимъ.

Такимъ образомъ, на еврейской же водкѣ настоящее соучастіе какихъ-нибудь Володьки или Ермошки ровно ничего не доказываетъ въ пользу кагала, а потому и вторая версія должна быть отвергнута.

Третья версія происходитъ отъ нѣкоего Заславскаго, рабочаго на еврейскомъ Нижнемъ базарѣ. По его словамъ, дѣло началось съ того, что еврей заспорилъ съ пьянымъ солдатомъ о военной службѣ, говоря, что прежде было строже, и упрекая его въ пьянствѣ. Слушая это сказаніе и имѣя въ виду, что, до введенія винной монополіи, всѣ кабаки на Нижнемъ базарѣ, по удостовѣренію самого же Заславскаго, были *еврейскіе*, я сперва только диву дался. Каковы, думаю, бываютъ, однако, подвижники трезвости среди „избраннаго“ народа? Но потомъ я вспомнилъ, что у самихъ же евреевъ есть праздникъ „Пуримъ“,—ихъ масленица, когда они *обязаны* напиваться пьяными. Исполняя эту непремѣнную *обязанность*, каждый правовѣрный еврей, въ знакъ величайшей національной радости — истребленія 70,000 *сильныхъ* враговъ Израиля,—долженъ пить до тѣхъ поръ, пока

не будетъ въ состояніи пересчитать пальцевъ на рукѣ, и даже, horribile dictu,—пока, переставъ различать—„благословенъ Мардохей!“ отъ „проклятъ Аманъ!..“, начнетъ произносить: „проклятъ Мардохей!“ и „благословенъ Аманъ!“.. Но если это такъ у самихъ евреевъ, то на какомъ же основаніи невѣдомый еврей-моралистъ Заславскаго рѣшилъ бы упрекнуть подгулявшаго солдата? Далѣе, какъ онъ могъ бы осмѣлиться посягнуть на столь „государственное“ для евреевъ дѣло, какъ спаиваніе гоевъ въ кабакахъ? И, наконецъ, чего же смотрѣли, думаю, кагалъные старѣйшины, видя такое потрясеніе одного изъ краугольныхъ камней еврейскаго господства?!

Размышляя надъ этими занозистыми проблемами, я поневолѣ пришелъ къ убѣжденію, что дѣло не могло обстоять такъ, какъ повѣствуетъ Заславскій... Но въ показаніи этого свидѣтеля все-таки есть вѣрный, чрезвычайно характерный, вопіющій фактъ. Его нельзя выдумать, и, въ этомъ отношеніи, я вѣрю Заславскому: *еврей плюнулъ на солдата*.—Онъ плюнулъ!..

Зная это, намъ уже нетрудно возстановить и полную картину. Для утоленія неистовой гордыни своей, евреи желали бы, на словахъ, разумѣется, стать выше гоевъ во всемъ,—даже въ военной службѣ. И вотъ, еврей начинаетъ бахвалиться передъ солдатомъ. Онъ хочетъ лишить его лучшаго преимущества—сознанія вѣрной службы родинѣ. Еврей кричитъ, что „они“ служили или служатъ лучше. Но вѣдь достаточно извѣстно, какъ исполняютъ евреи воинскую повинность и какъ несутъ они военную службу. Солдатъ не могъ не вознегодовать и, вѣроятно, сказалъ что-нибудь рѣзкое. Еврей плюнулъ въ него, т.-е. поступилъ совершенно по-еврейски. Если бы, въ это мгновеніе, можно было раскрыть душу еврея, мы увидѣли бы такую ярость и издѣвательство, столько презрѣнія къ христіанину и столько высокомерія, что въ ужасѣ и омерзѣніи мы отшатнулись бы.

Столь тяжкое, измѣнническое и предумышленное оскорбленіе не могло, конечно, не возмутить солдата, какъ бы добродушенъ онъ ни былъ и какъ бы мало ни сознавалъ онъ всей ядовитости обиды, нанесенной евреемъ. Для меня же лично, съ этого момента, уже нѣтъ сомнѣній. Твердо вѣрю, что разъ еврей осмѣлился на такую гнусную дерзость,—онъ знаетъ, что дѣлалъ, какъ знаетъ и то, что за нимъ стоятъ другіе евреи, а посему все послѣдующее является лишь логическимъ развитіемъ той же мрачной *еврейской* ненависти къ христіанамъ.

Въ конечномъ выводѣ, третья версія опасна для защиты.

Достоверность этого вывода непосредственно подтверждается и **четвертою** версією о началѣ событіи 15 апрѣля, засвидѣтельствованною поручикомъ Захарченко. Еще на его пути къ командирѣ полка, нѣкоторыя частныя лица, на Соборной площади, рассказывали свидѣтелю, что дѣло у евреевъ съ солдатами имѣеть *религіозную* подкладку; что на шестой недѣлѣ поста какой-то артиллерійскій солдатъ изъ евреевъ, родственники котораго проживаютъ въ Нижнемъ базарѣ, принялъ христіанство; что когда, на третій день праздника, онъ проходилъ по этому базару, то другіе евреи, выйдя изъ своихъ лавокъ, стали ругать его за отступничество отъ вѣры отцовъ, а потомъ начали бить; что находившіеся здѣсь же солдаты вступились за товарища, и что, наконецъ, противъ нихъ сбѣжалось еще много евреевъ, а затѣмъ произошло и все, уже извѣстное.

Слѣдовательно, кромѣ религіозной и племенной ненависти евреевъ, другого повода, который могъ бы двинуть еврейскія толпы на христіанъ, не усматривается. Это до такой степени очевидно, что и сами евреи,—какъ много ихъ ни было допрошено на предварительномъ и судебномъ слѣдствіяхъ,—не только не указывали, но и не пытались указать никакого иного, сколько-нибудь правдоподобнаго объясненія событіи 15 апрѣля. Наоборотъ, они, видимо, уклонялись отъ самаго приближенія къ вопросу. Большинство заявляло о своемъ рѣшительномъ невѣдѣніи подробностей происшествія на Нижнемъ базарѣ и окрестныхъ мѣстахъ города Минска, утверждая, что будто бы всѣ они даже не заглядывали туда, а оставались въ своихъ лавкахъ или дома. Такое отнѣкиваніе чрезвычайно изобрѣтательныхъ на легенды евреевъ и столь явно противный ихъ врожденному любопытству индифферентизмъ къ необыкновеннымъ событіямъ 15 апрѣля убѣждаютъ еще разъ въ томъ, что — въ своей неизмѣнной повадкѣ не только сокрушить, но и осмѣять гоевъ — лукавый кагалъ, среди данныхъ обстоятельствъ, признаетъ наиболѣе забавнымъ уклониться отъ самой инициативы въ истолкованіи мотива къ событіямъ 15 апрѣля.

Однако, на Нижнемъ базарѣ евреевъ были тысячи—куда же они дѣвались?! Почему эти евреи скрываются, даже теперь? Если, далѣе, меньшинство прошедшихъ передъ нами евреевъ, „принимая на себя инициативу“, пробуетъ свалить всю вину на подпоручика Галлашека и на его патруль—себя же выставляетъ

только свидѣтелемъ яко бы совершеннаго патрулемъ погрома, то намъ остается развѣ изумляться дерзновенности этой еврейской сказки, но она слишкомъ нелѣпа, чтобы стоило на ней останавливаться.

Въ результатѣ ясно, что и сами евреи не могутъ придумать благовиднаго повода для объясненія того, что, съ такимъ предательскимъ цинизмомъ, они называютъ „простою дракой“... нѣсколькихъ сотъ противъ одного.

Обращаясь засимъ къ раскрытію той истинной причины, въ силу которой мѣстное еврейство, какъ установлено на судебномъ слѣдствіи, вознегодовало на солдатъ *минскаго* гарнизона вообще, нельзя не принять во вниманіе и слѣдующихъ особыхъ мѣстныхъ условій.

Поневолѣ привыкнувъ къ еврейскимъ гешефтамъ и уже отчасти попавъ къ евреямъ въ зависимость, туземное населеніе видитъ въ сынахъ Іуды страшное, но ничѣмъ неотвратимое зло. Вотъ гдѣ, по моему, дѣйствительный мотивъ того, что это несчастное населеніе, какъ удостовѣрилъ раввинъ Ханнелесъ, относится къ евреямъ даже „съ предупредительностью“. Въ совершенно иномъ положеніи находится перемѣнный составъ войскъ. Будучи, какъ выяснилось на слѣдствіи, по большей части уроженцами губерній Уфимской, Симбирской и Псковской, еще не испытавшихъ всѣхъ радостей кагальнаго гнета, нижніе чины минскаго гарнизона реагируютъ противъ еврейства съ несравненно большею, чѣмъ туземцы, юношескою энергіей и прямою. Безъ намѣренія обостряя этимъ свои отношенія къ евреямъ, русскіе солдаты тѣмъ самымъ возбуждаютъ противъ себя и надменное негодованіе сыновъ „избраннаго“ народа, отнюдь не поступающихъ разъ добытымъ властнымъ положеніемъ добровольно. Никогда не прощая, свирѣпое еврейство выжидало лишь случая утолить свой гнѣвъ, и этотъ случай представился 15 апрѣля.

В. Установивъ, такимъ образомъ, еврейскую ненависть, какъ основной двигатель изучаемыхъ событій, и доказавъ ея логическую необходимость для объясненія ихъ — не только путемъ ознакомленія съ ихъ начальнымъ моментомъ, но и черезъ опредѣленіе самого кругозора нижнихъ чиновъ, подвергнувшихся нападенію евреевъ, а, съ другой стороны, обнаруживъ сознательность и, въ свою очередь, неизбежность уклоненія еврейства отъ приведенія какой-либо другой причины тѣхъ же событій, — я обращаюсь къ дальнѣйшему изслѣдованію проблемы.

При этомъ я обязанъ замѣтить слѣдующее. Во-первыхъ, настоящая проблема не допускаетъ рѣшенія на почвѣ однихъ конкретныхъ доказательствъ еврейской ненависти,—сколько бы ни обнаружилось ихъ на судебномъ слѣдствіи, ибо каждый отдѣльный фактъ, при желаніи, можно истолковать, какъ случайность. Во-вторыхъ, посему изслѣдованіе должно быть перенесено на почву явленій суммарныхъ и вдумчиваго синтеза, то-есть въ сферу національной психологіи евреевъ. Въ-третьихъ, на этой территоріи, чѣмъ дальше продолжается изслѣдованіе, тѣмъ совокупность данныхъ, удостоверяющихъ ненависть, какъ главный по дѣлу факторъ, приобретаетъ все большую и высшую силу убѣжденія.

Въ предѣлахъ означенной сферы раскрываются нижеизложенные, специально или же преимущественно евреямъ свойственные, признаки злоумышленныхъ мѣропріятій кагала 15-го апрѣля 1897 года.

А) Евреи дѣйствовали **массаами, быстро и внезапно собравшись**,—при чемъ у многихъ оказывались колья, деревянные или желѣзные палки, куски желѣза, молотки и даже ломы. Къ толпамъ нападавшихъ присоединялись другіе евреи, **не справляясь о причинѣ и цѣли нападенія**. Кромѣ этого, еврейскія толпы встрѣчали **всяческую** поддержку своихъ единоплеменниковъ — изъ запертыхъ воротъ, откуда кидались камни и полѣнья черезъ открывавшуюся для этой цѣли и вновь захлопывавшуюся калитку, а также съ балконовъ, изъ оконъ и дверей, и даже съ крышъ домовъ;—отсюда на патрули летѣли уже не одни камни и полѣнья, но лились помои и кипятокъ. На командира патруля, подпоручика Галлашека, со второго этажа былъ брошенъ кипящій самоваръ. Камень изъ еврейской толпы кинули даже въ самого начальника бригады и командира Серпуховского полка, полковника Ѳедорова, едва онъ успѣлъ прибыть на Нижній базаръ. Съ другой стороны, еврейскія скопища избивали христіанъ не на одномъ какомъ-либо, а въ разныхъ мѣстахъ г. Минска — **одновременно**. Подвергались насилію и побоямъ евреевъ не одни солдаты, а и **всѣ попадавшіеся**. Вообще же говоря, характеръ еврейскаго движенія былъ настолько серьезенъ, что даже вечеромъ, когда оно уже начало стихать, полковникъ Ѳедоровъ, служебнымъ опытомъ въ Привислянскомъ краѣ ознакомившійся съ народными волненіями, справедливо замѣтилъ минскому полицеймейстеру Закалинскому: „*Какіе тутъ патрули?! Тутъ роты надо провести!*...“

Роты и были отпращены изъ обоихъ полковъ, Коломенскаго и Серпуховскаго, и сверхъ того, на усиленіе полиціи, были посланы особыя команды нижнихъ чиновъ, оставшіяся въ ея распоряженіи чуть-ли не цѣлый мѣсяцъ.

Сдѣлавшееся притчею во языцѣхъ единство кагалныхъ дѣйствій обусловливалось, въ данномъ случаѣ, не только увѣренностью въ томъ, что никто изъ своихъ не отстанетъ и ужь, разумѣется, не выдастъ, ибо такіе измѣнники Израилю (музеры) караются по талмуду смертью, но и твердымъ сознаниемъ всѣхъ членовъ кагала, что они совершаютъ великое еврейское дѣло, которое, для вящаго посрамленія гоевъ, сыны „избраннаго“ народа сумѣютъ низвести на „базарную драку“, затѣянную, разумѣется, тѣми же, по обыкновенію, пьяными гоями...

„*Всѣ евреи за одного и одинъ за всѣхъ!*“ — девизъ нынѣшняго всемірнаго кагала, за рѣдкими исключеніями (напр., вызванная отчаяніемъ междоусобица въ Иерусалимѣ, во время осады его Титомъ), яркою нитью проходящей черезъ всю еврейскую исторію. Это до такой степени несомнѣнно, что фактъ большаго или меньшаго участія сыновъ Іуды въ какомъ-нибудь дѣлѣ служить вѣрнымъ показателемъ степени важности его для еврейства. Стало быть, когда, на нашихъ глазахъ, цѣлыя скопища евреевъ дѣйствуютъ свирѣпо и внезапно, то мы не можемъ не признать, что этимъ движеніемъ управляютъ еврейско-національныя, а не какія-нибудь другія побужденія.

Такъ было всегда, и, чтобы не повторять всѣмъ извѣстныхъ новѣйшихъ примѣровъ, я прошу у Палаты разрѣшенія сослаться только на одинъ характерный фактъ изъ временъ древняго Рима.

„Еще раньше Юлія Цезаря“, — говоритъ Моммсенъ, — „евреи составляли уже такую силу, что пропреторы и проконсулы провинцій, въ сношеніяхъ съ тамошними евреями, должны были глядѣть въ оба, если не хотѣли нарваться на кошачій концертъ или же быть освистанными чернью при своемъ возвращеніи въ Римъ“.

А между тѣмъ, поклоняясь золотому тельцу тогда, совершенно такъ же, какъ и теперь, евреи, уже въ тѣ времена, успѣли обратить Иерусалимскій храмъ въ свой „международный“ банкъ, т.-е. лукаво и злонамѣренно централизовали свои силы. Ежегодно, изъ Италіи и другихъ провинцій, золото, хищнически добытое евреями, свозилось въ Иерусалимъ. Самые суровые декреты сената, раньше и послѣ консульства Цицерона, стремились

воспретить такой вывозъ золота, — но еврейство не только въ наши дни, а и среди древняго міра умѣло обходить запреты.

Черезъ еврейское золото льются слезы гоевъ...

И вотъ, когда, понимая опасность для республики въ такомъ накопленіи золота у ея враговъ, правитель Малої Азій Флаккъ рѣшился пренебречь тяжкими бѣдами, которыми грозили ему сыны Іуды, достаточно сильные, чтобы подчасъ возбуждать смуты даже въ собраніяхъ римскаго народа (*multitudinem Iudaeorum flagrantem nonnunquam in concionibus, pro republica contemnere, gravitatis sumae fuit* — утверждаетъ Цицеронъ, *pro Flacco XXVIII*), — тогда кагалъ не замедлилъ прочитъ его. Возвратясь въ Римъ, Флаккъ, въ 59 году до Р. Х., былъ привлеченъ къ уголовному суду... за взяточничество. Надо ли говорить, что обвинителемъ былъ выдвинуть не еврей?!... По своему обыкновенію „колоть сахаръ на чужой головѣ“, сыны Іуды и тогда уже подыскали своего Золя, — нѣкоего Лелія, а онъ принялся служить имъ со всѣмъ упорствомъ предателя...

Но, въ этотъ моментъ, поперекъ дороги кагала сталъ Цицеронъ, принявшій на себя защиту Флакка, который и былъ *оправданъ*. Тѣмъ не менѣе, толпы евреевъ сдѣлали все возможное, чтобы помѣшать самої защитѣ. Окруживъ форумъ, они вели себя съ такимъ нахальствомъ, что и Цицеронъ не выдержалъ. Обратившись къ Лелію съ горькими упреками въ томъ, что все обвиненіе затѣяно, на еврейскія деньги, только изъ-за еврейскаго же золота, и что, лишь благодаря этому, собрались сюда такія массы евреевъ, Цицеронъ, наконецъ, воскликнулъ: „*Scis, quanta sit manus, quanta concordia, quantum valeat in concionibus!*“... *)

И Цицеронъ былъ правъ. Немного позже, Сенека, философъ, (1—65 гг. по Р. Х.), возмущаясь безнравственностью и предательствомъ евреевъ, уже не постигалъ, какъ могло случиться, что „*victi victoribus leges dederunt!*“ **). А въ началѣ V вѣка послѣ Р. Х., римскій поэтъ Клавдіи Рутиліи Наматіанъ (*Claudius Rutilius Namatianus*), пробывъ въ Римѣ градоначальникомъ (*praefectus urbi*) нѣсколько лѣтъ и достаточно ознакомившись съ еврействомъ, печаловался на тиранию кагала даже въ слѣдующихъ горькихъ словахъ:

*) „Тебѣ ли не знать, какъ тяжела ихъ рука, каково единство и чего оно стоитъ въ вашихъ собраніяхъ!“...

***) „Побѣжденные даютъ законы своимъ побѣдителямъ!“.

„Atque utinam nunquam Judaea subacta fuisset
Pompei armis, imperioque Titi;
Latius excisa pestis contagia serpunt,
Victoresque suos natio victa permit...“ *)

Возвращаясь отъ этихъ совѣтовъ исторіи къ свѣдѣніямъ о минскихъ евреяхъ, мы не должны забывать и того, что все мѣстное еврейское населеніе — талмудисты; что здѣсь существуетъ отдѣльнѣе всемірнаго еврейскаго союза съ развѣтвленіями, — подъ видомъ общества распространенія просвѣщенія между евреями, и что, наконецъ, среди захваченныхъ „избраннымъ народомъ“ территоріи, городъ Минскъ всегда слылъ, какъ многозначительный фокусъ іудаизма.

Изложенный ходъ событій въ Минскѣ 15 апрѣля 1897 года, равно какъ и ихъ специфическій характеръ, удостовѣряются: а) показаніями свидѣтелей, что „отъ множества евреевъ вся площадь была черная“ или же что ихъ было „видимо-невидимо“, такъ и заявленіемъ самого полицеймейстера Закалинскаго, что въ беспорядкахъ участвовало около 20,000 евреевъ, и б) показаніями свидѣтелей-очевидцевъ: Захарченко, Кушнера, Марченко, Егорова, Бакиновскаго, Станишевскаго, Тумаева, Левченко, Заикина, Гусева, Томашевскаго, Мокейчика, Лопушанскаго, Книгги, Зацѣпина, Ляховича, Игнатъева, Захарова, Олешкевича, Михѣва, Ломацкаго, Цвирки, Галлашека, Исламова, Семенова, Никифорова, Рябцевича, Хмѣлевскаго, Шумейко, Жуковской, Ѳedorова, Красовскаго, Лисова, Кичайкина, Одинцова, Лукина и другихъ.

Независимо отъ сего, надлежитъ имѣть въ виду и такой установленный на судебномъ слѣдствіи фактъ, что, въ общемъ числѣ населенія Минска, достигающемъ лишь 97,000 — евреевъ считается болѣе 60,000, т.-е., что *изъ каждаго трехъ жителей здѣсь двое оказываются евреями*. Возможно ли представить себѣ болѣе удобную мѣстность для проявленія племенной еврейской ненависти къ христіанамъ, даже количественно подавленнымъ?!

Б) Второю категорію данныхъ обвиненія, по ст. 269¹ Улож. является **подготовленность** преступленія и **обдуманность** совершенія онаго. Желѣзныя палки и колья, молотки и ломы не

---

*) „О, если бы оружіе Помпея и могущество Тита никогда не покоряли Иудей!... Вырѣзанныя язвы чумы разрастаются шире, и побѣжденная нація гнететъ своихъ побѣдителей“...

могли вдругъ оказаться у еврейской толпы, если бы они не были припасены заранѣе, или если бы ими нельзя было заручиться въ еврейскихъ же лавкахъ. Между тѣмъ, эти орудія нападенія мы замѣчаемъ въ еврейскихъ рукахъ уже съ перваго момента событій. Поэтому, если даже заподозрить показанія воспользовавшихся еврейскими деньгами Кривицкаго, Чаура и Невѣдомскаго о томъ, что желѣзные предметы, которыми патрульные и непатрульные солдаты избивались 15 апрѣля, были получены евреями изъ желѣзныхъ лавокъ Израїля Сеглина, Абрама и Беніамина Фрумкиныхъ, то и засимъ остаются несомнѣнныя показанія Мирончика, Станишевскаго, Кушнера, Гусева, Левченко, Заикина, Марченко, Швалькевича, Бакиновскаго и другихъ, — каковыя свидѣтели, въ свою очередь, удостовѣряютъ, что евреи били солдатъ именно кольями, желѣзными палками и иными орудіями. Въ частности, показаніями Кушнера, Станишевскаго и Гусева, *какъ очевидцевъ*, изобличаются въ этомъ: Мовша Котинъ, Сруль Губичъ, Элья Кугель и Мовша Румановъ.

Съ другой стороны, изъ показаній полицеймейстера Закалинскаго мы знаемъ, что послѣ 15 апрѣля, на основаніи распоряженія г. минскаго губернатора, у евреевъ были дѣйствительно отобраны сотни желѣзныхъ, обтянутыхъ берестю или кожей палокъ. Такою палкой можно убить человѣка. Затѣмъ, фактъ, что, по своему древнему обычаю, еврейскія скопища въ г. Минскѣ побивали инопленниковъ камнями, безъ сомнѣнія, также весьма знаменателенъ. Далѣе, многими свидѣтелями удостовѣрено, что евреи нападали шайками по 15—20, а то и гораздо больше, на одного, и пока тотъ или иной еврей кидался спереди, другіе наносили удары сзади. Таковъ былъ общій еврейскій приемъ. Еще далѣе, извѣстно слѣдующее: въ первомъ Коломенскомъ патрулѣ, изъ трехъ человѣкъ, когда у Левченко отнимали ружье, а Закинъ сталъ защищаться прикладомъ, то какой-то еврей украдкою бросился ему подъ ноги и свалилъ на землю, послѣ чего вся толпа евреевъ, съ крикомъ „ура!“, кинулась на лежачаго Заикина и начала бить его по лицу, головѣ и всему тѣлу, такъ что онъ пролежалъ затѣмъ цѣлую недѣлю больной. Точно также и во второмъ Коломенскомъ патрулѣ — подпоручика Галашека, когда одинъ еврей сталъ отнимать ружье у рядового Захарова, то къ нему на помощь бросился рядовой Цвирко, но въ этотъ самый моментъ другой еврей колотомъ переломилъ ему ружье и сильно ушибъ руку....

Наконецъ, помимо изложеннаго, слѣдствіемъ установлено, что евреи били только солдатъ, т.-е. уроженцевъ дальнихъ губерній, и вообще—лишь такихъ людей, которые *никого изъ бывшихъ не знаютъ*, да и били-то главнымъ образомъ предательски—неожиданно, сзади и при томъ били *по головѣ*; полицейскихъ же городовыхъ и даже ночного сторожа Кушнера, которые могли бы изобличить ихъ, евреи вовсе не трогали. Въ заключеніе, мы видимъ такой апофеозъ: пока одни евреи истязали и заливали кровью русскихъ солдатъ, другіе евреи, а въ частности и Беніаминъ Фрумкинъ, заранѣе подготавливая почву защитѣ, бѣжали въ полицію жаловаться, что солдаты ихъ бьютъ. — „Żyd sam bije i sam krzyczy!“ *)

В) **Жестокость**, проявленная кагаломъ въ Минскѣ, есть также одна изъ основныхъ чертъ національнаго еврейскаго характера.

а) Если, 15 апрѣля, сынамъ Іуды не удалось размозжить головы о камень ни одному младенцу, то это отнюдь не помѣшало имъ **избивать христіанскихъ дѣтей**. Такъ, свидѣтель Короневичъ видѣлъ окровавленнаго мальчика. Другого мальчика евреи избili вмѣстѣ съ артиллерійскимъ солдатомъ Тумаевымъ. Боясь, что напавшіе на унтеръ-офицера жида убьютъ его, мальчикъ Савицкій поспѣшилъ къ нему на помощь, но былъ и самъ окровавленъ. Позже, избили еще одного мальчика — Рутковскаго, когда онъ шелъ изъ церкви.

б) Одновременно съ этимъ еврейскія шайки избивали и взрослыхъ, нападая **на перваго встрѣчнаго**. Въ доказательство, я могу привести цѣлый рядъ примѣровъ. Михѣева ударили безъ всякой причины, — городской увелъ его въ часть. Игнатьевъ просилъ очистить дорогу поручику Зацѣпину, — евреи подбѣжали сзади, били по головѣ, окровавили. Бояркина жидъ ударилъ молоткомъ въ лобъ, пошла кровь изъ уха и носа. Петрова еврей ударилъ по головѣ—безъ всякой причины; однако, не еврея, а Петрова городской увелъ въ часть. Махневъ, вѣстовой, — симпатичный, бравый парень, — видѣлъ, какъ евреи гнали двухъ окровавленныхъ солдатъ; его, какъ и его товарища, также избили; ему, Махневу, нанесли три удара палкою и камнемъ; обмывалъ потомъ у себя кровь, глазъ опухъ. Егоровъ, — краснощекій исковичъ, добродушный славянинъ, юноша съ голубыми глазами, артиллеристъ, видѣлъ, какъ евреи били патрульныхъ; испугался.

*) Жидъ самъ бьетъ и самъ же кричитъ „караулъ!“.

побѣжалъ,—евреи гнались; одинъ изъ нихъ ударилъ его въ спину, Егоровъ упалъ, а затѣмъ уже безъ шапки побѣжалъ въ казарму. Ломацкаго окривавили ударами желѣзной палки по головѣ; его выручилъ офицеръ. Все это факты, твердо установленные слѣдствиемъ. Но они, безъ всякаго сомнѣнiя, не исчерпываютъ всѣхъ „подвиговъ“ кагала. Иванниковъ пошелъ купить рубаху; на него напали четыре еврея, избили желѣзными палками; свидѣтель облился кровью, и что произошло дальше, не знаетъ. Исламова евреи окружили, били желѣзными палками по головѣ, свалили наземь, разсѣкли кожу до крови, набили опухоль съ куриное яйцо. Шумейко, 15 апрѣля, очищалъ тротуары отъ камней, полѣнъ, кирпича и кусковъ палокъ. Кто набросалъ,—Шумейко сказать не можетъ, но видѣлъ, какъ за солдатами двигались огромныя массы евреевъ...

в) **Евреи били лежащихъ** (Левченко, Запкина, Лукина и другихъ). Элья Кугель былъ даже арестованъ помощникомъ пристава Книгую именно въ тотъ моментъ, когда, побѣждавъ къ спасавшемуся отъ еврейской толпы и упавшему артиллерійскому солдату, онъ, Кугель, сталъ его бить лежачаго.

г) **Изувѣрство евреевъ угрожало самой жизни избиваемыхъ ими христіанъ.** Въ этомъ, кромѣ потрясающихъ событiй съ Левченко и другими, убѣждаютъ также и слѣдующіе факты. Городовой Бакиновскій самъ видѣлъ окривавленныхъ солдатъ, кричавшихъ офицеру: „*Ваше благородіе, спасайте насъ!*“ Кушнеръ не могъ распознать лица у патрульныхъ (перваго Коломенскаго патруля)—до того они были окривавлены, — а городовой съ Кушнеромъ отвели ихъ въ часть, „*чтобы спасти отъ жидовъ*“.

Окруживъ двухъ частныхъ людей, Захара Шибалку и Леонтія Швалькевича, евреи стали бить и ихъ желѣзными палками. Услышавъ крикъ этихъ людей: „*спасай насъ!*“ и боясь, что евреи могутъ ихъ сильно избить, Кушнеръ отвелъ Шибалку и Швалькевича въ часть. Крещеному же еврею Дрейзену другіе евреи пробили голову въ трехъ мѣстахъ.

Свидѣтели Мокейчикъ и Лопушанскій, сидя въ вагонѣ конно-желѣзной дороги, были поражены такимъ зрѣлищемъ: толпа евреевъ *гонитъ залитого кровью солдата*, котораго „подзатыльниками“ *еще заставляють подпрыгивать*; одинъ изъ толпы, еврей въ цилиндрѣ, вскочилъ въ вагонъ и сталъ жаловаться на солдатъ; когда же Мокейчикъ замѣтилъ ему, что солдатъ горсть, а евреевъ тысячи, и что всѣ подлости происходятъ отъ жидовъ,

то помянутый еврей сказалъ: „я прощаю тебѣ эти слова, по случаю праздника, а у насъ въ Москвѣ народъ и офицера билъ,— нечего подымать гвалтъ изъ-за какихъ-то солдатъ!“ Съ этими словами еврей выбѣжалъ и скрылся въ толпѣ другихъ евреевъ.

Красовскій и Рябцевичъ, съ своей стороны, удостовѣряютъ, что одинъ изъ солдатъ, кажется Коломенскаго полка, окровавленный, безъ шапки, вбѣжалъ въ вагонъ и сказалъ кондуктору (Красовскому): „ѣдьте скорѣй!“ Вслѣдъ за солдатомъ прибѣжала огромная толпа евреевъ; почти всѣ они имѣли въ рукахъ палки и камни. Окруживъ вагонъ, они начали бить солдата палками и камнями, набросали камней въ самый вагонъ; „били съ большимъ озлобленіемъ, какъ звѣри какіе“. Находившіеся въ вагонѣ два пассажира испугались и ушли. Даже лошади вагона начали становиться на дыбы... Красовскій перетрусилъ въ свою очередь и сталъ свистать городского. Но городской долго не являлся, а потомъ не могъ протолкаться сквозь толпу; наконецъ, онъ взялъ солдата и увелъ его...

Всѣ описанныя событія 15 апрѣля 1897 года происходили между 4 и 8 часами дня и не въ какомъ-нибудь одномъ, а въ разныхъ мѣстахъ города Минска,—на Нижнемъ базарѣ, на прилегающихъ къ нему улицахъ и даже на Соборной площади.

д) Обращаясь, въ частности, къ нападеніямъ евреевъ на **военные патрули**, мы видимъ слѣдующее.

По отношенію къ *первому* Коломенскому патрулю—изъ трехъ человекъ (Левченко, Гусевъ и Зайкинъ)—установлено, что, раздѣливъ патрульныхъ порознь, еврейская толпа принялась избивать ихъ съ *крайнимъ жестокосердіемъ*. Указать, гдѣ именно на Нижнемъ базарѣ пачалось это избіеніе, представляется затруднительнымъ уже по невозможности и для самихъ патрульныхъ, среди еврейскаго гвалта, сообразиться въ точности; но, судя по всему, какъ и говорятъ патрульные, нападеніе на нихъ произошло, едва только они перешли мостъ. Возраженіе защиты, что „драка“ открылась въ другомъ мѣстѣ, не относится къ патрульнымъ, ибо дальнѣйшая догадка защиты, будто бы и патрульные побѣжали по улицѣ за какимъ-то евреемъ, ни на чемъ не основана. Показаніе же Марченко, изъ котораго предполагалось выжать мотивъ для этой догадки, имѣетъ совершенно чуждое ей содержаніе и, во всякомъ случаѣ, не подтверждаетъ, а исключаетъ предположеніе объ участіи въ „дракѣ“ и самихъ патрульныхъ. Напротивъ, какъ этимъ показаніемъ, такъ равно показа-

ніями поручика Зацѣпина, сторожа Кушнера и городовыхъ Мирончика, Станишевскаго и Бакиновскаго, независимо отъ всего изложеннаго выше, удостовѣряется, что *патрульные солдаты были избиты тяжело, головы были окровавлены, и вообще они такъ были залиты кровью, что нельзя было распознать лица.* Да иначе, разумѣется, и быть не могло, при той массѣ евреевъ, которая нападала на нихъ. Въ виду этихъ несомнѣнныхъ фактовъ, о „дракѣ“ странно и говорить. — „Евреи разбили чисто всѣхъ солдатъ, находившихся на улицѣ (близъ Нижняго базара), предварительно сдвинувъ ихъ натискомъ на базарь“, — удостовѣряетъ именно свидѣтель Марченко.

Но, для разрѣшенія вопроса о дѣйствительномъ ходѣ событій, слѣдствіемъ обнаружены убѣдительныя данныя и помимо свидѣтельскихъ показаній. Дѣйствуя кагаломъ и навѣрняка, евреи 15 апрѣля истязали патрульных *по-одиночкѣ*. Теперь, изъ этого, ихъ же варварствомъ подготовленнаго, инцидента защитой дѣлается выводъ, что собственно *патруля* евреи не били... Оставляя безъ возраженія этотъ жалкій софизмъ, я обязанъ сказать однако, что самая возможность раздѣлить патрульныхъ другъ отъ друга несомнѣнно явилась лишь какъ результатъ внезапности еврейскаго нападенія. Патруль, очевидно, былъ достигнутъ врасплохъ, — стало быть, самъ не дрался. Кромѣ того, побитыхъ или же избиваемыхъ *евреевъ* никто изъ свидѣтелей не видѣлъ. Съ другой стороны, ясно, что опасность грозила самой жизни патрульныхъ, если полиція не нашла ничего лучшаго, какъ, *именно для ихъ же спасенія*, отправить ихъ въ часть. Слѣдовательно, они не дрались. Но если патрульные не дрались, то какъ же объяснить содѣянное евреями, и какъ понять ихъ бѣшенство, если, за основаніе сужденія не принимать ихъ жестоковѣйной злобы и мстительности? Не сегодня вѣдь сказано, что у этого народа *желчь раздавленная*.

Вообще говоря, чѣмъ глубже вдумываемся мы въ ходъ еврейскихъ дѣяній 15-го апрѣля и чѣмъ ярче уразумѣваемъ ихъ потрясающій характеръ, логическую связь отдѣльныхъ моментовъ между собою и точное согласованіе всего, учиненнаго минскимъ кагаломъ, съ племенными чертами, неизмѣнно отражающимися на свирѣпомъ пути сыновъ Іуды, тѣмъ сознательнѣе развивается убѣжденіе наше въ талмудическомъ обоснованіи изучаемыхъ событій.

Откинемъ, если хотите, все, по дѣлу доказанное, какъ о на-

паденіи еврейскихъ шаекъ на военные патрули такъ и на отдѣльныхъ нижнихъ чиновъ, предположимъ на минуту, что во всемъ, происшедшемъ съ ними, они сами же и виноваты, и, тѣмъ не менѣе, у насъ не будетъ возможности „простою дракою“ объяснить нападеніе такихъ же шаекъ на *христіанъ—не военныхъ*, да еще въ разныхъ частяхъ города Минска одновременно. А пока фактъ не разъясняется логическимъ путемъ, до тѣхъ поръ, даже съ точки зрѣнія защиты, — „простая драка“ должна быть признаваема нигуда негодною сказкой.

Съ другой стороны, если въ этомъ мірѣ все имѣетъ свои причины, то и въ столь важномъ вопросѣ, какъ настоящій, мы не можемъ ссылаться на случайность. Причина существуетъ и не должна быть замолчиваема. Эта причина—ненависть евреевъ къ христіанамъ вообще и нижнимъ чинамъ минскаго гарнизона въ особенности. Только разоблачивъ указанную причину, мы цѣлкомъ отбрасываемъ отъ себя прочь весь туманъ, которымъ евреи, злорадуя и измываясь надъ нами, пробуютъ подтасовать свое торжество передъ нашими же удивленными взорами. Лишь отстранивъ эти завѣдомо-ложивыя, коварныя декорации, мы уразумѣемъ никакъ иначе непостижимое такое озлобленіе евреевъ, когда они *зубами хватались за приклады!*... Въ связи же со всѣми другими по дѣлу данными, мы перестанемъ, наконецъ, удивляться и тому, что евреи не только нападали на христіанскихъ дѣтей, но и — на свою варварскую потѣху — сочиняли, заставляя подпрыгивать отъ ударовъ кулаками, еще невиданную доселѣ пляску передъ кагаломъ русскаго солдата, заливаемаго собственною кровью!...

Картина, возникающая передъ нами, безпримѣрна, глубоко поучительна и ужасна.

Извѣстно, что, послѣ возвращенія помощника пристава Бернадскаго съ патрулемъ артиллерійскихъ солдатъ изъ 35 человекъ во 2-ю полицейскую часть города Минска, сюда прибылъ свидѣтель, поручикъ Коломенскаго полка Олешкевичъ, лично видѣвшій на своемъ пути большія толпы евреевъ. Въ части, онъ осматривалъ избитыхъ и окровавленныхъ нижнихъ чиновъ; ихъ оказалось 11 человекъ; здѣсь же находился и одинъ избитый мальчикъ; нѣкоторые изъ нихъ были до того сильно побиты, что не могли встать, а лежали на мѣстѣ. Видя это, поручикъ Олешкевичъ спросилъ у помощника пристава: „*Почему же евреевъ не забрали въ часть?*“, но не получилъ отвѣта... Вдругъ, на улицѣ

раздался сильный шумъ. Поручикъ Олешкевичъ съ приставомъ Пекарскимъ, черезъ окно, увидѣли, какъ огромная толпа евреевъ бросала впередъ камнями и палками; она гналась за кѣмъ-то въ направленіи отъ Нижняго базара. Когда поручикъ Олешкевичъ,—не помнитъ, съ приставомъ или съ его помощникомъ,—вышелъ на улицу, то двое русскихъ пожаловались имъ, что не могутъ пройти, такъ какъ евреи бьютъ христіанъ, и поручикъ Олешкевичъ посовѣтовалъ имъ остаться въ части. Къ тому же времени, изъ полицейскаго двора вышелъ на улицу взводъ артиллерійскихъ солдатъ, при чемъ приставъ или его помощникъ, сказалъ поручику Олешкевичу, что этотъ взводъ *„спрятанъ у нихъ на дворѣ“*, и предложилъ воспользоваться имъ для прекращенія беспорядковъ. Отдѣливъ изъ взвода 18 человекъ, поручикъ Олешкевичъ отправился съ ними на Нижній базаръ, вслѣдъ за помощникомъ пристава. Не доходя поворота съ Замковой на Мясницкую улицу, свидѣтель встрѣтилъ помощника пристава, который велъ какого-то чернаго еврея.— *„Вотъ этотъ, шельма, дрался!“*, — указывая на еврея, сказалъ помощникъ пристава и просилъ идти на базаръ, потому что тамъ спокойно. Дѣйствительно, лишь немного далѣе, поручикъ Олешкевичъ увидѣлъ страшную толпу евреевъ, а въ ней замѣтилъ городского, еще съ другимъ арестованнымъ евреемъ, который вырывался отъ городского, толпа же еврею въ томъ помогала; убѣдившись, что городской бесплодно защищается необнаженною шапкой, поручикъ Олешкевичъ крикнулъ на евреевъ, чтобы они не смѣли сопротивляться. Здѣсь же свидѣтелю сказали, что на Нижнемъ базарѣ евреи бьютъ солдатъ. Пospѣшивъ туда, свидѣтель замѣтилъ солдата, убѣгавшаго отъ еврейской толпы къ желѣзнымъ лавкамъ, а на углу Екатерининской улицы и базара увидѣлъ патруль подпоручика Галлашека, окруженный огромною массою евреевъ. Летѣли камни и полѣнья. Еще въ одномъ мѣстѣ евреи били какихъ-то христіанъ, не военныхъ. Полѣнья такъ и летали надъ головами. Постепенно, дерзость еврейскихъ скопищъ все увеличивалась. Они не разступались и передъ поручикомъ Олешкевичемъ. На свидѣтеля было даже сдѣлано покушеніе — коломъ нанести ударъ въ голову. Отстранивъ ударъ отъ головы, свидѣтель получилъ его въ руку, при чемъ на рукавѣ пальто осталась кровь, потому что колъ былъ окровавленъ. Приблизившись къ патрулю подпоручика Галлашека, свидѣтель узналъ отъ него, что у его патрульныхъ побиты ружья. Еще

далѣе, окровавленный солдатъ Коломенскаго полка, въ изорванномъ мундирѣ, отмахивался отъ евреевъ, какъ отъ „собакъ“, толстою палкой. Въ другомъ мѣстѣ, черезъ внезапно открывавшуюся калитку, изъ еврейскаго двора, бросали камнями и полѣньями. Необходимо замѣтить, что, по объясненію другого свидѣтеля— Короневича, сначала не могли опредѣлить, откуда собственно вылетаютъ эти камни и полѣнья, такъ какъ ворота были закрыты, и лишь когда кто-то крикнулъ: — „искать, гдѣ они?“, а потомъ — „сюда, здѣсь они!“, вольные люди-христіане и солдаты натискомъ открыли ворота, при чемъ оттуда выскочила и разбѣжалась цѣлая шайка евреевъ. Какіе именно солдаты — подпоручика ли Галлашека или же поручика Олешкевича — помогли такимъ образомъ выгнать евреевъ изъ засады, осталось невыясненнымъ, но, разумѣется, это могли быть нижніе чины и изъ патруля артиллеристовъ. Наконецъ, по удостовѣренію поручика Олешкевича, прибылъ на базаръ поручикъ Маллеріусъ уже съ батареею артиллеристовъ (безъ орудій), но приставъ Пекарскій возвратилъ ее назадъ, сказавъ поручику Маллеріусу, что уже все стихло и что больше ихъ беспокоить не будутъ. Между тѣмъ, именно послѣ этого, поручикъ Олешкевичъ видѣлъ, какъ упомянутый выше окровавленный солдатъ отмахивался палкою отъ евреевъ. Вслѣдъ за симъ, пріѣхалъ на Нижній базаръ и командиръ Серпуховскаго полка, полковникъ Федоровъ, только что предъ тѣмъ осматривавшій во 2-й полицейской части находившихся тамъ израненныхъ солдатъ. „Видъ солдатъ произвелъ на полковника сильное впечатлѣніе“, — удостовѣряетъ свидѣтель Олешкевичъ.

На базарѣ, камни были бросаемы евреями и въ самого полковника. Выручивъ отмахивавшагося отъ евреевъ солдата, поручикъ Олешкевичъ проводилъ его до монастыря, а затѣмъ прибылъ на Соборную площадь, гдѣ снова повстрѣчался съ патрулемъ подпоручика Галлашека, уже прошедшимъ черезъ еврейскія скопища.

Изложенное показаніе поручика Олешкевича подтверждается всѣми обстоятельствами дѣла.

Во-истину горестныя, но для правосудія чрезвычайно важныя показанія даны засимъ такими свидѣтелями-очевидцами, какъ Томашевскій, Жуковская, Амброжевичъ и Хмѣлевскій. Толпа евреевъ гналась за 4 или 5 артиллерійскими солдатами, говоритъ Томашевскій. Впереди толпы, съ большимъ азартомъ, бѣжалъ нахальный по наружности еврей, въ очкахъ или пенснѣ,

служащій, какъ говорили, въ Коммерческомъ банкѣ. Солдаты успѣли вскочить во дворъ своей казармы, но и евреи хотѣли ворваться туда же, — ихъ не пустили. Другія шайки евреевъ наполняли близъ лежащую площадь и улицы. На самомъ углу зданія присутственныхъ мѣстъ, свидѣтель видѣлъ окровавленнаго солдата, а по дорогѣ на Нижній базаръ кровь виднѣлась даже на мостовой. Именно въ это время, прошелъ помощникъ пристава (Бернадскій) съ командою артиллеристовъ. Повсюду сказывалось негодованіе на то, что евреямъ была дана возможность соершить такое побойще. „*Всѣ возмутились*“, — говорилъ свидѣтель, — „*что полиція позволила т. - е. допустила евреямъ бить солдатъ*“.

Свидѣтельница Жуковская видѣла, съ своей стороны, какъ толпы евреевъ избивали солдатъ, даже и тѣхъ, которыхъ городовые уже вели въ часть. *) Съ крышъ и оконъ домовъ евреи кидали въ солдатъ камни, лили какую-то жидкость. „*Евреи, конечно, объ этомъ не скажутъ*“, — прибавляетъ свидѣтельница, — „*а русскихъ было мало*“. На упрекъ, зачѣмъ они такъ сильно бьютъ солдатъ, евреи стали грозить и самой Жуковской: „*Тише, тише, а то и тебѣ по мордѣ дадимъ!*“

Съ другой стороны, свидѣтель Хмѣлевскій былъ очевидцемъ того, какъ приставъ Пекарскій пріѣхалъ съ Торговой улицы на Нижній базаръ вмѣстѣ съ Фрумкинымъ. Свидѣтель видѣлъ также избіеніе солдатъ евреями, въ разныхъ мѣстахъ базара, при чемъ трое изъ этихъ солдатъ были съ ружьями. Евреи били палками невыносимо — въ особенности одного изъ солдатъ. „*Они его такъ мучили*“, — буквально говоритъ свидѣтель, — „*какъ только развѣ мучили Иисуса Христа*“.

Свидѣтель Амброжевичъ подтвердилъ это, основываясь на свѣдѣніяхъ, тогда же сообщенныхъ ему Худницкимъ и Хмѣлевскимъ. Да и, наконецъ, самъ минскій полицеймейстеръ Закалинскій призналъ предъ Судебною Палатою, что опасное положеніе христіанъ въ г. Минскѣ, наконецъ, выразилось въ такои достойной глубокаго размышленія жалобѣ: „*Евреи уже начали бить солдатъ, — что же съ нами будетъ?!*“ ...

Но дѣло, какъ извѣстно, не ограничивалось тѣмъ, что солдатъ били. Мы знаемъ, что ихъ же еще и держали въ части,

---

*) Изъ обвинительнаго же акта видно, что Леонтія Швалькевича кто-то изъ евреевъ побилъ даже при входѣ этого свидѣтеля въ полицейскую часть.

до тѣхъ поръ, пока не освободилъ ихъ полковникъ Федоровъ. Удивленный этимъ непостижимымъ арестомъ, полковникъ приказалъ патрульнымъ (Левченкѣ, Гусеву и Заикину) дышать на него и убѣдился, а затѣмъ удостовѣрилъ предъ Судебною Палатою, что они оказались совершенно *трезвыми*. Съ другою стороны, — вопреки заявленію названнаго выше, теперь только *бывшаго*, пристава 1-ой части г. Минска, Освѣцимскаго, о томъ, что онъ будто бы видѣлъ бутылки у какихъ-то солдатъ близъ патруля подпоручика Галлашека, — изъ всѣхъ прочихъ данныхъ судебного слѣдствія несомнѣнно явствуетъ, что и эти патрульные были въ свою очередь *трезвы*.

Солдатъ били, а затѣмъ арестовывали... Израненныхъ же и окровавленныхъ оставляли еще и безъ медицинской помощи, — фактъ, установленный слѣдствіемъ безспорно. — „*У насъ нѣтъ врачей!*“ было сказано поручику Олешкевичу на его упрекъ, что надо бы, по крайней мѣрѣ, обмыть кровь и сдѣлать перевязку ранъ. Это тѣмъ болѣе оскорбительно и печально, что, какъ мы знаемъ изъ судебного слѣдствія, къ пораненному еврею, отвезенному отнюдь не въ часть, а въ семейный домъ, было приглашено цѣлыхъ три врача — Эліасбергъ, Познякъ и Поллякъ.

И этого мало. Изъ собственнаго показанія подсудимаго Бениамина Фрумкина, не отрицаемаго приставомъ Пекарскимъ, Судебная Палата изволитъ усмотрѣть, что, вслѣдъ за началомъ событій на Нижнемъ базарѣ, онъ, Фрумкинъ, непонятнымъ, если вѣрять приставу, путемъ, оказывался на одномъ съ нимъ извозчикѣ въ оба пути — на базаръ и обратно. Кромѣ того, Фрумкинъ и вообще разѣзжалъ съ приставомъ по городу Минску. По возвращеніи же пристава въ часть, Фрумкинъ, — какъ онъ самъ говоритъ, — даже имѣлъ возможность побывать въ томъ помѣщеніи, гдѣ, безъ всякой помощи, оставались только что избитые евреями (а по словамъ Невѣдомскаго — *и самимъ же Фрумкинскимъ*) чины перваго патруля Коломенскаго полка...

Фрумкинъ имъ производилъ смотръ!...

На ряду съ этимъ нельзя, повидимому, одобрить и такой неясности въ разѣздахъ самого пристава, какая обнаруживается хотя бы изъ факта, что, во время судебного слѣдствія, г. Пекарскій, на мой вопросъ, сперва отозвался запятованіемъ даже того, — ѣздилъ ли онъ съ Фрумкинскимъ куда-либо?... Впрочемъ, подобное запятованіе не можетъ затруднить насъ, такъ какъ Фрумкинъ, на мой же вопросъ, это тогда же призналъ.

Независимо отъ сего, весьма достойно вниманія и слѣдующее. Первое полученное имъ съ базара извѣстіе приставъ Пекарскій собственноручно записалъ въ дознаніи такъ: „евреи убиваютъ солдатъ“. Между тѣмъ, на допросъ у судебного слѣдователя, онъ же, Пекарскій, показалъ, наоборотъ, будто первое его свѣдѣніе заключалось въ томъ, что „солдаты бьютъ евреевъ“. Эту послѣднюю версію г. Пекарскій поддерживалъ и на слѣдствіи судебномъ, заявляя, что въ дознаніи ошибся... Однако, кому же, какъ не г. Пекарскому, надлежало бы знать, что именно у него, въ части, сидятъ израненные евреями солдаты, приведенные сюда, какъ теперь намъ объясняетъ тотъ же приставъ, совсѣмъ не за побитіе евреевъ, а единственно потому, что „иначе нельзя было спасти солдатъ отъ разъяренной еврейской толпы“. Какъ же, при данныхъ условіяхъ, слѣдуетъ понимать ошибку г. Пекарскаго?..

Размышленія надъ столь необыкновенною ошибкой невольно приводятъ насъ и къ изслѣдованію показанія помощника пристава Бернадскаго о томъ, что ко времени прибытія второго Коломенскаго патруля безпорядки прекратились. — „Уже все стихло“ — заявляетъ г. Бернадскій.

Это показаніе, въ свою очередь, заслуживаетъ особаго вниманія какъ потому, что, — на ряду съ заподозрѣваніемъ чуть ли не всего, удостовѣряемаго командиромъ сейчасъ названнаго патруля, подпоручикомъ Галлашекомъ, — защита придаетъ однако безусловную вѣру словамъ помощника пристава Бернадскаго, такъ и потому, что изъ „тишины“, засвидѣтельствованной г. Бернадскимъ, подсудимые стремятся извлечь свое главное оружіе для побѣды надъ обвиненіемъ. Отсюда именно и прежде всего черпается тотъ исходный тезисъ защиты, что въ самой командировкѣ патруля подпоручика Галлашека не было никакой надобности и что, слѣдовательно, если безпорядки возобновились, то лишь благодаря дѣйствіямъ самого же второго патруля. Отсюда, наконецъ, — полегоньку и помаленьку, со всевозможными оговорками и увѣреніями въ незыблемости чести патруля, — для защиты возникаетъ надежда, эта кроткая посланница небесъ, выдать свирѣпыхъ шайки жидовъ за ни въ чемъ неповинныхъ страдальцевъ, а благороднаго командира патруля и его доблестныхъ сподвижниковъ обратить въ безпорядочную толпу погромщиковъ, сокрушавшихъ окна въ синагогѣ, разнесшихъ „кабачекъ“ Иоселя Бекермана и даже, страшно сказать, — посягнувшихъ на жизнь канарейки другого израильтянина — Лейкина...

О самомъ моментѣ прибытія г. Бернадскаго съ 35 артиллерійскими солдатами на Нижній базаръ мы уже знаемъ изъ показаній свидѣтелей Олешкевича и Томашевскаго.

Въ дальнѣйшемъ, обнаруживается слѣдующее.

Начать съ того, что означенный артиллерійскій патруль былъ вытребованъ самою же полиціею—въ лицѣ пристава Пекарскаго, и ужь конечно не потому, что спокойствіе возстановлялось само собою. Если засимъ этотъ патруль былъ спрятанъ на полицейскомъ дворѣ,—по довольно забавному объясненію пристава, для того, чтобы не возбуждать еврейскихъ скопищъ, продолжавшихъ собираться даже у зданія 2-ой полицейской части,—то отсюда лишь явствуется вновь, что, по мнѣнію самой же полиціи, далеко не все еще обстояло благополучно.

Среди такихъ условій, если и допустить, что передъ патрулемъ въ 35 человекъ, равно какъ и передъ несомнѣнно знающимъ лично многихъ минскихъ евреевъ помощникомъ пристава Бернадскимъ, сыны Иуды прятались и все стихало, то и тогда это не доказываетъ, что, въ это время, еврейскіе беспорядки закончились *повсюду*. Хотя свѣдѣнія, доставленныя по этому дѣлу полиціею, до крайности скудны, тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что одиночные евреи скрывались и раньше: какой-то оборванецъ—отъ Марченко, а Губичъ, временно, —отъ Бакиновскаго, но это нисколько не мѣшало буйствовать остальнымъ. Наоборотъ, масса разновременно и въ разныхъ мѣстахъ избитыхъ евреями людей, прошедшихъ передъ нами на судебномъ слѣдствіи, убѣждаетъ въ томъ, что, затихая на одномъ пунктѣ, свистопляска кагала началась въ другомъ. По удостовѣренію рядового Федорова, жида, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, гоняли одиночныхъ солдатъ, какъ плѣнныхъ; когда же они напали и на самого Федорова и побили его, то городской хотя и отогналъ ихъ, но не спросилъ даже, за что они бьютъ, а, по примѣру другихъ избитыхъ солдатъ, ограничился тѣмъ, что и Федорова отвелъ въ часть. Здѣсь, отъ своихъ товарищей Федоровъ узналъ, что жида въ кровь избили и ихъ, а городовые привели ихъ, побитыхъ, въ часть,—жидовъ же городовые не трогали.

Мало этого. Даже изъ показанія отнюдь не враждебнаго евреямъ городского Бовдѣя извѣстно, что положеніе вещей было весьма опасное *до самаго вечера*, а также, что еврейскія толпы стали расходиться лишь когда пришла рота Коломенскаго полка и когда на Нижній базаръ собралось уже много офицеровъ, при-

бхали полицеймейстеръ и другія власти. Въ моментъ же прибытія сюда патруля подпоручика Галлашека, „тишина“ была настолько идеальна, что, какъ свидѣтельствуегъ поручикъ Чайковскій, мимо него самого пробѣжали вооруженные ломомъ евреи, при чемъ, по выраженію ихъ лицъ, онъ убѣдился, что они страшно *остервенѣлы*. Далѣе, на глазахъ этого свидѣтеля, происходили и такіе факты: солдатъ догоняегъ еврея съ ломомъ, чтобы обезоружить его; слѣдующій еврей гонится за солдатомъ и въ свою очередь намѣревается ударить его ломомъ; тогда, защищая своего товарища, второй солдатъ бьетъ еврея прикладомъ. Съ другой стороны, въ полной солидарности съ своими „героями“, толпа евреевъ съ ожесточеніемъ нападаетъ на весь патруль, бросая въ него камнями, бутылками и т. п. Вполнѣ естественно, что нижніе чины патруля принуждены были защищаться прикладами. Около того же времени, свидѣтель Рябцевичъ видѣлъ, какъ, спасаясь отъ евреевъ, два окровавленные солдата вскочили въ вагонъ конки.— *„Разъяренные, какъ зври“*, — говоритъ свидѣтель— „евреи нагнали ихъ, остановили вагонъ, выволокли солдатъ и били, чѣмъ попало“.

Объясняя такое звѣрское настроеніе еврейской толпы, поручикъ Чайковскій удостовѣряегъ, что озлобленіе, наглость и неуваженіе евреевъ къ военнымъ замѣчались въ Минскѣ и раньше. Въ свою очередь, командиры Коломенскаго и Серпуховскаго полковъ, полковники Бестужевъ и Федоровъ, заявили передъ Судебною Палатою какъ объ упорномъ нарушеніи нижними чинами изъ евреевъ, при соучастіи ихъ единоплеменниковъ, требованій военной службы о совмѣстной пищѣ нижнихъ чиновъ (евреи убѣгали изъ казармъ въ свои еврейскія столовыя), такъ равно и томъ, что минское еврейство вообще отличается крайнимъ нахальствомъ, дерзая относиться неуважительно даже къ штабъ-офицерамъ и командирамъ отдѣльныхъ воинскихъ частей.

Но и независимо отъ сего, изъ показанія поручика Захарченко о содержаніи его доклада командиру Коломенскаго полка равно какъ и о дополнительномъ приказаніи командира подпоручику Галлашеку, а также изъ показанія городского Филозоновича о томъ, что помощникъ пристава Бернадскій, двигавшійся съ артиллерійскимъ патрулемъ въ 35 человекъ, самъ приказалъ арестовать и отвести въ часть какого-то еврея, и, наконецъ, изъ показанія самого же Бернадскаго о томъ, что близъ аптеки Гольдберга онъ лично видѣлъ двухъ или трехъ бѣжав-

шихъ солдатъ, при чемъ у одного сзади уха текла кровь—явствуетъ, что, во время прибытія къ базару патруля подпоручика Галлашека, еврейскія неистовства все еще продолжались. То же слѣдуетъ заключить и изъ показанія поручика Ляховича, который былъ очевидцемъ факта, какъ, убѣгая отъ разъяренныхъ евреевъ, артиллерійскіе солдаты скрылись на гауптвахту. Онъ же видѣлъ и продерзостное нападеніе минскихъ евреевъ на патруль подпоручика Галлашека—уже въ моментъ приближенія патруля къ Нижнему базару. Показаніе объ этомъ, данное поручикомъ Ляховичемъ, исполнѣ согласно съ показаніями поручика Олешкевича и другихъ свидѣтелей, о которыхъ я буду говорить далѣе.

Посему о „спокойствіи“, повѣствуемомъ г. Бернадскимъ, приходится составить нѣсколько иное понятіе, чѣмъ это было бы пріятно защитѣ.

По дѣйствительнымъ, а не мнимымъ даннымъ судебного слѣдствія, рассказъ г. Бернадскаго о томъ, что еще до появленія патруля подпоручика Галлашека уже все „стихло“, представляется несогласнымъ съ истиною. Ему противорѣчатъ не только показанія помощника пристава Шахневича о томъ, что, даже въ его присутствіи, изъ дома Вендорфа на Нижнемъ базарѣ былъ брошенъ камень, но и всѣ несомнѣнныя обстоятельства дѣла.

Самъ не заслуживая довѣрія, помянутый рассказъ ничего къ порицанію дѣйствиіи второго Коломенскаго патруля дать не можетъ.

Потерпѣвъ такимъ образомъ пораженіе на этомъ, чрезвычайно важномъ для нея пунктѣ, защита переходитъ на другія позиціи.

По отношенію къ *второму* патрулю—подпоручика Галлашека, съ одной стороны, утверждается, что онъ пришелъ яко бы безъ всякой надобности, когда уже все стихло, а съ другой стороны, что этотъ патруль будто бы вышелъ изъ повиновенія своему командиру уже съ перваго момента: едва только услышавъ крикъ „нашихъ бьютъ!“—патрульные уже кинулись на помощь бѣгомъ. Однако, подобныя утвержденія истощаютъ терпѣніе слушателей. Ясно, что если все стихло, то не могло быть крика „нашихъ бьютъ!“,—а если патруль бросился помогать именно въ виду этого крика, то, стало быть, не все еще стихло. Кромѣ того, бѣжать на помощь еще не значитъ нарушать дисциплину. Столь явныя натяжки и противорѣчія въ доводахъ защиты, желающей тѣмъ не менѣе стать обвинительницею, во-истину плачевны.

Столь же несостоятельна и попытка со скамьи обвиняемых увидѣть дезорганизацію патруля въ засвидѣтельствованномъ поручикомъ Чайковскимъ эпизодѣ защиты отъ евреевъ, вооруженныхъ ломами. Помощь, оказанная чинами патруля остальнымъ христіанамъ и другъ другу противъ вооруженныхъ ломами евреевъ, представляется дѣйствіемъ безусловно необходимымъ и показываетъ, наоборотъ, что патруль, какъ военная сила, при данныхъ условіяхъ, и поступать иначе не могъ. Вопреки увѣреніямъ защиты, патруль несомнѣнно оставался въ рукахъ своего командира. Это явствуетъ, во первыхъ, изъ категорическаго удостовѣренія самого подпоручика Галлашека, и, во-вторыхъ, изъ того очевиднаго факта, что, имѣя дѣло съ многотысячнымъ скопищемъ „озвѣрѣлыхъ“,—какъ прямо говорятъ свидѣтели,—евреевъ, командиръ патруля, ради безопасности нижнихъ чиновъ и своей собственной, прежде всего долженъ былъ, конечно, заботиться о томъ, чтобы еврейству не удалось разъединить патрульныхъ для избіенія порознь, какъ оно успѣло продѣлать это съ первымъ патрулемъ. По его мотивированному утверженію предъ Судебною Палатою, командиръ внимательно заботился о сохраненіи патрулемъ строя и, при весьма серьезныхъ обстоятельствахъ, достигъ цѣли, не употребивъ оружія.

А что подпоручикъ Галлашекъ дѣйствительно сохранялъ хладнокровіе и вообще исполнилъ свой долгъ безупречно, этому торжественнымъ доказательствомъ служить фактъ, что онъ лично, своею шашкою, прикрылъ Абрама Каплана, котораго окружили и хотѣли избить,—великодушный подвигъ, совершенный вслѣдъ за тѣмъ, какъ этотъ отчаянный еврей кинулся съ коломъ именно на него, подпоручика Галлашека.

Не взирая на все изложенное и ссылаясь лишь на рассказъ помощника пристава Бернадскаго, да еще на то обстоятельство, что, заручившись артиллерійскимъ патрулемъ въ 35 человекъ, приставъ 2-ой части г. Минска Пекарскій, по его словамъ, какую-то толпу евреевъ остановилъ крикомъ,—защита, на судебномъ слѣдствіи, проводила мысль, что и въ самомъ командированіи патруля подпоручика Галлашека не было цѣли. Въѣсть съ этимъ, усердно оговариваясь, что на достоинство военныхъ она не посягаетъ отнюдь, защита, тѣмъ не менѣе, разными способами,—между прочимъ и отъ множества свидѣтелей евреевъ,—неотступно добивалась указаній на разность „кабачка“ Бекермана и на разгромъ синагоги, — разумѣется, патрулемъ подпо-

ручика Галлашека. Все это, безъ сомнѣнія, имѣло преднамѣренною цѣлью не только скомпрометировать самый фактъ прибытія второго Коломенскаго патруля на Нижній базаръ и, наоборотъ, воздать хвалу чрезвычайнымъ административнымъ дарованіямъ г. Пекарскаго и его товарищей, но и прöderзостное нападеніе еврейскихъ скопищъ на исполнявшій гарнизованную службу патруль извратить въ еврейскій погромъ, яко бы учиненный именно этимъ, столь ненавистнымъ для кагала патрулемъ.

Увы, — на предварительномъ слѣдствіи никто, даже Бекерманъ, о самомъ существованіи „кабачка“ не заикался. На слѣдствіи же судебномъ, хотя городской Бовдѣй и рассказывалъ о какихъ-то выбитыхъ въ кабакъ стеклахъ и побитыхъ бутылкахъ, тѣмъ не менѣе, какъ теперь обнаружилось, онъ въ свое время даже приставу Пекарскому объ этомъ не докладывалъ. Свидѣтель же Кушнеръ, на мой вопросъ, объяснилъ, что хотя онъ и не помнитъ павѣрное, этотъ ли именно, но знаетъ, что одинъ еврей Бекерманъ судился за пріемъ краденаго.

Съ другой стороны, изъ всѣхъ разспросовъ защиты о погромѣ синагоги также ничего не вышло. Сами евреи рядовому Бовдѣю ни на какой погромъ синагоги не указывали и даже осматривать ее не приглашали. Что же касается разбитыхъ въ синагогѣ оконъ, то не слѣдуетъ забывать еврейскую же канонаду камнями („камешками“, — по трогательному выраженію присяжнаго повѣреннаго Любарскаго) въ патруль подпоручика Галлашека, между прочимъ, проходившій и мимо синагоги. — „*Жиду стекла не жалко!*“ — справедливо замѣтилъ по этому поводу свидѣтель Семеновъ.

Въ концѣ концовъ, отъ всѣхъ изощреній евреевъ - подсудимыхъ на вредъ подпоручику Галлашеку и его патрулю остается — впрочемъ лишь впервые вынырнувшая на судебномъ слѣдствіи — сказка о еврейской канарейкѣ, безвременно погибшей отъ штыка русскаго солдата....

Само собою разумѣется, что при такой массѣ іудейскихъ показаній трудно было и ожидать, чтобы дѣло обошлось безъ какого-нибудь блистательнаго еврейскаго эпизода. Въ неусыпныхъ заботахъ о синагогѣ, Бекерманѣ и канарейкѣ, на скамьѣ защиты, разумѣется, трудно было вспомнить о безпримѣрномъ униженіи евреями христіанъ, о пролитой кагаломъ крови и о тѣхъ нечеловѣческихъ истязаніяхъ, весь ужасъ которыхъ прошелъ передъ нами въ цѣломъ рядѣ потрясающихъ картинъ, мастерски нарисованныхъ живою дѣйствительностью.

Но мы не позабудемъ ничего изъ слышаннаго здѣсь,—грозныя и величественныя слова свидѣтеля Хмелевскаго въ томъ служать порукою.

Въ дальнѣйшее же разъясненіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ движеніе второго Коломенскаго патруля черезъ еврейскія скопища на выручку истязуемыхъ и заливаемыхъ кровью солдатъ, мы имѣемъ: а) цѣлый рядъ показаній лично видѣвшихъ еврейскіе беспорядки, какъ гг. офицеровъ: Ляховича, Зацѣпина, Чайковскаго, Захарченко, Олешкевича и самого Галлашека, такъ равно и нижнихъ чиновъ Коломенскаго патруля: Тарасевича, Захарова, Цвирко, Кузьмина, Турайткина, Семенова, Никифорова, Кичайкина и Лукина; б) показанія нижнихъ чиновъ патруля отъ Серпуховскаго полка: Лошкина, Дырова и Георгіева (особенно на предварительномъ слѣдствіи) и в) показаніе унтеръ-офицера Серпуховскаго полка Лисова.

Впрочемъ, — виновать. Есть еще одна и при томъ весьма знаменательная подробность. Она ярко иллюминировать какъ безпристрастіе защиты въ ея наиболѣе серьезныхъ упрекахъ патрулю подпоручика Галлашека, такъ и степень искренности ея увѣреній въ нежеланіи посягать на воинскую честь. Замѣтивъ вновь собирающіяся на пути этого патруля толпы евреевъ, городской Филозоновичъ обратился къ нимъ буквально съ такими словами: „*Уходите, солдаты идутъ разгонять васъ и еще ударятъ чьмъ-либо*“. Каково же было удивленіе мое и, полагаю, всѣхъ здѣсь присутствующихъ, когда эти, ничего обиднаго для патруля не заключающія слова городского, — подъ редакціею присяжнаго повѣреннаго Миронова, — уже на судебномъ слѣдствіи, извращались чуть ли не въ предупрежденіе евреевъ запираеть лавки и спасаться отъ погрома, яко бы совершаемаго тѣмъ же патрулемъ?!... — „*Солдаты идутъ, запирайте лавки, солдаты идутъ*!“ — будто бы восклицалъ Филозоновичъ, въ ужасѣ пробѣгая мимо іудейскихъ коммерсантовъ, — вотъ въ чемъ хотѣлъ насъ увѣрить г. Мироновъ. Excusez du peu...

И его расчетъ крайне простъ... Слушающая насъ сегодня, избранная публика не присутствовала на судебномъ слѣдствіи, а потому не знаетъ, что именно говорилъ Филозоновичъ. Стало быть, ее можно увлечь такъ, что и неправда окажется во спасеніе. Эффектъ произведетъ свое гибельное дѣйствіе надъ этою публикою, а огромность слѣдственнаго матеріала довершитъ жаждаемый защитою результатъ и въ нашихъ глазахъ. Не ста-

немъ же изумляться, когда, подъ тою же редакціею, мы вновь услышимъ о Филлозоновичѣ и въ защитительныхъ рѣчахъ.

Насъ хотяять и будутъ стращать погромомъ добродушныхъ израильтянь, учиненнымъ пьяными солдатами!...

Но если поруганіе правды невыносимо вообще, то каково же оно въ данномъ случаѣ, когда совершается ради столь превосходной и возвышенной цѣли!...

Резюмируя все сказанное о мѣропріятіяхъ въ оправданіе подсудимыхъ, мы, къ сожалѣнію, не видимъ здѣсь лучей свѣта.

Отвергая всѣ усилія защиты, судебное слѣдствіе не обнаружило ни одного полезнаго для нея факта, которымъ мыслимо было бы объяснить, во славу кагала, нападеніе еврейскихъ скопищъ на вооруженный патруль. Разореніе кабака Бекермана и погромъ синагоги — если бы они даже были доказаны, чего по дѣлу отнюдь не усматривается, — самою же защитою относятся лишь къ послѣдующему движенію патруля. Чѣмъ же, кромѣ еврейской ненависти и гордыни, возможно мотивировать появленіе тѣхъ камней, полѣнъ, помоевъ и кипятка, которыми со стороны евреевъ былъ *встрѣченъ* патруль уже съ момента приближенія его къ Нижнему базару? Какъ оправдать то неистовое озлобленіе, которое выразилось въ нападеніи евреевъ на патруль, съ желѣзными палками, кольями и ломачами въ рукахъ? Откуда — помимо его національныхъ особенностей — могла явиться такая невѣроятная наглость еврейства?!...

Защита не даетъ и съ своей точки зрѣнія, разумѣется, не можетъ дать отвѣта. Утверждать же, что, яко бы ради цѣлей самообороны, еврейская толпа вправѣ затѣять „простую драку“ — съ разрозненными ея же нападеніемъ чинами патруля, а дѣйствительную самозащиту отдѣльныхъ чиновъ патруля противъ еврейскихъ нападеній извращать въ дезорганизацію патруля, и засимъ, въ такой суматохѣ понятій, видѣть прекращеніе самага бытія патруля, какъ военной единицы, — не значитъ ли испытывать правосудіе?...

Нѣтъ, — только обезумѣвшая отъ „побѣды“ надъ одиночными христіанами, а вторымъ Коломенскимъ патрулемъ сурово остановленная въ своемъ кровожадномъ самопоклоненіи, вѣками засвидѣтельствованная, жестоковѣйшая дерзновенность кагала, сознающаго многочисленность и безграничный фанатизмъ сыновъ своихъ, можетъ дать ключъ къ этимъ мрачнымъ событіямъ. Лишь въ талмудической ненависти къ иноплеменникамъ, которыхъ

оно и за людей не считаетъ, еврейство такого центра іуданзма, какъ Минскъ, могло найти въ себѣ достаточно нахальства чтобы для русскаго военнаго отряда создать, въ самой же Россіи, условія города, который надо брать штурмомъ. Наконецъ, только въ слѣпой увѣренности, что онъ идетъ во главѣ своихъ изувѣровъ-соотчичей и ратуетъ во славу Израиля, такой яростный фанатикъ, какъ Абрамъ Капланъ, могъ осмѣлиться вырывать у патрульнаго ружье, а потомъ, въ апоѳеозѣ, кидаться и на самого командира патруля, съ цѣлью нанести ему ударъ. Нѣтъ и не можетъ быть другого объясненія тѣхъ отчаянныхъ фактовъ, въ самомъ разгарѣ которыхъ я нахожусь теперь по пути своей рѣчи.

Допустимъ на минуту, что виноваты оба патруля, признаемъ, что заслуживали еврейскаго возмездія всѣ вообще нижніе чины минскаго гарнизона, и, тѣмъ не менѣе, предъ нашими мысленными взорами останутся избитые и окровавленные кагаломъ *христиане—не военные*. Чѣмъ же, кромѣ племенной ненависти объяснимъ мы нападеніе еврейскихъ скопищъ и на нихъ?!...

Исполняя свой долгъ, подпоручикъ Галлашекъ прошелъ огромныя толпы евреевъ насквозь, собралъ и вывелъ избиваемыхъ этими толпами отпусковыхъ нижнихъ чиновъ, а затѣмъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій начальства, выстроилъ свой патруль на Соборной площади.

Увы, здѣсь, какъ мы знаемъ, онъ попалъ на инспекторскій смотръ частнаго пристава Освѣцискаго...

Подъ влияніемъ только что пережитаго, спасенные отъ евреевъ солдаты успокоивались не сразу. Испытавъ кагальное гостепріимство въ дни христіанской Пасхи, они, среди перваго волненія, уже не довольствовались слѣдованіемъ за патрулемъ, а искали защиты внутри его рядовъ. Это, вполнѣ естественное, психологически-вѣрное явленіе было, однако, истолковано приставомъ Освѣцискимъ во вредъ подпоручику Галлашеку. Въмѣсто исполненія своихъ прямыхъ полицейскихъ обязанностей, чрезвычайно настоятельныхъ въ данную минуту, приставъ Освѣцискій позволилъ себѣ сдѣлать командиру патруля указаніе на неточность фронта нижнихъ чиновъ, за что, по справедливости, и услышалъ въ отвѣтъ: „не ваше дѣло!“ Предъ Судебною же Палатою г. Освѣцискій, вопреки истинѣ, рѣшился положительно сказать, что въ приказаніи командира Коломенскаго полка, предъявленномъ подпоручикомъ Галлашекомъ, значилось, что его патруль посылается для усмиренія бунта. А когда я предста-

виль Палатѣ подлинникъ означеннаго приказанія, гдѣ ничего подобнаго нѣтъ, то г. Освѣцимскій еще разъ не сохранилъ дружбы съ правдою, заявивъ, что подпоручикъ Галлашекъ, будто бы, предъявлялъ ему не этотъ, а другой текстъ приказанія. Очевидно, не имѣя въ этомъ никакой надобности и ничего, ему приписываемаго, не совершивъ, подпоручикъ Галлашекъ такое, вновь противное истинѣ заявленіе г. Освѣцимскаго опровергъ немедленно. Равно несостоятельнымъ оказалось и еще одно повѣствованіе г. Освѣцимскаго, — будто бы поручикъ Олешкевичъ отдалъ патруль г. Галлашека въ его, пристава, распоряженіе. Поручикъ Олешкевичъ, въ свою очередь, опровергнувъ это. Онъ ничего подобнаго не дѣлалъ и сдѣлать не могъ уже потому, что не имѣлъ права, а, въ частности, не смѣлъ отмѣнить приказаніе командира полка, во имя котораго только и могъ дѣйствовать патруль подпоручика Галлашека. *Sapienti sat...*

При исполненіи своихъ обязанностей — безъ права употреблять оружіе — противъ огромныхъ еврейскихъ скопищъ, малочисленные Коломенскіе патрули, безъ сомнѣнія, не могли не понести урона.

Кромѣ разбитаго пополамъ ружья Цвирко и нѣкоторыхъ поврежденій на другихъ восьми ружьяхъ патруля, подробно указанныхъ въ протоколѣ экспертизы, доложенномъ Палатѣ, знаки отъ побоевъ и раны, нанесенныя евреями, оказались у слѣдующихъ нижнихъ чиновъ Коломенскаго полка: у унтеръ-офицера Исламова, ефрейторовъ Левченко, Цвирко и Ламацкаго и у рядовыхъ Гусева, Заикина, Иванникова, Лукина, Захарова и Макѣва. Какъ видно изъ имѣющихся въ дѣлѣ медицинскихъ актовъ, помянутые ушибы и раны, а у Заикина, между прочимъ, и вдавленіе кости, обнаружены были преимущественно на *головахъ* и даже, въ большинствѣ, на *височныхъ* костяхъ, при чемъ нѣкоторыя поврежденія достигали 5 сантиметровъ.

Вдумываясь въ эту скорбную эпопею и размышляя надъ безчеловѣчьемъ евреевъ, нельзя не вспомнить еще объ одномъ изъ поученій всемірной исторіи.

Отъ времени до времени, еврейство выдвигаетъ дикихъ изувѣровъ. Сегодня я обращаю вниманіе ваше, гг. судьи, на Абрама Кацлана, — и, глядя на него, мнѣ трудно отрѣшиться отъ мысли, что именно таковъ долженъ быть предводитель безумно-злыхъ еврейскихъ скопищъ... Уходя же въ мракъ вѣковъ, мы тамъ встрѣчаемъ отчаяннаго злодѣя Баръ-Кохебу, который при

императоръ Адрианъ поднялъ еврейское возстаніе, единственное въ своемъ родѣ. По свидѣтельству Діона Кассія и Иеронима, командуемые названнымъ кровожаднѣйшимъ изъ лже-месіей злодѣемъ, евреи умертвили въ Киренѣ 220,000, на Кипрѣ 240,000 грековъ-христіанъ, въ Египтѣ—огромное число жителей. Многія изъ этихъ горемычныхъ жертвъ были *распиливаемы на двое*, согласно съ прецедентомъ, который былъ санкціонированъ примѣромъ Давида. „*Побѣдоносные іудеи пожирали мясо несчастныхъ, лизали ихъ кровь и опоясывали себя ихъ внутренностями*“.

Императоръ Адрианъ не оставилъ сыновъ Іуды безъ наказанія. Въ періодъ подавленія бунта (132 — 135 года по Р. Х.), 560,000 евреевъ погибло отъ меча и безчисленное множество отъ голода, болѣзней и пожаровъ. Кромѣ того, Адрианъ окончательно изгналъ ихъ изъ Палестины.

„Чувство человѣколюбія возмущается“,—говоритъ Гиббонъ *) „въ особенности при чтеніи рассказовъ объ омерзительныхъ жестокостяхъ, совершонныхъ евреями въ городахъ Египта, Кипра и Кирены, гдѣ, подъ видомъ дружбы, они, предательскимъ образомъ, употребили въ зло довѣріе мѣстныхъ жителей, — отчего мы и склонны одобрять римскіе легіоны, сурово отомстившіе расѣ фанатиковъ, которая, вслѣдствіе своихъ варварскихъ и легкомысленныхъ предразсудковъ, сдѣлалась непримиримымъ врагомъ не только римскаго правительства, но и всего человѣческаго рода“.

В. Лукавство, пронырливость и трусливость, раскрываемыя въ кагальныхъ дѣйствіяхъ 15 апрѣля, суть также несомнѣнныя черты національнаго характера евреевъ. Имъ надо было „позабавиться“ надъ гоями, т.-е. утолить свою злобу и однако же не дать въ руки,—показать себя въ столь опасномъ замыслѣ и ядовито посмѣяться надъ всѣми „разслѣдованіями“ гоевъ. Такъ сыны Іуды и дѣйствовали. Они нападали сзади и быстро скрывались въ толпѣ. Кидались подъ ноги, чтобы неожиданно свалить наземь. Били по головѣ. Бросали камни и полѣнья изъ запертыхъ калитокъ и оконъ, внезапно открывавшихся. Нападали по 20 и больше на одного. Избивали лежащихъ. Элья Кугель былъ даже пойманъ за этимъ похвальнымъ занятіемъ. Сознавая, что за покушеніе на офицера можетъ грозить военный судъ, они избѣгали этого.

*) Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи, II, 94.

Жаждая мести, но и нища безнаказанности, полицію, даже городовыхъ и ночного сторожа Кушнера, которые могли бы изобличить ихъ, евреи не трогали. *Ихъ основная задача—торжествовать, не принося жертвъ.* Но зато они истязали многихъ другихъ и не теряли случая пожаловаться, что ихъ бьютъ.

Г. Подкупъ свидѣтелей—слѣдующая, обыденная въ еврейскихъ дѣяніяхъ черта. Подкупъ вообще есть излюбленный приемъ сыновъ Іуды на ихъ пути къ благамъ міра сего. Не безъ остроумія замѣчено во Франціи, что „у евреевъ довольно денегъ, чтобы покупать самыхъ юныхъ дѣвушекъ и самыхъ престарѣлыхъ министровъ...“

Свидѣтели Кривицкій и Невѣдомскій, въ гармоніи съ ходомъ событій, утверждаютъ, какъ очевидцы, что Израиль Сеглинъ и Беніаминъ Фрумкинъ раздавали еврейской молодежи желѣзныя орудія для нападенія, послѣ чего, вмѣстѣ съ толпою евреевъ, сами напали на солдатъ вообще, а на патрульныхъ въ частности, и что въ этомъ же нападеніи участвовали: Мордухъ Фейманъ, Шахна Арончикъ, Залманъ Кадышъ, Юдель Румановъ и Элья Фишкинъ. Какъ рассказываютъ оба названные свидѣтеля, Фишкинъ, Сеглинъ и Фрумкинъ, подкупая ихъ, наладили этотъ дивертисментъ, — особенно въ отношеніи Невѣдомскаго, что называется, безъ промаха. Хайда Дрейзина, Гиршъ Майзельсъ, Мендель Канторъ и Фрума Сермонъ, по приглашенію Фрумкина и Сеглина, одинъ за другимъ спѣшили принять благосклонное участіе въ составленіи росписки отъ Невѣдомскаго, — удостовѣряющій, что онъ получилъ деньги и обязанъ „показать правду“. Жандармскій ротмистръ Дубкевичъ, съ своей стороны, посовѣтовалъ Сеглину и Фрумкину записать нумера тѣхъ кредитныхъ билетовъ (всего на 10 руб.), которые они должны были дать Невѣдомскому; а такъ какъ, по его словамъ они не довѣряли ни полиціи, ни судебному слѣдователю, то онъ же, Дубкевичъ, и записалъ эти нумера у себя. Вслѣдъ засимъ, Сеглинъ и Фрумкинъ напоили Невѣдомскаго пьянымъ и вложили ему въ карманъ деньги; потомъ, заранѣе приготовленнымъ—*полицейскимъ* свисткомъ, они призвали городского (Мирончика) и, наконецъ, доставили Невѣдомскаго въ часть — къ приставу Пекарскому, гдѣ въ заключеніе, и былъ составленъ протоколъ. Такая обстоятельность и единодушіе еврейскихъ дѣйствій во-истину трогательны.... Едва ли, впрочемъ, и сама защита найдетъ здѣсь доказательства того, что евреи не вели своего „дѣла“ кагаломъ.

Стало быть, получение Невѣдомскимъ 10 рублей доказано.

Кривицкій же самъ утверждаетъ, что Фрумкинъ далъ ему 15 рублей, а Фишкинъ 5 рублей, о чемъ онъ, Кривицкій, тогда же заявилъ полицеймейстеру. Тѣмъ не менѣе, наравнѣ съ свидѣтелемъ Чауромъ, Кривицкій и Невѣдомскій предъ Судебною Палатою дали показанія *противъ обвиняемыхъ*, и притомъ—*вполнѣ согласно съ своими показаніями на предварительномъ слѣдствіи*. Однако, защита требуетъ не довѣрять этимъ свидѣтелямъ. Да, разумѣется, дурно, что они брали у евреевъ деньги. Но позволительно спросить,—какую же вѣру слѣдовало бы придавать тѣмъ же Невѣдомскому, Кривицкому и Чауру, если бы они измѣнили свои показанія *въ пользу евреевъ?*... Съ другой стороны, въ той средѣ, гдѣ вращаются названные свидѣтели, и при условіи, что сами же евреи хищнически деморализуютъ ихъ, равно какъ, въ виду факта, что событія 15 апрѣля происходили не гдѣ-нибудь въ собраніи подвижниковъ, а главнымъ образомъ на грязномъ еврейскомъ базарѣ, трудно ожидать отъ туземцовъ слишкомъ много претензій на монтіоновскую премію за добродѣтель.

Независимо отъ изложеннаго, опытъ показываетъ, что въ іудейскихъ заботахъ о подкупѣ свидѣтелей, эти послѣдніе распадаются на три категоріи: одна остается вовсе неподкупною; другая беретъ деньги и все-таки показываетъ правду; наконецъ, третья за деньги говоритъ ложь. Задача обнаружить эти категоріи, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, бываетъ подчасъ неразрѣшимою, но отсюда еще не слѣдуетъ, что всякій, кому еврей заплатили, долженъ быть названъ клятвопреступникомъ.

Безъ сомнѣнія, это представлялось бы еще болѣе несправедливымъ, чѣмъ считать подкупленнымъ всякаго свидѣтеля который противорѣчитъ на судѣ тому, о чемъ онъ показывалъ у судебного слѣдователя.

Возьмемъ яркій примѣръ.

У насъ нѣтъ данныхъ подозрѣвать въ подкупности трехъ нижнихъ чиновъ патруля Серпуховскаго полка. А между тѣмъ, всѣ трое, т.-е. ефрейторъ Лошкинъ и рядовые Георгіевъ и Дыровъ, предъ Судебною Палатою, стали въ явное противорѣчіе съ своими же собственными показаніями, данными на предварительномъ слѣдствіи, и вдобавокъ по весьма важному обстоятельству, а именно по вопросу о томъ, — кидался ли Абрамъ Капланъ, съ коломъ въ рукахъ, на подпоручика Галлашека и въ намѣреніи ударить его? У судебного слѣдователя, всѣ трое

подтвердили этотъ фактъ, какъ очевидцы, Лошкинъ же удосто-
вѣрилъ его и въ качествѣ лица, подоспѣвшаго какъ разъ во
время, чтобы отстранить штыкомъ ударъ Каплана, направленный
на командира патруля. Однако, на судѣ, всѣ трое, а въ особенно-
сти Лошкинъ, измѣнили свои показанія. Дыровъ и Георгіевъ,
хотя и уклонились отъ разъясненія причины такого противорѣ-
чія, но не отвергали, по крайней мѣрѣ, того, что судебный слѣ-
дователь каждому изъ нихъ читалъ протоколъ его допроса и
что таковой былъ записанъ правильно.—Лошкинъ же, на самые
простые вопросы, отмалчивался или твердилъ: „не могу знать!“
Онъ рѣшился повторить эту стереотипную фразу и на катего-
рической вопросъ самого г. предсѣдателя Палаты, о томъ, когда
же онъ, Лошкинъ, говорилъ правду—*у судебного слѣдователя или
предъ Судебною Палатою?*

Какъ же быть съ этимъ поразительнымъ инцидентомъ?

Самая мысль о томъ, чтобы уважаемый и столько потрудив-
шійся въ настоящемъ дѣлѣ судебный слѣдователь могъ сочинить
показанія Лошкина, Дырова и Георгіева очевидно нелѣпа. Стало
быть, надо искать другого объясненія. И вотъ, забывая о еврей-
скихъ подкупахъ, съ такою прелестью показавшихъ себя въ на-
стоящемъ дѣлѣ, и допуская для сыновъ Іуды наилучшее, мнѣ
представляется такая картина. Допрашиваемые на предваритель-
номъ слѣдствіи, и при томъ неожиданно, названные нижніе чины
были искренны и говорили правду,—какъ это явствуетъ изъ всѣхъ
обстоятельствъ дѣла. Наоборотъ, въ настоящее время, отпра-
вляясь въ судъ и уже зная, о чемъ именно будетъ допросъ, а съ
другой стороны имѣя въ виду, что какъ теперь всѣмъ извѣстно,
дѣйствовать штыками не было дозволено, Лошкинъ могъ испу-
гаться ответственности. Въ виду такихъ обстоятельствъ, порѣшивъ
умолчать о томъ, что онъ кинулся на Каплана съ ружьемъ „на
руку“, Лошкинъ могъ упросить засимъ и своихъ товарищей не
выдавать его. Въ этомъ смыслѣ, они, всѣ трое, и поступили,—
но славянская совѣсть не позволила имъ вовсе отречься отъ
показаній, данныхъ судебному слѣдователю, чѣмъ и обусловли-
вается кажущаяся несообразность ихъ нынѣшняго поведенія.

Вообще же говоря, при желаніи, мнѣ не трудно было бы
воспользоваться дорогою, указанною моими противниками. Если
у нихъ есть улики въ принятіи еврейскихъ денегъ, то за меня
стоитъ очевидность сейчасъ указанной, вопіющей перемѣны
свидѣтелями показаній изъ вредныхъ въ полезныя для евреевъ.

Отсюда съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ защита, я могъ бы заключить еще объ одномъ, весьма поучительномъ гешефтѣ „избраннаго“ народа... Но пока существуетъ возможность объяснить фактъ иначе, я не хочу и не долженъ упрекать кого-либо изъ свидѣтелей въ недобросовѣстности. Сообразно съ этимъ, не будемъ же отрицать возможности и такого положенія вещей, когда изощренные въ предательствѣ евреи, съ присущимъ имъ упорствомъ, стали подкупать опаснѣйшихъ для кагала свидѣтелей-очевидцевъ Невѣдомскаго и Кривицкаго, дабы, дискредитируя ихъ справедливыя показанія, во всякомъ случаѣ обезпечить себя отъ ихъ „измѣны“ и, обращая правду въ ложь, выдать эту коварную ложь за многострадальную истину.

Повергая изложенное передъ Судебною Палатою, я сохраняю убѣжденіе въ томъ, что по дѣламъ этого рода испытующій взглядъ на показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей является особенно необходимымъ.

и **Д. Поразительная дерзновенность** какъ еврейскихъ скопищъ, такъ и отдѣльныхъ евреевъ 15 апрѣля 1897 года представляетъ заключительное доказательство того, что, обуславливаясь достойною примѣрнаго возмездія гордынею кагала и его ненавистью къ христіанамъ, изучаемыя нынѣ событія являлись національно-еврейскимъ дѣломъ и ничѣмъ инымъ.

О похожденияхъ іудейскихъ скопищъ мы уже знаемъ довольно. Взглянемъ на отдѣльныхъ евреевъ.

Обратимся къ фактамъ.

1) *Абрамъ Капланъ пойманъ на мѣстѣ преступленія.* Онъ изобличается цѣлымъ рядомъ свидѣтелей (подпоручикъ Галлашекъ, Захаровъ, Цвирко, Мирончикъ, Евдокимовъ, Тарасевичъ, Семеновъ, Турайкинъ, Кузьминъ, рядовой Федоровъ и Кичайкинъ, а также на предварительномъ слѣдствіи—Лошкинъ, Дыровъ и Георгіевъ). Одни видѣли, какъ онъ отнималъ ружье у патрульнаго Захарова, другіе — какъ онъ бросился съ коломъ на самого командира патруля. Тѣмъ не менѣе, Капланъ кричалъ городовому Мирончику: „не смѣй меня арестовывать, я купецъ первой гильдіи!“ Въ полицейской же части, Капланъ, даже въ присутствіи поручика Ляховича, восклицалъ: „мы еще посмотримъ!“ и вообще буйствовалъ такъ, что его пришлось посадить за рѣшетку. Пойманный, какъ *зачинщикъ и коноводъ* еврейскаго скопища, и совершенно изобличенный *очевидцами*, тотъ же Капланъ не затрудняется, однако, заявлять даже о своемъ *alibi*

и, въ подтвержденіе такового, вызываетъ нѣсколькихъ, дѣйствительно показывающихъ въ его пользу евреевъ: Нейфаха, Милецкаго, Эпштейна, Тасьмана, Левинсона и Бернштейна.

2) Равнымъ образомъ *пойманный на мѣстѣ преступленія*,— въ тотъ самый моментъ, когда онъ билъ лежачаго, и, сверхъ того, избличаемый въ нападеніи на патруль (свидѣтели: помощникъ пристава Книгга и Гусевъ), *Эля Кугель* въ свою очередь ссылается на *alibi* и, въ доказательство, также приводитъ свидѣтелей (Несвижскій, Палей, Файнъ и другіе).

3) *Беніаминъ Фрумкинъ*, при обстоятельствахъ, намъ извѣстныхъ, успѣлъ съ Нижняго базара оказаться, какъ онъ выражается, „у хозяина нашей 2-ой части“, пристава Пекарскаго. Здѣсь, другіе евреи уже занесли жалобу, что солдаты „перекололи и евреевъ, и городскихъ“. Жалоба, очевидно, была признана основательною, такъ какъ, вслѣдъ за нею, мы видимъ, что Фрумкинъ разъѣзжаетъ съ Пекарскимъ по г. Минску, чтобы,— какъ говоритъ названный, „ни въ чемъ не повинный“ еврей,— испросить присылку военнаго отряда. Чрезвычайно характерно повѣствованіе объ этомъ Фрумкина на судебномъ слѣдствіи. Въ теченіе двадцати минутъ, безъ всякаго, повидимому, отношенія къ предмету своего разсказа, онъ—частью, быть можетъ, неумышленно—трижды обнаружилъ тѣ чувства, которыя еврейство питаетъ въ Минскѣ къ военнымъ. Во-первыхъ, упомянувъ о двухъ офицерахъ, видѣнныхъ имъ въ скверѣ, онъ ничего не нашелъ лучшаго, какъ сейчасъ же прибавить, что они были пьяны. Во-вторыхъ, мелькомъ, какъ бы вскользь, онъ выразился еще объ одномъ офицерѣ такъ: „пузатый полковникъ съ однимъ очкомъ“ (моноклемъ). И, наконецъ, въ-третьихъ, какъ апоѳеозъ наглости, мы услышали быстро произнесенный Фрумкинымъ еврейскій каламбуръ „*комендантъ-комедіантъ*“. Не желая отказать себѣ въ удовольствіи — *ad majorem Israeli gloriam* — позабавиться надъ гоями и въ самомъ залѣ судебного засѣданія, Фрумкинъ, съ іудейскимъ лукавствомъ, произнесъ этотъ дерзостный каламбуръ столь неожиданно и такъ быстро, что не всѣ, пожалуй, даже разслышали его. Стало быть, можно и отречься... Тѣмъ не менѣе, фактъ на лицо, — Фрумкинъ дѣйствительно осмѣлился сказать это передъ Судебною Палатою, каковое обстоятельство, по моей просьбѣ, и занесено въ протоколъ засѣданія. Понимая опасность дерзновенія Фрумкина, защита старалась смягчить его, хотя, сознаюсь, весьма неудачно. То го-

вора, что онъ выразился со словъ Пекарскаго, то извиняясь, что онъ плохо владѣеть русскимъ языкомъ, — защита впала еще и въ безвыходное противорѣчіе, и, на вредъ самой себѣ, усилила, а не смягчила фактъ. Съ другой же стороны, всѣ ея извиненія не уважительны, какъ потому, что приставъ Пекарскій здѣсь ровно ни при чемъ, такъ и въ виду того, что еврейское незнаніе русскаго языка отнюдь не помѣшало Фрумкину съ ясностью произнести оба слова: „комендантъ“ и „комедіантъ“. Но если, слѣдовательно, столь неслышанная еврейская наглость по отношенію къ гг. офицерамъ была проявлена однимъ изъ сыновъ Иуды — даже въ судебномъ засѣданіи и при томъ *со скандаломъ подсудимыхъ*, то каково же было поведеніе еврейскихъ массъ на Нижнемъ базарѣ, противъ одиночныхъ и беззащитныхъ нижнихъ чиновъ!?

4) Какъ бы, однако, ни былъ безстыденъ тотъ или другой изъ названныхъ сейчасъ трехъ подсудимыхъ, ихъ дѣйствія сравнительно невинны передъ тѣмъ, на что посягнулъ отецъ подсудимаго *Сруля Губича*, Ааронъ Губичъ. Свидѣтели Кушнеръ, Гусевъ и Станишевскій, *какъ очевидцы*, избличаютъ Сруля Губича въ томъ, что онъ билъ солдатъ перваго Коломенскаго патруля палкою, при чемъ Гусевъ удостовѣряетъ, что палка была *железная*, а Станишевскій, — что Губичъ успѣлъ ее скрыть, кому-то передавъ при арестѣ. *Сруль Губичъ задержанъ на мѣстѣ преступленія и съ поличнымъ въ рукахъ*. Участіе его представляется несомнѣннымъ еще и потому, что онъ оказался раненымъ прикладомъ ружья. Пренебрегая всѣмъ изложеннымъ, въ маѣ 1897 года, — одновременно прокурору минскаго Окружнаго Суда и судебному слѣдователю 2-го участка города Минска, — Ааронъ Губичъ подалъ находящееся при дѣлѣ прошеніе, по своей злостности прямо невѣроятное. Ссылаясь на то, что сынъ его, какъ обвиняемый въ тяжкомъ преступленіи по 269¹ и 286¹ стт. Улож. о нак. и содержащійся подъ стражею, не имѣетъ возможности самъ разъяснить ходъ событій, Ааронъ Губичъ, въ прошеніи, заявилъ слѣдующее.

Будучи заинтересованъ судьбою сына и *собирая свѣдѣнія по этому дѣлу*, онъ дескать узналъ, что самое важное изъ вещественныхъ доказательствъ, а именно ружье рядового Цвирко, *подмѣнено*. Ружье № 126112, доставленное къ слѣдствію, какъ яко бы находившееся 15 апрѣля на Нижнемъ базарѣ, въ рукахъ патрульнаго Цвирко, на самомъ дѣлѣ тамъ не было и быть не могло, ибо принадлежитъ не ему, а рядовому Нефеду Иванову, который 15 апрѣля былъ въ швальнѣ, а не въ патрулѣ, и поступилъ

въ роту лишь 15 мая. Рядовому же Цвирко принадлежит ружье за № 125693, а не за № 126112. Кроме того, ружье № 126112 отослано судебному слѣдователю не въ томъ видѣ, какъ оно было.

Къ стволу этого ружья приставлено ложе отъ ружья № 126238, принадлежащаго рядовому Марку Богданову, который также въ патруль не участвовалъ, а если ложе его ружья и было поломано, то во всякомъ случаѣ не 15 апрѣля. Взамѣнъ же этого ложа, къ ружью Богданова приставлено другое—исправное ложе отъ ружья Нефеда Иванова за № 126112. По чьему распоряженію сдѣланъ подмѣнъ, Аарону Губичу неизвѣстно, но что онъ совершенъ, это несомнѣнно. А такъ какъ для лицъ, допустившихъ подмѣнъ, хотя бы и по неосмотрительности, обнаруженіе онаго вызоветъ непріятности, то легко можетъ послѣдовать принятіе мѣръ къ затрудненію въ обнаруженіи подмѣна. Посему разслѣдованіе о подмѣнѣ необходимо произвести внезапно,—безъ всякаго промедленія, говоритъ Ааронъ Губичъ, и о такомъ разслѣдованіи ходатайствуетъ.

Какова бы, однако, ни была неправда и на что бы ни посягало еврейское дерзновеніе, правосудію ничего не оставалось, какъ приступить къ разслѣдованію.

Въ результатѣ обнаружилось, что:

Во-1), ружье № 126112 дѣйствительно принадлежитъ Нефеду Иванову, а не Цвирко, при чемъ въ книжкѣ Иванова, по ошибкѣ, записанъ № 126212, какового № ружья въ Коломенскомъ полку вовсе не имѣется, что явствуетъ изъ представленнаго мною Судебной Палатѣ списка №№ ружей полка.

Во-2), 15 апрѣля 1897 года, при снаряженіи патруля, Цвирко, вмѣсто принадлежащаго ему ружья, второпяхъ, взялъ ружье Нефеда Иванова за № 126112, каковое ружье и было у него, Цвирко, въ рукахъ во все время нахождения его въ рядахъ патруля, подъ командою подпоручика Галлашека; эти обстоятельства удостовѣрены показаніями командира патруля и рядовыхъ Иванова и Цвирко.

Въ-3), именно ружье за № 126112,—какъ засвидѣтельствовали подъ присягою самъ Цвирко и подпоручикъ Галлашекъ,—было перебито 15 апрѣля евреемъ, черезъ ударъ по ружью коломъ, при чемъ Цвирко получилъ сильный ушибъ въ руку.

И въ-4), судебнымъ осмотромъ и экспертизою 8 іюня 1897 г. установлено слѣдующее: „Въ винтовкѣ № 126112, оружейнаго завода Шатльро, 1893 г., ложе ружья, орѣховаго дерева, поло-

мано въ мѣстѣ соединенія магазинной и ствольной коробокъ, т.-е. въ шейкѣ ложа, такъ что прикладъ ружья отдѣлился отъ остальной части ложа; стальная планка или личинка подъ шейкою въ двухъ мѣстахъ сломана и тоже отдѣлена отъ остальной части ружья; мѣста излома довольно свѣжи, такъ что еще блестятъ; при соединеніи приклада съ остальною частью ложа, изломанныя мѣста вполне сходятся въ своихъ зазубринахъ, составляя одно ложе, — недостаетъ только меньшаго куска шейки ложа; на ружьѣ, какъ на ствольной коробкѣ, такъ на штыкѣ, на затворѣ, на магазинной коробкѣ и на затылкѣ, т.-е. на желѣзной части въ толстомъ концѣ приклада, оттиснутъ одинъ и тотъ же № ружья „126112“; *затылокъ, т.-е. желѣзная часть приклада ложа, прочно прикрѣпленъ къ прикладу двумя желѣзными шурупами или винтами и не тронутъ съ того времени, какъ сдѣлано ружье на заводѣ, — что замѣтно по окраскѣ, ржавчинѣ и по смазкѣ въ мѣстахъ соединенія или прикрѣпленія затылка и шуруповъ (винтовъ); на стволѣ ружья, на дульной его части, имѣется, величиною въ четверть дюйма, свѣжая „побоина“, т.-е. вдавленна отъ удара какимъ-нибудь твердымъ, напримѣръ, желѣзнымъ предметомъ“.*

Такимъ образомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ружье № 126112 было переломано въ рукахъ рядового Цвирко, именно когда онъ состоялъ въ патрулѣ 15 апрѣля 1897 года, и что обѣ половины ружья, находящіяся передъ Судебною Палатою среди вещественныхъ доказательствъ, принадлежатъ не къ двумъ различнымъ ружьямъ, а къ одному и тому же ружью — № 126112.

Стало быть, очевидно, что Ааронъ Губичъ подалъ прокурору и судебному слѣдователю ложный доносъ. Но если этотъ доносъ ложенъ, то какова же должна быть дерзость, чтобы подать его?... И какъ, спрашивается, могъ какой-нибудь Ааронъ Губичъ добыть свѣдѣнія о №№ ружей Коломенскаго полка? Командиръ Коломенскаго полка, полковникъ Бестужевъ, разъяснилъ вопросъ. Оказывается, что въ IX ротѣ полка, къ которой принадлежатъ рядовые Цвирко, Ивановъ и Богдановъ, ротнымъ писаремъ былъ *еврей*. Этого достаточно. Возможно ли, и послѣ этого, закрывать глаза предъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ всего кагала!... Означенный сынъ Іуды не зналъ только одного, — что затылокъ, т.-е. желѣзная часть приклада ложа, не отвинчивается безъ исключительной надобности и что уже одинъ такой фактъ ниспровергаетъ всю махинацію еврейской клеветы.

Въ виду всего изложеннаго, если до сихъ поръ мы оболъщали себя надеждою, что наглость и безстыдство евреевъ, столь неподражаемо разоблаченныя предъ цивилизованнымъ міромъ по дѣлу Дрейфуса, мыслимы только во Франціи, то въ настоящее время мы уже не имѣемъ права заблуждаться. Во Франціи, „угнетенные“ израильтяне обвиняли два состава военныхъ судовъ въ завѣдомо ложномъ осужденіи „невиннаго“ Дрейфуса и въ такомъ же оправданіи „виновнаго“ Эстергази, при чемъ важнѣйшую роль играло пресловутое, яко бы подложное бордеро... У насъ, въ Россіи, одинъ еврей, — другіе члены кагала, его единомышленники, пожелали остаться неизвѣстными, — осмѣлился утверждать, что въ военномъ вѣдомствѣ совершенъ подмѣнъ важнѣйшаго по дѣлу вещественнаго доказательства, разумѣется, также для осужденія „невинныхъ“, то есть... Сруля Губича, Абрама Каплана, Эльи Кугеля *et consortes*.

Не будемъ же завидовать французамъ, что у насъ еще нѣтъ своего Золя. Онъ не заставитъ себя долго ждать...

Для полноты впечатлѣнія, остается развѣ замѣтить, что присяжный повѣренный Мироновъ неотступно допрашивалъ злополучнаго Цвирку о томъ, — какъ, да когда именно, да съ которой стороны напалъ на него тотъ еврей, который перебилъ у него ружье? Замѣчаніе одного изъ патрульныхъ, что имъ впору было только отбиваться отъ жидовъ, не убѣждаетъ г. Миронова. Онъ сомнѣвается въ самомъ фактѣ разбитія ружья, иначе, дескать, Цвирко получилъ бы не такое поврежденіе руки... Тѣмъ не менѣе, я долженъ отдать справедливость Цвиркѣ. Онъ хорошо выдержалъ беспощадный экзамень, которому его подвергъ такъ нѣжно заботившійся объ Иоселевомъ „кабачкѣ“ г. Мироновъ, и весьма просто объяснилъ, что, во-первыхъ, если бы онъ могъ предвидѣть, откуда выскочитъ на него жидъ изъ толпы, онъ не далъ бы переломить своего ружья, а во-вторыхъ, ударъ, полученный имъ въ руку, былъ настолько силенъ, что кровоподтеки оставались не малое время.

Размышляя надъ этими печальными сомнѣніями защиты, я не могу не удивляться слѣдующему. Ради чего же, съ такою единодушною энергіей своихъ представителей, она возражала на судебномъ слѣдствіи противъ моего ходатайства предъ Палатою о разрѣшеніи ссылаться на прошеніе Аарона Губича?

Если защита дѣйствительно усматриваетъ въ этомъ прошеніи что-либо для себя полезное, то на какомъ основаніи, возражая

мнѣ, она именовала автора прошенія (отца подсудимаго Сруля Губича) *постороннимъ* для дѣла лицомъ, о самомъ же прошеніи утверждала, что оно не относится къ числу тѣхъ письменныхъ доказательствъ, которыя законъ разрѣшаетъ читать на судѣ? Развѣ эти, безусловно неумѣстныя съ точки зрѣнія самой же защиты, возраженія могли повредить моей просьбѣ? Развѣ не ясно, какъ день, что, — оставаясь даже на формальной почвѣ и въ узкихъ предѣлахъ гражданскаго иска, — мнѣ все-таки нельзя было отказать въ разъясненіи такого вопроса о подмѣнѣ ружья, которымъ обуславливается самый размѣръ моихъ исковыхъ требованій?!....

А если, наоборотъ, предрзостный доносъ Аарона Губича является отвратительнымъ и въ сознаніи защиты, то съ какою цѣлью и при томъ такъ долго испытывали совершенно не опытнаго въ ябедническихъ изворотахъ Цвирку, зачѣмъ понапрасну утруждали правосудіе?!..

Посему нельзя, я думаю, не придти къ заключенію, что, въ началѣ, и сама защита понимала необходимость уберечься отъ разоблаченія лживости доноса Аарона Губича; впоследствии же, — *faute de mieux* — она рѣшилась испытать методъ сомнѣній, явно противныхъ справедливости и тѣмъ болѣе прискорбныхъ, что, будучи непригодны ни на что иное, они могутъ лишь стать пищею и безъ того заслуживающему образцовой кары еврейскому дерзновенію...

Здѣсь, мнѣ опять приходится на умъ прозорливое предостереженіе, данное уже Цицерономъ, все по тому же дѣлу Флакка:

„*Stantibus Hierosolymis, pacatisque Judaeis, tamen istorum religio sacrorum a splendore hujus imperii, gravitate nominis nostri, majorum institutis abhorrebat; nunc vero, hoc magis, quod illa gens, quid de imperio nostro sentiret, ostendit armis; quam cara diis immortalibus esset, docuit, quod est victa, quod elocata, quod servata!*...“ *)

---

*) „Еще когда Иерусалимъ былъ независимъ и евреи находились въ мирѣ съ нами, ихъ обряды и церемоніи были мало достойны блеска нашей державы, величія нашего имени и учреждений нашихъ предковъ. Насколько же они стали невыносимѣе теперь, когда это племя, поднявъ противъ насъ оружіе, раскрыло свои истинные чувства въ отношеніи республики и когда, благодаря милости безсмертныхъ боговъ, мы его проучили, побѣдивъ его, изгнавъ изъ отечества и обративъ въ рабство?!..“

Резюмируя все, такимъ образомъ по дѣлу установленное, необходимо прійти къ слѣдующимъ, надѣюсь, доказаннымъ выводамъ:

I. Изъ нѣсколькихъ версіѣ о ближайшемъ поводѣ къ нападенію евреевъ на нижнихъ чиновъ минскаго гарнизона, отпущенныхъ на праздникъ изъ казармъ 15 апрѣля 1897 года, единственно достовѣрною является оскорбленіе, нанесенное солдату тѣмъ, что, изъ національной и религіозной ненависти, *еврей плюнулъ въ него.*

II. Но этотъ поводъ, самъ по себѣ, еще не могъ бы послужить источникомъ всего дальнѣйшаго, если бы въ средѣ минскаго еврейства,—по его племеннымъ особенностямъ вообще и по мѣстнымъ его условіямъ въ частности,—не имѣлось вѣковой подготовки для общаго, при удобномъ случаѣ, нападенія еврейскихъ массъ на христіанъ. Ставъ, при этихъ обстоятельствахъ, зажигательною искрой, плевокъ еврея быстро разросся въ то страшное озлобленіе и въ ту ярость отовсюду сбѣжавшихся еврейскихъ шаекъ, какія всегда являются ихъ первою отличительною чертою, но которыя, безъ всякаго сомнѣнія, не могли быть вызваны столь ничтожною для нихъ причиною, какъ на-примѣръ, *кража двухъ булокъ* или же какъ *пьяный видъ одного изъ нижнихъ чиновъ.*

III. Что все дальнѣйшее было логическимъ развитіемъ *племенной ненависти* евреевъ и что событія 15 апрѣля дѣйствительно носили характеръ движенія анти-христіанскаго, а не какого-либо иного, тому показателями служатъ основныя черты іудейскаго племени, какъ онѣ раскрыты его исторіею и какъ онѣ обнаружилась въ данномъ случаѣ, а именно: во 1) *внезапность дѣйствія массами, кагаломъ*, при чемъ, съ одной стороны, къ толпѣ нападающихъ присоединились другія, *даже не справляясь о цѣли и причинѣ нападенія*, а съ другой стороны, также повидимому безъ предварительнаго соглашенія, тѣмъ же *нападающимъ оказывалась поддержка камнями, помоями, палками и кирпичкомъ съ дворовъ и изъ оконъ, съ крышъ и съ балконовъ*; во 2) нападеніе шло не на однихъ солдатъ, а и на *всѣхъ христіанъ*, какихъ только успѣвало настигнуть еврейское скопище; въ 3) *хитрость, жестокость и трусливость* нападавшихъ; въ 4) *обдуманность, пронырливость и послѣдовательность* нападенія, одновременно въ разныхъ мѣстахъ и при томъ съ явнымъ расчетомъ на *безнаказанность*—били сзади и по головѣ; въ 5) *подкупъ*

свидѣтелей — при участіи нѣсколькихъ, для этой цѣли ненужныхъ, даже мало знакомыхъ другъ съ другомъ евреевъ, и въ 6) *фанатическая дерзновенность* какъ еврейскихъ скопищъ, такъ равно и отдѣльныхъ сыновъ Іуды, доходившая до нападенія на вооруженные патрули и до ложнаго доноса о подмѣнѣ вещественныхъ доказательствъ—съ цѣлью въ одно и то же время унизить врага и выручить тѣхъ членовъ кагала, которые, будучи пойманы на мѣстѣ преступленія, казалось бы не должны были имѣть уже никакой надежды.

и IV. Факты, раскрытые слѣдствіемъ по отношенію къ соучаствію тѣхъ или иныхъ обвиняемыхъ, исключаютъ предположеніе о какихъ бы то ни было *личныхъ* у нихъ разчетахъ съ потерпѣвшими. Стало быть, въ событіяхъ 15 апрѣля основнымъ двигателемъ являлся никакъ не интересъ отдѣльныхъ евреевъ, а *племенная злоба* всего еврейства. Независимо отъ сего, факты убѣждаютъ и въ томъ, что, вопреки лукавымъ еврейскимъ попыткамъ свести все на драку, событія 15 апрѣля, въ дѣйствительности, являлись избіеніемъ застигнутыхъ еврейскими скопищами одиночныхъ христіанъ и разъяреннымъ преградю нападеніемъ тѣхъ же скопищъ на защищавшіе христіанъ патрули.

II. Отрицательная сторона вопроса. Изслѣдованіе и устраненіе доводовъ защиты, не опровергнутыхъ ранѣе.

Переходя отъ законченной, такимъ образомъ, положительной части моихъ объясненій предъ Судебною Палатою къ ихъ *отрицательной* части, т.-е. къ указанію вѣроятнѣйшихъ доводовъ защиты, а затѣмъ и къ рѣшительному опроверженію таковыхъ, я обязанъ, прежде всего, замѣтить, что, какъ Палата соизволила убѣдиться, наиболѣе существенные элементы означенныхъ доводовъ, для полноты изслѣдованія, уже были рассмотрѣны мною въ связи съ основаніями къ обвиненію подсудимыхъ по 269¹ и 286¹ ст. Улож. и, какъ я думаю, основательно устранены. Посему, въ настоящемъ отдѣлѣ своей рѣчи, я постараюсь ограничиться лишь нѣкоторыми дополнительными соображеніями.

Система доводовъ защиты, по отдѣламъ развиваемой ею проблемы, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

A. Распредѣляя весь ходъ *обыденной*, по ея словамъ, „пья-

ной исторіи“, защита дѣлить ихъ на двѣ „драки“ евреевъ—съ первымъ и со вторымъ Коломенскими патрулями, а затѣмъ указываетъ на то, что Серпуховской и артиллерійскій патрули, какъ сами не дравшіеся, не подвергались и нападенію.

По этому отдѣлу соображеній, кромѣ всего изложеннаго выше, необходимо принять во вниманіе, съ одной стороны, что: а) самая ссылка на „драку“ появилась впервые лишь на судебномъ слѣдствіи и при томъ—изъ устъ защиты, а не со стороны подсудимыхъ или же ихъ свидѣтелей; наоборотъ, раньше никто изъ евреевъ отнюдь не заявлялъ жалобы на „драку“ солдатъ,—фактъ, котораго нельзя мотивировать, какъ это дѣлаетъ защита, одною боязнью быть невинно привлеченнымъ къ настоящему дѣлу, ибо если, съ еврейской точки зрѣнія, эта боязнь еще и могла имѣть мѣсто на предварительномъ слѣдствіи, то она ничѣмъ не оправдывается въ настоящее время; б) не смотря на самые энергичные розыски, безъ сомнѣнія сдѣланные кагаломъ, до сихъ поръ обнаружено всего 4 или 5 легко побитыхъ евреевъ,—цифра очевидно негодная для доказательства „драки“, и, наоборотъ, вполне соответствующая понятію о случайности ушибовъ для 4—5 сыновъ Іуды изъ двадцати-тысячной еврейской толпы, преслѣдовавшей христіанъ; в) даже подсудимыми не оспаривается тотъ доказанный по дѣлу фактъ, что израненные и окровавленные солдаты были уведены въ часть *именно для спасенія ихъ отъ евреевъ*, а отнюдь не потому, чтобы они кѣмъ-либо обвинялись въ „дракѣ“; — самъ приставъ Пекарскій призналъ предъ Судебною Палатою, что эти солдаты не были арестованы за какую-либо вину; г) не только не существуетъ ни одного указанія на то, чтобы кто нибудь изъ христіанъ, или нижнихъ чиновъ какого-либо изъ патрулей Коломенскаго полка ударилъ еврея первый или же ударилъ безъ всякой причины, а напротивъ имѣются разностороннія доказательства того, что нападеніе на отпускныхъ солдатъ, на отдѣльныхъ христіанъ и, въ заключеніе, на оба патруля было затѣяно и совершалось далѣе именно евреями,—чины же патрулей только защищались, — въ состояніи необходимой обороны и только одними прикладами; д) настаивая на „дракѣ“, защита тѣмъ самымъ признаетъ и фактъ нападенія евреевъ на военные патрули, ибо *de jure* „драки“ съ патрулями быть не можетъ; такое нападеніе не есть драка, а сопротивленіе военному караулу, исполняющему гарнизонную службу; будучи же, въ существѣ, не только признано, а утверж-

даемо защитой, означенное нападеніе является достаточнымъ основаніемъ къ признанію подсудимыхъ виновными по 3 ч. ст. 286¹ Улож. о наказ.; и е) отсутствіе какого бы то ни было иного повода, кромѣ племенной, талмудической ненависти къ христіанамъ, для тѣхъ дѣяній, которыя были совершены еврейскими скопищами 15 апрѣля 1897 г. въ Минскѣ, устанавливаетъ справедливость примѣненія къ виновнымъ и 1 ч. ст. 269¹ Улож. о нак., независимо отъ примѣненія къ нимъ 3 ч. ст. 286¹ того же Уложения.

Съ другой стороны, въ сферѣ настоящаго отдѣла мотивовъ защиты, надлежитъ принять къ свѣдѣнію, что:

во-первыхъ, зная, что, — по тѣмъ или инымъ, съ точностью не обнаруженнымъ причинамъ, — личный составъ Серпуховскаго патруля, т.-е. Лошкинъ, Дыровъ и Георгіевъ, уклонился отъ изложенія предъ Судебною Палатою весьма важнаго событія, о которомъ онъ свидѣтельствовалъ предъ судебнымъ слѣдователемъ въ качествѣ очевидца, мы не имѣемъ разумнаго повода обосновываться на показанія тѣхъ же Лошкина, Дырова и Георгіева и по вопросу о томъ, — было или не было совершено на нихъ нападеніе евреями; вотъ почему указаніе защиты, что на нихъ не было нападенія, представляется лишеннымъ фактической почвы;

во-вторыхъ, — изъ многихъ другихъ обстоятельствъ дѣла мы положительно знаемъ, что еврейскія толпы нападали не только на пѣхотныхъ, но и на артиллерійскихъ нижнихъ чиновъ, при чемъ, какъ извѣстно, нахальство евреевъ доходило до намѣренія ворваться въ самый дворъ артиллерійскихъ казармъ; кромѣ того, въ дѣлѣ (т. I л. 192) есть даже рапортъ о томъ, что еврейскому нападенію, между прочимъ, подвергались артиллерійскіе рядовые: Богдановъ, Егоровъ, Павловъ и Капустинъ;

въ-четвертыхъ, — среди указанныхъ данныхъ, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы и артиллерійскій патруль, въ свою очередь, не подвергся нападенію евреевъ. А если, — по чувству брезгливости къ подобному нападенію или же по особой воинской ревности къ своему достоинству, — со стороны артиллеристовъ ничего не было заявлено судебной власти, то и это никому не можетъ быть поставлено въ вину. Не слѣдуетъ забывать также, что у *артиллерійскаго* патруля не было и не могло быть поврежденія ружей, какъ у пѣхотнаго Коломенскаго патруля, — при чемъ уже одинъ этотъ фактъ исключалъ возмож-

ность не обращаться къ судебной власти, — и что, вмѣстѣ съ симъ, артиллерійскій патруль изъ 35 или даже изъ 18 чело-вѣкъ, безъ сомнѣнія, не могъ испытать того, что, напримѣръ, перенесли *трое* чиновъ перваго Коломенскаго патруля (Левченко, Заикинъ и Гусевъ).

Такимъ образомъ, возбужденіе настоящаго дѣла, обуслов-ленное хотя и глубоко прискорбною, но крайнею необходимо-стью, отнюдь не можетъ быть истолковываемо еврействомъ или его сторонниками кому-либо во вредъ. Наоборотъ, безнаказан-ность евреевъ являлась бы тяжкимъ оскорбленіемъ правосудія.

Б. Второй отдѣлъ доводовъ защиты сводится къ голослов-ному отрицанію племенной ненависти евреевъ—если не вообще, то въ данномъ случаѣ. Увы, отрицаніе это явно противорѣчитъ истинѣ. О „хеврѣ“ съ участіемъ Володьки и Ермошки сказано достаточно,—нѣтъ надобности распространяться далѣе. Незави-симо отъ сего, если, со словъ Кушнера, и допустить, что какіе-то, бо-лѣе проникательные мясники-евреи предостерегали своихъ едино-племенниковъ отъ того варварства въ избіеніи солдатъ, какимъ запятнали себя нападавшія на нихъ еврейскія шайки, то и тогда возможенъ развѣ одинъ выводъ, что эти мясники отнюдь не разсматривали происходившаго, какъ простую драку. Здѣсь именно слѣдуетъ помнить, что если даже среди евреевъ на-шлись такіе, которые осмѣлились стать въ разрѣзъ съ кага-ломъ, то несомнѣнно потому, что они хорошо сознавали, на какую опасную „забаву“ онъ дерзаетъ, и, по справедливости, должны были трепетать за ея послѣдствія. Отсутствіе нападенія евреевъ на городовыхъ и Кушнера, на полицейскихъ чиновниковъ и на гг. офицеровъ, какъ уже выяснено, равнымъ образомъ не исклю-чаетъ обвиненія по ст. 269¹ Улож. Евреи прежде всего рассчиты-вали на *безпомощность* потерпѣвшихъ, а потому нападали лишь на тѣхъ, кто признать или же задержать ихъ не могъ;—на ряду съ этимъ, они ясно понимали, что за честь офицера при-дется отвѣчать головою. Ударъ, полученный отъ патрульнаго двор-никомъ Казимірскимъ, обуславливается не однимъ тѣмъ, что, по собственному сознанію Казимірскаго, онъ похожъ на еврея, а и тѣмъ, что, на дорогѣ патруля, онъ оказался съ большимъ ключомъ отъ водокачки, т.-е. съ однимъ изъ такихъ орудій въ рукахъ, которыми были вооружены многіе евреи, только что пе-редъ этимъ бросавшіеся на патрульныхъ, какъ звѣри, съ раз-ныхъ сторонъ и внезапно. Наконецъ, рана штыкомъ, будто бы

полученная однимъ изъ евреевъ, есть обстоятельство, недостаточно провѣренное, — сколько по неизвѣстности даже имени подобнаго еврея, столько и потому, что о ней было заявлено впервые лишь на судебномъ слѣдствіи, евреемъ же свидѣтелемъ. Во всякомъ случаѣ, это не имѣетъ никакого значенія для настоящаго дѣла.

В. Третій отдѣлъ защитительныхъ доводовъ построенъ на показаніяхъ полицейскихъ чиновниковъ, главнымъ же образомъ—на словахъ Бернадскаго и Освѣцискаго. Но мы уже знаемъ, каково было то „спокойствіе“, о которомъ повѣствоваль Бернадскій. Остается развѣ добавить слѣдующее. Самъ приставъ 2-ой части г. Минска, Пекарскій, предъ Судебною Палатою призналъ оплошностью свою поѣздку къ коменданту вмѣсто того, чтобы съ артиллерійскимъ патрулемъ отправиться, для водворенія порядка, на Нижній базаръ. Параллельно съ изложеннымъ, и бывшій приставъ 1-ой части г. Минска Освѣцискій, на судебномъ слѣдствіи, въ такой мѣрѣ разошелся съ истиною, что мы рѣшительно потеряли возможность обосновываться на его показаніяхъ. Независимо отъ сего, едва ли возможно отрицать, что и вообще дѣйствія полиціи, по поводу событій 15 апрѣля, оставляютъ желать многого. Нельзя, прежде всего, уразумѣть, какъ, при всѣхъ извѣстныхъ намъ условіяхъ,—даже сравнительно въ позднее время 15 апрѣля, при посѣщеніи 2-ой части поручикомъ Олешкевичемъ,—могли оказаться здѣсь, чуть ли не подъ арестомъ, 11 окровавленныхъ евреями русскихъ солдатъ и *ни одного еврея?*... Трудно понять, далѣе, какъ могло быть *собственноручно* записано приставомъ Пекарскимъ въ протоколѣ дознанія, что, по первымъ полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, на Нижнемъ базарѣ *евреи убиваютъ солдатъ*, и какъ, затѣмъ, имѣя у себя же въ части спасенныхъ отъ дальнѣйшаго избіенія евреями солдатъ, тотъ же приставъ, на слѣдствіи, могъ утверждать, что именно по первымъ его свѣдѣніямъ *солдаты были евреевъ*. Возможно ли, еще далѣе, придумать оправданіе тому, что, при столь безпримѣрныхъ обстоятельствахъ, приставъ Пекарскій, въ районѣ котораго происходили важнѣйшія изъ событій 15 апрѣля, не только не позаботился арестовать *хотя бы одного еврея* и не только самъ не находился на мѣстѣ беспорядковъ во все время до ихъ окончанія, но и артиллерійскій патруль,—присланный, по его же требованію, для прекращенія беспорядковъ,—*спряталъ* у себя на дворѣ, закрывъ даже ворота?... Для столь изумительнаго распоряженія нельзя

же, въ самомъ дѣлѣ, признать серьезнымъ мотивомъ намѣ- реніе г. Пекарскаго удалить патруль съ глазъ толпы, почти исключительно состоявшей изъ евреевъ? Да и независимо отъ этого, — по какому праву г. Пекарскій вообще *скрывалъ* артиллерійскій патруль, данный ему именно для разсѣянія скопищъ, а ужь никакъ не для исполненія той нелѣпой роли, которая на полицейскомъ дворѣ была патрулю навязана?!.. Какъ уразумѣть засимъ безсодержательность показаній пристава Пекарскаго предъ Судебною Палатою въ виду четырехъ, весьма подробныхъ протоколовъ его же допроса судебнымъ слѣдователемъ, въ связи съ его запятованіемъ теперь даже такого факта, какъ разѣзды его съ Беніаминомъ Фрумкинѣмъ, и при условіи, что, застигнутый внезапнымъ вопросомъ моимъ, самъ Фрумкинъ этихъ разѣздовъ своихъ отрицать не дерзнулъ, стараясь только придать имъ невинную цѣль? Чѣмъ, наконецъ, мотивировать такое разнорѣчіе пристава Пекарскаго, когда, съ одной стороны, онъ рѣшается назвать ошибочнымъ справедливое указаніе въ своемъ дознаніи на избіеніе солдатъ евреями, а съ другой стороны самъ же признаетъ, что озлобленіе евреевъ на солдатъ было давно замѣтно и что хотя онъ, Пекарскій, причины еврейскихъ насилій указать не можетъ, однако полагаетъ, что *„ужь слишкомъ много дано евреямъ свободы?..“*

Въ конечномъ выводѣ, если судить исключительно по показаніямъ гг. приставовъ Пекарскаго и Освѣцимскаго, равно какъ помощниковъ г. Пекарскаго, гг. Бернадскаго и Шахневича, то окажется, что не только ничего изъ происходившаго въ дѣйствительности, но и заявляемой самими же евреями „драки“ они не видѣли.

Изъ ихъ повѣствованій можно, пожалуй, заключить даже, что 15 апрѣля 1897 г. чуть ли не все въ Минскѣ обстояло благополучно... Лишь одинъ помощникъ пристава Книгга былъ очевидцемъ факта, какъ ужь не на базарѣ, а вблизи самага зданія присутственныхъ мѣстъ огромная толпа евреевъ гналась за солдатами Коломенскаго полка, швыряя въ нихъ палками и кольями, при чемъ, когда одинъ солдатъ упалъ, то бѣжавшій впереди толпы Эльга Кугель подскочилъ къ нему и сталъ бить палкой лежачаго. Г. Книгга арестовалъ Кугеля на мѣстѣ преступленія. Теперь, какъ мы знаемъ, хотя Кугель и доказываетъ свое *alibi*, но вполне безплодно. Возможно ли не поспѣвать еще разъ, что товарищи г. Книгги оставили его примѣръ безъ подражанія!?!..

Увы!... Гг. Пекарскій, Освѣцимскій и Шахневичъ отнюдь не арестовывали никого изъ евреевъ. А между тѣмъ, по удостовѣренію свидѣтеля Томашевскаго, даже нѣкоторые *евреи* возмущались, что полиція допускаетъ избивать солдатъ. Полицеймейстеру же Закалинскому, какъ онъ самъ признаетъ, минскіе жители, христіане, жаловались: „*Евреи уже начали бить солдатъ... Что же будетъ съ нами?!*“...

Въ свою очередь евреи, какъ нынѣ раскрыто внѣ всякихъ сомнѣній, сперва разбили одинъ патруль Коломенскаго полка, а потомъ сдѣлали все, отъ нихъ зависѣвшее, чтобы разбить и другой патруль того же полка. Вообще же говоря, „обыкновенная“,—по словамъ защиты,—„пьяная исторія“ была такова, что для прекращенія ея пришлось, наконецъ, двинуть цѣлыя роты отъ двухъ пѣхотныхъ полковъ и батарею. И вотъ, при столь чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, на вопросъ полковника Федорова о томъ,—что это такое происходитъ, полицеймейстеръ Закалинскій на самомъ Нижнемъ базарѣ, вечеромъ 15 апрѣля 1897 года, не затруднился отвѣтить: „*Ничего,—пустяки!*...“

Да, конечно, что же можетъ быть пустячнѣ нападенія еврейскихъ шпакъ на русскіе вооруженные патрули?!

Призванный объяснить эти слова предъ Судебною Палатою, г. Закалинскій заявилъ, что это ужъ такая у него поговорка, дабы не волновать людей. Хороша ли поговорка г. Закалинскаго вообще, я судить не берусь, но думаю, что она едва ли была умѣстна, какъ отвѣтъ на вопросъ только что возвратившагося отъ окровавленныхъ евреями солдатъ полковника Федорова, — командира Серпуховскаго полка и начальника той самой бригады, въ которую входитъ Коломенскій полкъ, а стало быть и патруль подпоручика Галлашека...

Таково положеніе вещей.

Исполнивъ свой долгъ по мѣрѣ силъ, я заканчиваю свою рѣчь. Сохраняю твердое убѣжденіе въ томъ, что обвиненіе, предъявленное къ подсудимымъ по 1 ч. 269¹ и 3 ч. 286¹ ст. Улож. о наказ., доказано. Протоколами же осмотра и экспертизою установленъ самый размѣръ убытковъ, причиненныхъ обвиняемыми черезъ поврежденіе девяти ружей второго Коломенскаго патруля. Въ виду нынѣшняго состоянія этихъ ружей, искъ полка, строго говоря, долженъ бы простираться на большую сумму, чѣмъ 20 рублей 9 коп., какъ онъ былъ заявленъ на предварительномъ слѣдствіи. Въ этой же суммѣ онъ совершенно безспоренъ,—

и я ходатайствую предъ Палатой о присужденіи его въ этомъ размѣрѣ.

Вѣрую, что, послѣ тѣхъ страданій, которыя имъ довелось вынести отъ евреевъ, нижніе чины, какъ и вообще потерпѣвшіе въ этомъ дѣлѣ христіане, найдутъ въ вашемъ приговорѣ, гг. судьи, справедливое удовлетвореніе. Всякому человѣку свойственно сознаніе правды. Всякій жаждетъ ея въ глубинѣ души своей. И нѣтъ выше горя, нѣтъ муки невыносимѣе, какъ злорадство врага, остающагося безнаказаннымъ.

Не позабудемъ же, въ этотъ величественный моментъ, о страшной картинѣ избіенія кагаломъ ефрейтора Левченко... Припомнимъ, что безжалостные запѣвалы „хевры“, избивавшіе его, лежачаго, желѣзными палками по головѣ, и до сихъ поръ еще не испытали возмездія... Твердо сознаемъ, что какъ Левченко, такъ и всѣ прочія жертвы еврейской ненависти, съ душевнымъ трепетомъ и горестною мольбою, ждуть правосудія—не для однихъ себя...

Если понынѣ успѣли зажить раны физическія, то душевныя раны, нанесенныя евреями русскимъ людямъ въ г. Минскѣ, далеко не закрылись. Сегодня такой печали необходимо положить конецъ.

Приговоромъ Палаты будетъ торжественно засвидѣтельствовано, что беззавѣтное уваженіе къ закону встрѣчаетъ тѣмъ болѣе могучую защиту, чѣмъ невыносимѣе были слезы обиды, пролитыя во имя его.

Но въ этомъ только одна сторона вопроса. Другая, быть можетъ, важнѣйшая его сторона заключается въ самомъ характерѣ настоящаго дѣла. Безпримѣрное по существу, оно глубоко знаменательно и по своему общественному значенію. Не мы одни, а вся Россія прислушивается къ вердикту Судебной Палаты. Уповаемъ незыблемо, что въ немъ будетъ начертана правда, какъ бы сурова она ни была.

Гг. судьи и гг. сословные представители! Вы знаете евреевъ—вы не можете не знать ихъ. 15 апрѣля прошлаго года,—именно въ дни величайшаго изъ христіанскихъ праздниковъ,—минское еврейство рѣшило „позабавиться“ надъ христіанами. И если эта свирѣпая, предательская забава такъ удалась, то лишь въслѣдствіе нашего же собственнаго междоусобія.

Нѣтъ и никогда не будетъ другой причины тѣхъ потрясающихъ испытаній и тѣхъ лютыхъ скорбей, которыми сыны Іуды одѣляютъ насъ такою щедрою рукою. Усвоимъ же себѣ и не ста-

немъ никогда забывать той простѣйшей истины, что „когда христіане скребутъ другъ друга когтями, то евреи пишутъ къ этому музыку!“.

„Wenn die Christen miteinander raufen,
Machen die Juden die Musik dazu!..“ *)

Вслѣдъ за изложенною рѣчью, защита, — въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ П. Г. Миронова, А. Н. Турчанинова и А. В. Любарскаго, — старалась, какъ сказано выше, въ своихъ рѣчахъ, доказать невинность всѣхъ подсудимыхъ.

Стороны, кромѣ представителя обвинительной власти, обмѣнялись рѣчами еще разъ.

Судебная Палата, послѣ 4½ часовъ совѣщанія, постановила резолюцію, а засимъ, въ узаконенный срокъ, объявила и слѣдующій приговоръ.

ПРИГОВОРЪ.

1898 года марта 18—22-го дня, по Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Виленская Судебная Палата, по Уголовному Департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, въ которомъ присутствовали:

Старшій Предсѣдатель Л. И. Карновичъ; Члены Палаты: П. Ѳ. Кобеко, Н. Д. Побѣдоносцевъ, Я. Я. Прокоповичъ; Сословные Представители: минскій губернский предводитель дворянства А. Г. Ратьковъ - Рожновъ, минскій городской голова графъ К. Э. Чапскій и ивенецкій волостной старшина Ф. Карницкій; Товарищъ Прокурора А. А. Дейша и и. д. помощ. секретаря Н. П.

*) Чтобы составить себѣ понятие о томъ, до какой степени еврейскіе корреспонденты извращали настоящее дѣло, а въ частности и эту рѣчь, въ своихъ яко бы „судебныхъ отчетахъ“, довольно замѣтить, что, вмѣсто указанной выше, дальновидной и остроумной поговорки, А. С. Шамаковъ, по этимъ, — съ позволенія сказать, — отчетамъ, будто бы закончилъ свою рѣчь такимъ еврейскимъ изобрѣтеніемъ:

Wenn die Christen mit den Juden jauchzen,
Machen die Christen die Musik dazu.

Т.-е., когда христіане ликуютъ съ евреями, то христіане пишутъ къ этому музыку...

Чернявскій, *слушала*: дѣло о мѣщанахъ минской губерніи: гор. Минска — Сроль Ароновъ *Губичъ*, Юдель Абрамовъ *Румановъ*, Абрамъ и Беніаминъ Мовшевыхъ *Фрумкиныхъ*, Иосель Ицковъ и Абрамъ Михелевъ *Капланахъ*, Эліи Мовшевъ *Фишкинъ*, Евель Янкелевъ *Гоберманъ* и Эліи Абрамовъ *Кугельъ*, мѣстечка Докшиць — Мордухъ Янкелевъ *Фейманъ*, гор. Игумена — Мовшъ Эльевъ *Котинъ*, гор. Слуцка — Израилъ Лейбовъ *Сеглинъ*, мѣстечка Столпецъ — Шахнъ Нафталіевъ *Арончикъ* и мѣстечка Самохваловичъ — Ирмъ-Залманъ Ліокумовъ *Кадышъ*, обвиняемыхъ въ учиненіи скопищемъ и соединенными силами насилія надъ воинскими чинами и другими лицами христіанскаго исповѣданія.

Опредѣленіемъ Судебной Палаты, состоявшимся 16 октября 1897 года, суду ея, Палаты, при участіи сословныхъ представителей, преданы были мѣщане: Сроль Ароновъ Губичъ, Мовша Эльевъ Котинъ, Мордухъ Янкелевъ Фейманъ, Израиль Лейбовъ Сеглинъ, Шахна Нафталіевъ Арончикъ, Ирма-Залманъ Ліокумовъ Кадышъ, Юдель Абрамовъ Румановъ, Абрамъ Мовшевъ Фрумкинъ, Иосель Ицковъ Капланъ, Элья Мовшевъ Фишкинъ, Евель Михелевъ Гоберманъ, Элья Абрамовъ Кугель, Абрамъ Михелевъ Капланъ и Беніаминъ Мовшевъ Фрумкинъ по обвиненію въ томъ, что, питая вражду къ воинскимъ чинамъ, и вообще къ христіанскому населенію, приняли участіе въ публичномъ скопищѣ, учинившемъ 15 апрѣля 1897 г., въ г. Минскѣ, на „Нижнемъ Базарѣ“ и прилегающихъ къ этому базару частямъ города, соединенными силами, насилія надъ означенными воинскими чинами и другими лицами христіанскихъ исповѣданій и оказавшемъ, также соединенными силами, противодѣйствіе вооруженнымъ патрулямъ отъ 119-го Коломенскаго и 120-го Серпуховскаго пѣхотныхъ полковъ, призваннымъ для огражденія подвергшихся насилію воинскихъ чиновъ, т.е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 269¹ ст. Улож. о наказ.

Выслушавъ въ судебномъ засѣданіи по настоящему дѣлу объясненія подсудимыхъ и показанія свидѣтелей, а также пренія сторонъ, и рассмотрѣвъ какъ тѣ протоколы и документы, на которые сторонамъ предоставлено было ссылаться, такъ и тѣ, которые были въ настоящемъ засѣданіи представлены однимъ изъ повѣренныхъ гражданскаго истца, Судебная Палата находитъ, что основаніемъ къ преданію суду всѣхъ наличныхъ подсудимыхъ въ совершеніи преступленія, предусмотрѣннаго именно

приведенною выше 269¹ ст. Улож. о нак., по продолженію 1895 г., послужили: прежде всего, особенный характер событія 15 апрѣля 1897 г., выразившійся, по показаніямъ многихъ свидѣтелей, съ одной стороны, въ томъ, что въ насиліяхъ противъ нижнихъ чиновъ 119-го Коломенскаго и 120-го Серпуховскаго пѣхотныхъ полковъ, находившихся на „Нижнемъ Базарѣ“ и окружающихъ его мѣстностяхъ въ количествѣ лишь нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, принимала участіе огромная толпа евреевъ, состоявшая изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, а съ другой,—въ особенныхъ озлобленіи и жестокости, съ которыми эта толпа нападала на беззащитныхъ солдатъ и наносила имъ камнями, желѣзными палками и другими орудіями побои въ то время, какъ изъ домовъ, тѣхъ же солдатъ обливали кипяткомъ. По выраженію свидѣтеля Хмѣлевскаго, евреи мучили и били солдатъ такъ, какъ „Исуса Христа“. Подобный характеръ нападенія евреевъ на нижнихъ воинскихъ чиновъ, по мнѣнію представителя обвиненія на судѣ, не могъ явиться результатомъ обыкновенной ссоры и драки между нѣсколькими лицами—евреями и солдатами—на базарѣ, а долженъ быть объясненъ лишь тою племенною и религіозною враждою, которая существуетъ у евреевъ по отношенію къ воинскимъ чинамъ и христіанамъ вообще и для проявленія которой въ вышеозначенномъ видѣ достаточно было, въ качествѣ предлога, и обыкновенной базарной драки между солдатами и евреями. Кромѣ того, изъ спрошенныхъ на судѣ объ отношеніяхъ евреевъ къ христіанамъ вообще и къ воинскимъ чинамъ, въ частности, свидѣтели показали:

1. Полицеймейстеръ Закалинскій, что враждебность евреевъ къ христіанамъ всегда существовала и выражалась въ томъ, что евреи слишкомъ нахальны въ обращеніи съ христіанами, неуступчивы и дерзки, особенно когда численный перевѣсъ на ихъ сторонѣ.

2. Командиръ Серпуховскаго полка, полковникъ Федоровъ, указывая также на враждебныя отношенія евреевъ къ военнымъ, объяснилъ, что онъ прежде служилъ въ Варшавѣ, и, сравнивая живущихъ тамъ евреевъ съ минскими евреями, находитъ, что послѣдніе относятся къ военнымъ гораздо хуже чѣмъ евреи, живущіе въ Варшавѣ. Въ Минскѣ, евреи настолько нахальны и дерзки, что даже на парадахъ и ученьяхъ не стѣсняются проходить черезъ фронтъ—„лѣзутъ и мѣшаютъ“; кромѣ того, они, вопреки закона, устраиваютъ „тайныя“ кухни для солдатъ —

евреевъ, которые поэтому избѣгаютъ ѣсть изъ общаго котла. На улицѣ, евреи никогда не уступятъ дороги, а въ еврейскіе праздники по улицамъ и совсѣмъ даже ходить нельзя.

3. Командиръ Коломенскаго полка, полковникъ Бестужевъ,— что евреи вообще очень дерзки и относятся безъ должнаго уваженія къ солдатамъ, которые всегда ведутъ себя очень „деликатно“. Свидѣтелю извѣстны случаи, что одного солдата проходившій еврей столкнулъ съ тротуара, а съ другими солдатами еврей грубо обращались въ лавкѣ.

4. Приставъ 2 части Пекарскій,— что недоразумѣнія между солдатами и евреями происходили ранѣе; бывали часто драки, въ которыхъ принимали участіе иногда человекъ по десяти, изъ за неуступчивости другъ другу и вслѣдствіе того, что евреи иногда слишкомъ дерзко вели себя по отношенію къ христіанамъ; но „иного озлобленія“ свидѣтель не знаетъ.

5. Подпоручикъ Чайковскій, — что евреи вообще очень „нахальны“ и никогда при встрѣчѣ не уступятъ дороги; кромѣ того, они всегда стараются унижить офицера и оскорбить его самолюбіе. Въ доказательство этого, свидѣтель сослался на слѣдующій, происшедшій съ нимъ случай: онъ отдалъ портному-еврею починить свое платье за пять рублей, условясь заплатить таковыя 20 числа; на затѣмъ, когда онъ пришелъ въ магазинъ за платьемъ и хотѣлъ его взять, то жена портнаго, отсутствовавшего въ то время изъ дома, и другія лица, бывшія въ магазинѣ, преимущественно женщины, отказались отдать платье безъ денегъ, окружили свидѣтеля и не хотѣли выпустить его изъ магазина. Боясь быть запертымъ въ магазинѣ, свидѣтель вынужденъ былъ произвести нѣкоторое насиліе и при этомъ, взявъ все-таки насильно свое платье, разбилъ стекло въ магазинѣ за что, впоследствии, кромѣ уплаты за разбитое стекло, былъ подвергнутъ своимъ начальствомъ незначительному наказанію *).

*) **Примѣчаніе А. С. Шмакова.** Кромѣ этого показанія, въ протоколѣ заведенія Судебной Палаты занесено и слѣдующее:

— „Повѣренный гражданскаго истца предложилъ вопросъ свидѣтелю (полковнику, командиру Серпуховскаго полка) *Федорову*, который показалъ, что исторія съ мундиромъ, про которую говорилъ свидѣтель Чайковскій, передана имъ, по застѣнчивости, неправильно и носитъ слѣдующій характеръ. Какъ-то, на парадѣ, свидѣтель *Федоровъ* не замѣтилъ въ церкви подпоручика Чайковскаго и сдѣлалъ ему замѣчаніе, отъ котораго, по непонятной для свидѣтеля причинѣ, Чайковскій страшно сконфузился. Оказалось, что

6. Крестьянинъ Марченко,—что евреи относятся къ христіанамъ очень плохо; доказательствомъ чему можетъ служить то обстоятельство, что еврей-торговцы обращаются хорошо только тогда, когда „что-нибудь купишь“, въ противномъ случаѣ вытаскиваютъ изъ лавки; также евреи поступаютъ и съ солдатами.

7. Отставной рядовой Кушнеръ,—что евреи замѣтно относятся къ военнымъ съ ненавистью, такъ какъ никогда на улицѣ не уступаютъ имъ дороги и на тротуарахъ „не уважаютъ ни офицеровъ, ни солдатъ“.

8. Александръ Дрейзинъ,—что 9 лѣтъ тому назадъ онъ принялъ христіанство и за это былъ избитъ евреями; съ тѣхъ поръ, евреи на него „сердятся“ и не даютъ ему никакой работы, и, если бы не выручали христіане, онъ долженъ былъ бы остаться безъ куса хлѣба.

9. Адъютантъ жандармскаго управленія Добкевичъ, — что лично ему евреи ничего дурного не сдѣлали, никогда никакого сопротивленія не оказывали, но вообще евреи „нахальны“, хотя принципиальной съ ихъ стороны ненависти къ христіанамъ свидѣтель не замѣчалъ. Наконецъ,

10. Состоящій нынѣ приставомъ гор. Пинска Леонтій Добкевичъ,—что особыхъ враждебныхъ отношеній евреевъ къ христіанамъ вообще нѣтъ, но случаи единичной неприязни встрѣчаются не рѣдко.

Обсуждая изложенныя данныя, послужившія основаніемъ къ обвиненію подсудимыхъ по настоящему дѣлу въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 269¹ ст. Улож. о нак., Судебная Палата находитъ, что хотя большинство свидѣтелей, допрошенныхъ объ отношеніяхъ евреевъ къ христіанамъ вообще, и, въ частно-

---

единственный мундиръ Чайковскаго былъ въ починкѣ, почему онъ и не пришелъ въ церковь. Опасаясь не пойти въ церковь и въ слѣдующій парадъ, Чайковскій разъ 10 посылалъ къ портному за своимъ мундиромъ, но никакъ не могъ его получить. Тогда, наконецъ, пошелъ онъ самъ и просилъ отдать мундиръ безъ уплаты денегъ за передѣлку. Самого портного дома не оказалось, а жена его нахально отказала Чайковскому въ его просьбѣ. Тогда послѣдній сказалъ: „Жалуйтесь на меня командиру, а я беру мундиръ!“ — взялъ его и собирался уходить. Но въ дверяхъ обступила его толпа евреевъ и подмастерьевъ и не пускала выйти. Только обнаживъ оружіе и угрожая имъ, Чайковскій могъ выбраться изъ магазина. Когда пріѣхалъ самъ портной, то онъ приходилъ къ (полковнику) Федорову, заявляя, что не имѣетъ никакой претензіи противъ Чайковскаго и просилъ замѣять дѣло о мундирѣ“.

сти, къ воинскимъ чинамъ въ гор. Минскѣ, и удостовѣряють враждебность этихъ отношеній, но фактическія указанія, коими означенные свидѣтели подкрѣпляютъ свои показанія, не говоря уже о крайней скудости этихъ указаній, по существу своему, не могутъ служить доказательствомъ существованія религіозной и племенной вражды евреевъ къ христіанамъ, а свидѣлствуютъ лишь о невѣжествѣ и распущенности еврейскаго населенія гор. Минска.—Засимъ, что касается означенаго выше указанія на особенный характеръ беспорядковъ, произведенныхъ 15-го апрѣля евреями въ гор. Минскѣ, то Судебная Палата находитъ, что ни огромное скопище евреевъ, собравшихся на „Нижнемъ Базарѣ, съ одной стороны, и сравнительно ничтожное количество бывшихъ тамъ же нижнихъ воинскихъ чиновъ, съ другой, ни особенная, по показанію нѣкоторыхъ свидѣтелей, жестокость, съ которою причинялись евреями означеннымъ нижнимъ чинамъ поби и насилія, не составляютъ такихъ признаковъ, которые доказывали бы, что указанное движеніе евреевъ вызвано было религіозною и племенною враждою ихъ „къ воинскимъ чинамъ и христіанамъ вообще“, такъ какъ подобныя массовыя движенія могутъ происходить и по многимъ другимъ причинамъ, при чемъ разнаго рода насилія и жестокость составляютъ обычную принадлежность такихъ движеній. — Означенныя особенности происшедшихъ 15 апрѣля въ гор. Минскѣ беспорядковъ едва ли могли бы послужить серьезнымъ основаніемъ для примѣненія къ настоящему дѣлу 269¹ ст. Улож. о нак. даже въ томъ случаѣ, если бы въ дѣлѣ не заключалось данныхъ, которыми возможно было бы объяснить происхождение означенныхъ беспорядковъ иными причинами, кромѣ религіозной и національной вражды евреевъ къ христіанамъ.

Между тѣмъ, обстоятельства, обнаруженныя какъ на предварительномъ, такъ и на судебномъ слѣдствіяхъ, не только не исключаютъ возможности существованія такихъ причинъ, но и даютъ достаточныя основанія, чтобы придти къ убѣжденію, что причины, вызвавшія упомянутые беспорядки, не имѣютъ связи съ предполагаемою религіозною и племенною враждою евреевъ къ христіанамъ.

Въ этомъ отношеніи, прежде всего, заслуживаетъ вниманія самое возникновеніе рассматриваемаго событія, насколько оно установлено судебнымъ слѣдствіемъ.

Свидѣтель Осипъ Заславскій, очевидецъ начала этого собы-

тія, показавъ, что 15-го апрѣля 1897 г., на третій день христіанской пасхи, часовъ около 4-хъ по полудни, проходя чрезъ „Нижній Базаръ“, онъ среди толпы бывшаго тамъ народа замѣтилъ группу солдатъ, изъ которыхъ трое было патрульныхъ, съ ружьями, а трое безъ ружей. Солдаты, которые были безъ ружей, спорили съ евреями изъ-за военной службы, при чемъ евреи доказывали, что въ прежнее время солдаты лучше и строже исполняли службу и не были такъ распущены, а солдаты утверждали, что они лучше понимаютъ службу, чѣмъ прежніе солдаты. Во время этого спора, перешедшаго затѣмъ въ ссору, какой-то еврей плюнулъ одному изъ спорившихъ солдатъ въ лицо, солдатъ толкнулъ за это еврея въ грудь, а еврей отвѣтилъ ему тѣмъ же, и затѣмъ началась общая „свалка“. Свидѣтель ушелъ въ кабакъ, гдѣ просидѣлъ довольно долго, а когда вернулся опять на базаръ, то свалка продолжалась, при чемъ участіе въ ней приняли и патрульные солдаты, бросившіеся спасать своихъ товарищей отъ нападавшихъ на нихъ евреевъ. Толпа въ это время была очень велика, при чемъ въ числѣ преобладавшихъ въ ней евреевъ были и татары, и христіане. Вскорѣ, на мѣсто происшествія явился городской и, освободивъ 2-хъ солдатъ съ ружьями отъ нападавшихъ на нихъ евреевъ, повелъ во 2-ю полицейскую часть; еврей хотѣли вести туда и третьяго патрульнаго солдата, но онъ убѣждалъ отъ нихъ къ мосту, гдѣ оборонялся отъ нападавшихъ на него евреевъ штыкомъ до тѣхъ поръ, пока явился къ нему на помощь городской и отвелъ его въ часть. вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтель Заславскій, а также и многіе другіе свидѣтели удостовѣрили, что какъ только началась на „Нижнемъ Базарѣ“ драка, еврей тотчасъ же начали заирать лавки и прекратили торговлю.—Сколько именно времени продолжалась описанная драка на „Нижнемъ Базарѣ“, распространившаяся за тѣмъ на прилегающія къ базару улицы, гдѣ еврей отдѣльными группами также нападали на проходившихъ солдатъ и наносили имъ побои, опредѣлить въ точности невозможно, но, судя по показаніямъ того же Заславскаго, а также свидѣтелей—полицейскаго пристава Пекарскаго, помощника пристава Бернацкаго и другихъ, она, во всякомъ случаѣ, продолжалась не болѣе одного часа, а по показанію Пекарскаго, даже не болѣе 15 минутъ, и когда помощникъ пристава Бернацкій съ предоставленнымъ въ его распоряженіе отрядомъ артиллерійскихъ солдатъ, человекъ въ 30, явился на „Нижній Базаръ“

и обошелъ какъ этотъ базаръ, такъ и прилегающія къ нему улицы, то во всѣхъ этихъ мѣстахъ никакого безпорядка не было уже. Послѣ прохода помощника пристава Бернацкаго съ отрядомъ артиллерійскихъ солдатъ, евреи опять начали отпирать лавки и производить торговлю.—Затѣмъ, между 6 и 7 часами по полудни, на „Нижній Базаръ“ прибылъ усиленный патруль 119-го Коломенскаго полка, состоявшій изъ 21 человекъ, подъ командою ефрейтора и въ сопровожденіи подпоручика Галлашека. — Что происходило на базарѣ въ моментъ прибытія этого патруля— были ли тамъ какіе-либо безпорядки или нѣтъ,—слѣдствіемъ съ точностью не установлено. Свидѣтель же, подпоручикъ Галлашекъ показалъ, что когда усиленный патруль прибылъ на „Нижній Базаръ“ и подошелъ къ желѣзнымъ рядамъ, гдѣ было большое скопленіе народа, то кто-то изъ солдатъ, шедшихъ впереди, крикнулъ—„нашихъ бьютъ!“ и такъ какъ, вслѣдствіе тѣсноты отъ скопившагося народа, строй, въ которомъ шелъ патруль, нарушился, то свидѣтель, услышавъ означенный крикъ, обнажилъ шпагу и самъ принялъ команду надъ патрулемъ. Но въ это время изъ окружавшей патруль толпы евреевъ, а также изъ домовъ полетѣли камни и палки въ патрульныхъ солдатъ, а изъ окна одного дома выброшенъ даже былъ кипящій самоваръ. На ряду съ показаніемъ подпоручика Галлашека, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее, установленное судебнымъ слѣдствіемъ обстоятельство: какъ только появился на „Нижній Базаръ“ патруль, который сопровождалъ подпоручикъ Галлашекъ, впереди этого патруля раздались крики: „запирайте лавки, солдаты бьютъ!“ , вслѣдствіе чего евреи тотчасъ же прекратили торговлю и закрыли лавки; кричали бывшіе впереди патруля евреи, но въ числѣ кричавшихъ былъ и полицейскій городской Филозоновичъ. Допрошенный по этому предмету на судебномъ слѣдствіи свидѣтель Филозоновичъ отказался подтвердить означенное обстоятельство, ссылаясь на запямятованіе, но изъ прочитаннаго затѣмъ показанія его, даннаго на предварительномъ слѣдствіи, видно, что свидѣтель, при появленіи означеннаго патруля, дѣйствительно сказалъ бывшимъ на улицѣ евреямъ: „уходите, а то солдаты идутъ васъ разгонять и еще ударятъ кого-либо“. Съ тѣмъ же предупреденіемъ онъ обратился и къ дворнику дома Жебровскаго, Казимірскому, который однако съ мѣста не ушелъ и дѣйствительно получилъ ударъ отъ одного изъ бывшихъ въ патрулѣ солдатъ, принявшаго его за еврея.

Остаиваясь на изложенныхъ данныхъ, характеризующихъ главные моменты происшедшихъ 15-го апрѣля на „Нижнемъ Базарѣ“ беспорядковъ, нельзя между прочимъ, не признать установленнымъ, что евреи, по крайней мѣрѣ, живущіе на означенномъ базарѣ и въ прилегающихъ къ нему улицахъ, — основательно или не основательно, — ожидали такъ называемаго „погрома“. Иначе ничѣмъ нельзя объяснить того характернаго факта, что они дважды и при томъ съ большою поспѣшностью запирали въ этотъ день лавки и прекращали торговлю: въ первый разъ, когда началась драка, при возникновеніи которой присутствовалъ свидѣтель Заславскій, а во второй разъ—при появленіи на „Нижнемъ Базарѣ“ усиленнаго патруля 119 Коломенскаго полка, когда раздался крикъ: „запирайте лавки, солдаты идутъ!“ Обстоятельство это, по мнѣнію Судебной Палаты, имѣетъ весьма важное значеніе въ настоящемъ дѣлѣ и въ достаточной степени объясняетъ какъ причину того возбужденнаго состоянія, которое, по показанію свидѣтеля, полицеймейстера Закалинскаго, въ этотъ день замѣчалось въ средѣ евреевъ, такъ и тотъ фактъ, что обыкновенная базарная ссора и драка, происшедшая въ означенный день на „Нижнемъ Базарѣ“ между нѣсколькими солдатами и евреями,—драка, подобная которой, по показанію полицейскаго пристава Пекарскаго, часто происходятъ на базарѣ, вызвала огромное скопище евреевъ, при чемъ послѣдніе съ цѣлью, можетъ быть, предупредить ожидавшійся ими погромъ и въ виду численнаго ихъ превосходства и отсутствія на базарѣ полицейской или военной власти, напали на принимавшихъ участіе въ дракѣ и на другихъ бывшихъ на базарѣ и въ прилегающихъ къ оному улицахъ и мѣстностяхъ нижнихъ чиновъ, а равно на нѣкоторыхъ христіанъ не военныхъ, нанесли имъ побои, а затѣмъ, подъ влияніемъ тѣхъ же побужденій, учинили насиліе и надъ патрулемъ отъ 119-го Коломенскаго полка.

Наконецъ, Судебная Палата не можетъ не принять въ соображеніе и нижеслѣдующихъ, установленныхъ судебнымъ слѣдствіемъ данныхъ, находящихся, по ея мнѣнію, въ противорѣчій съ предположеніемъ, что событіе, составляющее предметъ настоящаго дѣла, вызвано было религіозною враждой евреевъ къ воинскимъ чинамъ и христіанамъ вообще. Не смотря на участіе цѣлой массы евреевъ въ беспорядкахъ, ни на Нижнемъ базарѣ, ни въ прилегающихъ къ оному улицахъ, не было причинено никакого насилія или оскорбленія не только офицерамъ

которымъ приходилось сталкиваться въ разныхъ мѣстахъ съ этою возбужденною массою, а равно чиновникамъ полиціи, но и низшимъ служителямъ послѣдней и даже базарному сторожу изъ христіанъ, принимавшему участіе въ прекращеніи означенныхъ беспорядковъ. Такъ, изъ показанія поручика Зацѣпина видно, что онъ, прійдя на Нижній базаръ въ самый разгаръ бывшихъ тамъ беспорядковъ, принималъ живое участіе въ защитѣ солдатъ отъ нападавшихъ на нихъ евреевъ, и при этомъ никто никакихъ насилій и оскорбленій ему не наносилъ. Затѣмъ, по показанію помощника пристава Бернацкаго, онъ совершенно безпрепятственно довелъ артиллерійскій патруль до Нижняго базара и, обойдя послѣдній, на которомъ была громадная толпа, провелъ патруль, также совершенно безпрепятственно, во вторую полицейскую часть. Патруль отъ Серпуховскаго поста подъ начальствомъ унтеръ-офицера Дырова, по показаніямъ послѣдняго и рядового Лошкина, не подвергся никакимъ насиліямъ со стороны толпы, не смотря на то, что черезъ нее почти невозможно было пройти. Помощникъ пристава Книгга разогналъ толпу, преслѣдовавшую нѣсколькихъ вольныхъ солдатъ до артиллерійскихъ казармъ. Точно также и на томъ же почти мѣстѣ, полицейскій городской Рутковскій однимъ крикомъ разогналъ другую толпу, также гнавшуюся за солдатами. При этомъ, тотъ же Рутковскій и городской Гуликъ, по приказанію поименованнаго Книгги, арестовали одного изъ подсудимыхъ, Кугеля, и совершенно безпрепятственно отвели его въ полицію. По показанію полицейскихъ городскихъ: Станишевскаго, Бакиновскаго, Филозоновича и Соловьева, а также ефрейтора Левченко и рядовыхъ: Гусева и Заикина, входившихъ въ составъ патруля Коломенскаго полка, городовые не только арестовали на Нижнемъ базарѣ бушевавшихъ и нападавшихъ на нижнихъ воинскихъ чиновъ лицъ и отводили ихъ безпрепятственно черезъ толпу во вторую полицейскую часть, но защитили отъ нападенія толпы и самихъ поименованныхъ патрульныхъ, которыхъ затѣмъ, также сквозь толпу, проводили въ означенную часть. Равнымъ образомъ, городской Мирончикъ арестовалъ и отвелъ въ часть подсудимаго Абрама Каплана, замѣченнаго имъ, Мирончикомъ, въ нападеніи, при участіи громадной толпы, на патруль подпоручика Галлашека. Наконецъ, ночной базарный сторожъ Кушнеръ три раза отводилъ въ часть солдатъ и удерживалъ толпу, защищая ихъ, солдатъ, отъ нападенія и побоевъ толпы

Въ заключеніе, нельзя не обратить вниманія и на то, что изъ всѣхъ нижнихъ чиновъ, оказавшихся избитыми во время означенныхъ безпорядковъ, ни у одного не было найдено болѣе или менѣе серьезныхъ поврежденій, и всѣ оказавшіяся у нихъ раны и другія поврежденія, какъ это видно изъ имѣющагося въ дѣлѣ акта медицинскихъ освидѣтельствowań, признаны были легкими.

Въ виду всѣхъ изложенныхъ данныхъ и соображеній, Судебная Палата признаетъ совершенно недоказаннымъ, чтобы составляющее предметъ настоящаго дѣла столкновение евреевъ съ нижними чинами 119-го Коломенскаго и 120-го Серпуховскаго пѣхотныхъ полковъ, сопровождавшееся нанесеніемъ первыми послѣднимъ побоевъ и другихъ насилій, произошло вслѣдствіе побужденій, проистекающихъ изъ религіозной, племенной или сословной вражды евреевъ къ воинскимъ чинамъ и вообще къ христіанамъ, а потому и полагаетъ всѣхъ наличныхъ подсудимыхъ признать оправданными по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 269¹ ст. Улож. о наказан., по продолженію 1895 года.

Переходя засимъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какое именно дѣяніе, съ точки зрѣнія уголовной, заключается въ событіи, составляющемъ предметъ настоящаго дѣла, Судебная Палата находитъ, что показаніями свидѣтелей: полковника Бестужева, поручика Захарченко, подпоручика Галлашека, ефрейтора Левченко, рядовыхъ Гусева и Заикина и другихъ лицъ вполнѣ установлено:

Во-1-хъ, что 15 апрѣля 1897 года, въ городѣ Минскѣ, по распоряженію мѣстнаго военнаго начальства, были, между прочимъ, отправлены на такъ называемый „Нижній Базаръ“ два вооруженныхъ военныхъ патруля—одинъ отъ 120-го Серпуховскаго полка, въ составѣ трехъ человекъ, подъ командой ефрейтора, а другой—отъ 119-го Коломенскаго полка, въ составѣ 21 человекъ, подъ командой старшаго унтеръ-офицера и въ сопровожденіи подпоручика Галлашека. На первый изъ означенныхъ патрулей была возложена обязанность наблюденія вообще за нижними чинами, отпущенными по случаю праздника изъ казармъ, а второй—былъ отправленъ вслѣдствіе полученнаго командиромъ 119-го Коломенскаго полка, полковникомъ Бестужевымъ, свѣдѣнія о происшедшемъ на „Нижнемъ Базарѣ“ столкновеніи между нижними воинскими чинами и евреями, при чемъ, какъ видно

изъ представленной въ судебномъ засѣданіи свидѣтелемъ Галлашекомъ записки командира полка, ему, Галлашеку, поручено было „провѣрить поведеніе нижнихъ чиновъ“; кромѣ того, по удостовѣренію свидѣтеля Захарченко, онъ, по порученію командира полка, передалъ Галлашеку приказаніе охранять и защищать солдатъ, если встрѣтится надобность, даже оружіемъ, но къ послѣднему прибѣгать только въ крайнемъ случаѣ, и

Во-2-хъ, что, прибывъ на „Нижній Базаръ“, означенные патрули встрѣтили со стороны находившейся тамъ огромной толпы евреевъ сопротивленіе, выразившееся: по отношенію къ первому патрулю—отъ 120-го Серпуховского полка—въ томъ, что когда входившіе въ этотъ патруль солдаты бросились защищать нижнихъ чиновъ, которыхъ была толпа евреевъ, то на нихъ также напали евреи и нанесли имъ побои, а по отношенію ко второму патрулю—отъ 119-го Коломенскаго полка—въ томъ, что когда подпоручикъ Галлашекъ, услышавъ крикъ одного изъ патрульныхъ солдатъ: „нашихъ бьютъ!“ сталъ во главѣ патруля съ тѣмъ, чтобы двинуться на помощь солдатамъ, подвергшимся нападенію со стороны толпы, евреи начали тѣснить патруль и бросать въ него камнями и палками, — вслѣдствіе каковыхъ насильственныхъ дѣйствій, означенные выше патрули лишены были возможности исполнить возложенную на нихъ обязанность.

Въ виду такихъ, установленныхъ слѣдствіемъ данныхъ, Судебная Палата находитъ, что къ подсудимымъ можетъ быть предъявлено обвиненіе только въ томъ, что 15 апрѣля 1897 г., въ гор. Минскѣ, на „Нижнемъ Базарѣ“, они оказали сопротивленіе вооруженнымъ военнымъ патрулямъ расположенныхъ въ гор. Минскѣ 119-го Коломенскаго и 120-го Серпуховского полковъ, прибывшимъ на означенный базаръ по обязанностямъ военной службы и принявшимъ участіе въ охранѣ и защитѣ находившихся тамъ и отпущенныхъ изъ казармъ по случаю праздника нижнихъ чиновъ отъ насилій и побоевъ, учиненныхъ надъ ними евреями, — при чемъ сопротивленіе это выразилось въ томъ, что они, подсудимые, находясь въ толпѣ, окружавшей означенные патрули и бросавшей въ нихъ камнями, палками и другими предметами, нанесли сами лично побои и другія насилія нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ, находившимся въ составѣ одного изъ тѣхъ патрулей.

Обращаясь за симъ къ обсужденію вопроса о виновности въ совершеніи дѣянія, только что описаннаго, изъ наличныхъ

подсудимыхъ, каждаго въ отдѣльности, Судебная Палата находитъ, что:

Первый изъ нихъ, **Сроль Губичъ**, не призналъ себя виновнымъ и, въ доказательство своей невиновности, сослался на свидѣтелей: Роху Рубинштейнъ, Лейзера Израилевича, Шаю Сонкина, Данила Розенталя, Зельду Елькину и Давида Рубинштейна, изъ числа коихъ послѣдніе два не были допрошены за отказомъ сторонъ, а остальные показали; Роха Рубинштейнъ, — что послѣ „первой драки“, то есть послѣ нападенія на патруль ефрейтора Левченко, подсудимый подошелъ къ ней, помогъ собрать посуду въ лавку, которую она собралась запирать, и ушелъ по Торговой улицѣ, а затѣмъ появился офицеръ съ солдатами, т.-е. патруль подпоручика Галлашека, и подсудимаго стали бить, а Израилевичъ, Сонкинъ и Розенталь, — что подсудимый былъ избитъ прикладами. Усматривая изъ выше прописаннаго, что сами свидѣтели защиты не отвергаютъ присутствія подсудимаго на „Нижнемъ Базарѣ“ и его столкновения съ военнымъ патрулемъ, а съ другой стороны, принимая во вниманіе: 1) что, — по показаніямъ патрульнаго Гусева, городского Станишевскаго и отставнаго рядового Кушнера, — подсудимый бросался на патруль и билъ перваго изъ нихъ, свидѣтелей, желѣзомъ; 2) что онъ тутъ же былъ поименованнымъ Станишевскимъ задержанъ и приведенъ затѣмъ во вторую полицейскую часть; 3) что это послѣднее обстоятельство удостовѣрилъ и приставъ этой части Пекарскій, по распоряженію котораго подсудимый былъ отправленъ въ еврейскую больницу, и 4) что изъ скорбнаго листа послѣдней за № 401/71 видно, что у подсудимаго были обнаружены: ссадины кожи на переносицѣ, на мѣстѣ правой брови, на головѣ и на лѣвой кисти, а также кровоподтекъ обѣихъ вѣкъ праваго глаза, — Судебная Палата признаетъ вполне установленною виновность подсудимаго Губича.

Второй подсудимый, **Мовша Ъотинъ**, также не призналъ себя виновнымъ и сослался на Хаима Соськина и Шмуля Хейфица въ подтвержденіе того, что, во все время разсматриваемыхъ безпорядковъ, онъ на „Нижнемъ Базарѣ“ не находился. Хотя эти свидѣтели и удостовѣрили, что они съ подсудимымъ были на похоронахъ между 5 и 6 часами, но въ то же время не могли болѣе точно опредѣлить это время. Съ другой же стороны, поименованные: патрульный Гусевъ и отставной рядовой Кушнеръ положительно утверждали, что подсудимый билъ перваго изъ нихъ.

Имѣя засимъ въ виду, что и этотъ подсудимый находился на излѣченіи въ еврейской больницѣ, скорбнымъ листомъ которой за № 399/72 удостовѣрено находженіе у него, подсудимаго, въ области праваго темени раны и на лѣвомъ предплечьи кровоподтека, чѣмъ также доказывается участіе его, подсудимаго, въ разсматриваемомъ сопротивленіи патрулю Коломенскаго полка.— Судебная Палата не можетъ не признать его, Котина, виновнымъ въ совершеніи указаннаго выше дѣянія.

Одинъ изъ поименованныхъ уже свидѣтелей, отставной рядовой Кушнеръ, указалъ и на подсудимаго **Юдею Руманова**, какъ на участника разсматриваемаго сопротивленія, и при этомъ пояснилъ что онъ хорошо видѣлъ, какъ подсудимый, при дверяхъ своей кожевенной лавки на „Нижнемъ Базарѣ“, билъ патрульнаго солдата палкою. Свидѣтель впослѣдствіи указалъ на подсудимаго городовому Бовдею, которымъ онъ, подсудимый, и былъ арестованъ. Хотя, въ подтвержденіе находженія своего дома цѣлый день 15-го апрѣля, подсудимый и сослался на свидѣтелей, но изъ нихъ Мееръ Цитронъ показалъ лишь, что жена подсудимаго, въ показанное число, сказала свидѣтелю, что мужъ ея сидитъ цѣлый день дома у больного ребенка, а остальные удостовѣрили: фельдшеръ Гольдбергъ,—что, будучи у подсудимаго въ 5 часовъ, онъ прописалъ ванну его больному ребенку, Андрей Францкевичъ,—что въ началѣ 6-го часа онъ носилъ воду для означенной ванны и Марія Францкевичъ,—что подсудимый въ 8 часовъ вечера выливалъ воду изъ той ванны, для которой мужъ ея, свидѣтельница, носилъ въ 5 час. воду. Въ виду однако того, что показанія этихъ свидѣтелей устанавливаютъ находженіе подсудимаго дома лишь въ началѣ 6-го часа и въ 8 час. вечера; что и до свидѣтеля Абрама Цитрона, допрошеннаго по ссылкѣ подсудимаго, доходили слухи объ участи подсудимаго въ разсматриваемомъ сопротивленіи, и что домъ, гдѣ въ то время проживалъ подсудимый, по показаніямъ какъ его самого, такъ и свидѣтеля Францкевича, расположенъ по Набережной улицѣ, въ которую упирается и „Нижній Базаръ“,—Судебная Палата виновность и подсудимаго Руманова признаетъ достаточно установленною.

Засимъ, поименованный уже рядовой Гусевъ указалъ и на подсудимаго **Элью Кугеля**, какъ на лицо, участвовавшее въ нападеніи какъ на него, свидѣтеля, такъ и на другихъ патрульныхъ: Левченко и Заикина, и при этомъ весьма точно объяс-

нилъ, что подсудимый бросался на него, свидѣтеля, съ палкою намѣреваясь его бить, и поднималъ надъ нимъ палку вверхъ, замахиваясь ею, но онъ, свидѣтель, не допускалъ подсудимаго наносить удары, отмахиваясь прикладомъ ружья. Не находя основаній сомнѣваться въ правдивости словъ этого свидѣтеля, показаніе котораго въ отношеніи обвиненія имъ двухъ другихъ подсудимыхъ, Губича и Котина, подтверждено, — какъ выше прописано, — показаніями Станишевскаго и Кушнера, а въ отношеніи подсудимаго Кугеля подтверждается и показаніями помощника пристава Книggi, и городскихъ Рутковскаго и Гулика, удостовѣрившихъ, что подсудимый бѣжалъ впереди толпы, гнавшей съ „Нижняго Базара“ солдатъ вплоть до артиллерійскихъ казармъ, близъ которыхъ подсудимый и былъ арестованъ, а съ другой стороны, находя: что показанія капитана Томиловскаго, Рувима Несвижскаго и Дыни Файнъ относятся не къ тому моменту, въ который подсудимый былъ задержанъ; что свидѣтель Пилецкій отозвался совершеннымъ невѣдѣніемъ, и что, наконецъ, показанія Палея, удостовѣрившаго, что онъ видѣлъ подсудимаго дома, въ теченіе 10 мин. между 5 и 6 часами, и показаніе Солтана о томъ, что около 6 час. подсудимый пошелъ изъ своей лавки за стекломъ для часовъ свидѣтеля, а затѣмъ былъ задержанъ, не исключаютъ возможности для подсудимаго ранѣе сего быть на „Нижнемъ Базарѣ“, — Судебная Палата находитъ виновность и его, Кугеля, достаточно установленною.

Наконецъ, участіе подсудимаго **Абрама Каплана** въ нападеніи на патруль подпоручика Галлашека, кромѣ показанія сего послѣдняго, устанавливается показаніями: городского Мирончика и ефрейтора Лошкина, видѣвшихъ, какъ подсудимый замахивался палкою на патрульнаго офицера, и показаніями патрульныхъ: Цвирко, Тарасевича, Кузьмина, Кичайкина и Семенова, а также рядоваго Евдокимова, изъ коихъ первые пятеро удостовѣрили, что подсудимый отнималъ ружье у патрульнаго Захарова, а послѣдній, т.-е. Евдокимовъ, допрошенный по просьбѣ самого подсудимаго, пояснилъ, что сей послѣдній одною рукою держалъ ружье Захарова, а другою билъ его. Съ другой стороны, свидѣтели, выставленные подсудимымъ въ подтвержденіе его невиновности, послѣднюю однако не установили, ибо: Мовша Хомскій, Берка Эпштейнъ, Хаймъ Милецкій, Давыдъ Тасманъ и Мовша Бернштейнъ удостовѣрили лишь, что онъ, подсудимый, не зналъ о событіяхъ, происходившихъ на „Нижнемъ Базарѣ“ до

появленія патруля подпоручика Галлашека, а Юдель Нейфахъ и Лейба Левенсонъ показали только, что солдаты били прикладами его, подсудимаго, который вслѣдъ за этимъ и былъ арестованъ.

Признавая, въ виду этого, виновность и этого подсудимаго установленною,—Судебная Палата находитъ, что дѣяніе всѣхъ, признанныхъ виновными, подсудимыхъ: Сроля Губича, Мовши Котина, Юделя Руманова, Эли Кугеля и Абрама Каплана, по прописаннымъ выше признакамъ, составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 3 ч. 286¹ ст. Улож. о наказ., по продолженію 1895 года, и влечетъ для виновныхъ наказанія, опредѣленныя въ 263—272 ст. ст. того же Уложенія. Принимая за симъ во вниманіе, что никто изъ допрошенныхъ въ настоящемъ засѣданіи свидѣтелей не удостовѣрилъ того, чтобы подсудимые имѣли при себѣ холодное или огнестрѣльное оружіе, и что рассматриваемое сопротивленіе, какъ направленное противъ двухъ патрулей, имѣвшихъ цѣлью наблюдать за поведеніемъ нижнихъ воинскихъ чиновъ на базарѣ, не имѣетъ того общаго характера возстанія, о которомъ говорится въ 263—265 ст. Улож., Судебная Палата находитъ, что наказаніе подсудимыхъ должно быть опредѣлено по 271 ст. Улож., влекущей для виновныхъ лицъ мѣщанскаго сословія: или лишеніе всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и отдачу въ исправительныя арестанскія отдѣленія по 3, 4 или 5 степ. 31 ст. Улож., на время отъ 1-го года до 3-хъ лѣтъ, или заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ 1 года и 4 мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ, на основаніи 50 ст. Улож. особенныхъ правъ и преимуществъ, или же заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ 2-хъ мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ.

Избирая для подсудимыхъ по правиламъ, преподаннымъ въ 149 ст. Улож., одно изъ прописанныхъ наказаній и принимая въ соображеніе важность вины подсудимыхъ вообще и ту дерзость, съ которою было совершено ими рассматриваемое преступленіе въ особенности, Судебная Палата находитъ соответственнымъ винѣ ихъ, подсудимыхъ, строжайшее изъ прописанныхъ наказаній, которое и полагаетъ назначить въ среднемъ онаго размѣрѣ, въ виду отсутствія въ дѣлѣ какъ обстоятельствъ, вину ихъ, подсудимыхъ, особо увеличивающихъ, такъ и обстоятельствъ, эту вину уменьшающихъ, т.-е. по 4 ст. 31 ст. Улож. о наказан.,—съ замѣною при томъ этого наказанія по правиламъ,

въ 77 ст. приведеннаго Улож. преподаннымъ, и съ послѣдствіями онаго, въ 48 ст. Улож. опредѣленными.

Переходя за симъ къ обсужденію вопроса о виновности остальныхъ подсудимыхъ и останавливаясь прежде всего на подсудимомъ **Мордухъ Фейманъ**, Судебная Палата находитъ, что къ обвиненію его служитъ показаніе отставнаго рядового Кривицкаго, который удостовѣрилъ, что, на его глазахъ, подсудимый ударилъ палкою одного изъ патрульныхъ солдатъ, и по указанію котораго, сдѣланному черезъ нѣсколько дней послѣ разсматриваемаго событія, подсудимый былъ задержанъ городовымъ Соловьевымъ. Между тѣмъ, подсудимый, не признавая себя виновнымъ и объясняя, что въ день разсматриваемаго событія онъ не былъ въ Минскѣ, сослался на цѣлый рядъ свидѣтелей, которые удостовѣрили: Романъ Соболевъ, Ѳедоръ и Михаилъ Дубинскіе и Мартынъ Дейнаровичъ, — что подсудимый проживалъ въ ихъ деревнѣ Дубровкѣ, расположенной въ 119 верстахъ отъ Минска, и на второй день Пасхи прошлаго года, т.-е. 14 апрѣля, часовъ въ 12 дня, отправился пѣшкомъ въ Минскъ искать работы и выбрать паспортъ, а вернулся домою „къ своей Тройцѣ“ и послѣ того, въ 10-ю пятницу, былъ арестованъ; сельскій староста Галець, — что видѣлъ подсудимаго на третій день Пасхи, т.-е. въ день разсматриваемаго событія, въ Шклянцахъ, откуда онъ, подсудимый, предполагалъ идти ночевать въ Долгиново, и, наконецъ, Мордухъ Перевозкинъ, — что онъ шелъ вмѣстѣ съ подсудимымъ, ночевалъ съ нимъ же въ Долгиновѣ, въ Крайскѣ выбралъ паспортъ и пришелъ съ подсудимымъ въ Минскъ на 5-ый день Пасхи, т.-е. 17 апрѣля. Усматривая затѣмъ изъ представленнаго въ настоящемъ засѣданіи свидѣтелемъ Перевозкинымъ паспорта, что таковой дѣйствительно былъ выданъ ему изъ Крайскаго волостнаго правленія 15 апрѣля 1897 года за № 14, и принимая, сверхъ того, во вниманіе, что, по показаніямъ поименованныхъ Романа Соболя и Ѳедора Дубинскаго, отъ деревни Дубровки на одной лошади, безъ перемѣны, до Минска въ сутки „не доѣдешь“, и только хорошій ходокъ можетъ пройти это разстояніе въ два дня, — сами же они, свидѣтели, вышли изъ Дубровки въ воскресенье утромъ и пришли въ Минскъ во вторникъ, часа въ 2 или 3, — Судебная Палата виновность подсудимаго Феймана по настоящему дѣлу находитъ совершенно неустановленною.

Къ обвиненію подсудимаго **Израиля Сеглина** служитъ пока-

заніе крестьянина Марка Чаура и мѣщ. Александра Невядомскаго, изъ коихъ первый удостовѣрилъ, что подсудимый, стоя у прилавка своей желѣзной лавки, раздавалъ разное желѣзо нѣкоторымъ лицамъ, которыя затѣмъ бросались въ толпу, бывшую солдатъ, а второй, т.-е. Невядомскій, — что подсудимый, стоя въ 30 шагахъ отъ своей лавки, билъ солдатъ желѣзомъ, которое выносили изъ его лавки и ему подавали. Не говоря уже о томъ явномъ разнорѣчїи, въ которое впали эти два свидѣтеля по отношенію къ одному и тому же событію, Судебная Палата не можетъ не замѣтить, что настоящее судебное слѣдствіе выяснило, между прочимъ, нижеслѣдующее: совокупностью показаній подсудимыхъ Израїля Сеглина и Беніамина Фрумкина, адъютанта жандармскаго управленія Добкевича, полицейскаго городского Мирончика, Хонды Дрейзинъ, Гирши Майзельса, Менделя Кантора, Фрумы Сермонъ и Моїши Соловейчика установлено, что поименованные подсудимые обратились за совѣтомъ къ офицеру Добкевичу, какъ имъ поступить въ виду того, что свидѣтель Невядомскій требуетъ съ нихъ 10 руб., угрожая въ противномъ случаѣ заявить полиціи о томъ, что и они, подсудимые, участвовали въ избїенїи солдатъ. Добкевичъ, записавъ №№ кредитныхъ билетовъ пятирублеваго, трехрублеваго и 2-хъ рублевыхъ, бывшихъ у подсудимыхъ, посовѣтовалъ послѣднимъ дать эти билеты Невядомскому, а затѣмъ заявить полиціи. Деньги эти были переданы Невядомскому, который, — вслѣдъ затѣмъ, по заявленію подсудимыхъ, — былъ городovýmъ Мирончикомъ доставленъ въ полицейскую часть, гдѣ у него были найдены тѣ именно кредитные билеты, №№ которыхъ были записаны Добкевичемъ и которые приложены къ настоящему дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, и гдѣ Невядомскій, по показаніямъ какъ Мирончика, такъ и пристава Пекарскаго, на вопросъ: „зачѣмъ бралъ деньги?“, отвѣчалъ: „отчего же не взять, коли даютъ“, а потомъ сталъ утверждать, что подсудимые „наильно“ положили эти 10 руб. ему въ карманъ. Принимая засимъ во вниманіе: 1) что, по показанію базарнаго сторожа Кушнера, правдивость котораго въ настоящемъ засѣданїи ничѣмъ не опорочена, свидѣтель Невядомскій „былъ прежде жуликомъ, а чѣмъ теперь занимается, свидѣтель не знаетъ“; 2) что, по показанію городского Мирончика, подсудимый Сеглинъ первымъ побѣжалъ къ полицейскому приставу съ заявленіемъ о возникновенїи безпорядковъ на „Нижнемъ Базарѣ“,

и 3) что затѣмъ тотъ же Сеглинъ, по показаніямъ: Абрама Бушеля, Меера Раіхельсона, Мотуса Огура, Калмана Трегера и Мотеля Каплана, собравъ свой желѣзный товаръ, выставленный внѣ лавки, заперся въ послѣдней и вышелъ изъ нея только тогда, когда уже все утихло на базарѣ,—Судебная Палата показаніе одного свидѣтеля Чаура, противорѣчащее при томъ и показанію Невядомскаго, и показаніямъ только что поименованныхъ пяти свидѣтелей, не можетъ принять за доказательство виновности по сему дѣлу подсудимаго Сеглина, тѣмъ болѣе, что, по показанію базарнаго сторожа Кушнера, свидѣтель Чауръ одно время самъ принадлежалъ къ „хеврѣ“, т.е. компаніи лицъ изъ христіанъ и евреевъ, весьма подозрительныхъ.

Тотъ же свидѣтель Невядомскій является очевидцемъ и того, какъ подсудимый **Шахна Арончикъ** билъ кулакомъ патрульнаго Гусева. Принимая, однако, во вниманіе: 1) что поименованный Гусевъ этого обстоятельства, съ своей стороны, не подтвердилъ; 2) что подпоручикъ Захарченко не рѣшился удостовѣрить положительно того, чтобы отнять ружье у одного изъ патрульныхъ солдатъ именно подсудимый Арончикъ, и 3) что, по показанію свидѣтеля Окуня, пришедшаго учить дѣтей мѣщанки Доброправовой, въ введеніи которой подсудимый служить лакеемъ, онъ, подсудимый, спалъ при началѣ шума, вслѣдствіе котораго онъ, подсудимый, былъ разбуженъ хозяйкою, и все время до ухода свидѣтеля, т.е. часа до 7-го, никуда изъ дому не отлучался.—Судебная Палата и подсудимаго Арончика не можетъ признать виновнымъ на основаніи показанія одного свидѣтеля и при томъ такого, какимъ въ настоящемъ дѣлѣ является Невядомскій.

Этотъ же Невядомскій и поименованный уже Кривицкій за свидѣтельствовавали въ настоящемъ засѣданіи: первый,—что подсудимый **Залманъ Кадышъ** билъ палкою патрульныхъ солдатъ, и второй,—что подсудимый далъ ему деньги за то, чтобы онъ, свидѣтель, „легче“ показывалъ на слѣдствіи, а онъ, свидѣтель, „обѣщалъ говорить правду“. Принимая во вниманіе: 1) что по поводу этихъ денегъ свидѣтель Кривицкій разъяснилъ, что деньги онъ понесъ къ полицеймейстеру, но такъ какъ послѣдній „медлил“ производствомъ дознанія по сему предмету, — онъ, свидѣтель, эти деньги и истратилъ на себя; 2) что, по словамъ пристава 2 части Пекарскаго, свидѣтель Кривицкій пьяница и буянъ; 3) что показаніе его, Кривицкаго, о томъ, что, на его

глазахъ, подсудимый Фейманъ ударилъ палкою одного изъ патрульныхъ солдатъ, было, — какъ это выше прописано, — опровергнуто цѣлымъ рядомъ свидѣтелей, удостовѣрившихъ, что подсудимый Фейманъ не могъ этого дѣлать, такъ какъ находился 15 апрѣля 1897 года за нѣсколько десятковъ верстъ отъ гор. Минска; 4) что, по показаніямъ врача при городской скотобойнѣ Некрашевича и меламеда Рахманчика, подсудимый Кадышъ провелъ у перваго изъ нихъ отъ 5 до 6 часовъ, а съ этого времени находился у втораго до 7 часа и ушелъ съ своимъ мальчикомъ домой, послѣ того, какъ пришедшая женщина заявила, что на базарѣ уже все стихло, и 5) что Судебною Палатою оцѣнка достовѣрности свидѣтельскаго показанія Невядомскаго уже сдѣлана выше сего, — Судебная Палата не находитъ достаточныхъ основаній къ обвиненію и подсудимаго Кадыша.

Тѣ же два свидѣтеля, Кривицкій и Невядомскій, удостовѣрили передъ судомъ и виновность подсудимаго **Абрама Фрумкина** въ томъ, что онъ раздавалъ желѣзо и самъ билъ желѣзною палкою солдатъ патруля подпоручика Галлашека, при чемъ первый изъ сихъ свидѣтелей разъяснилъ, что онъ первоначально призналъ подсудимаго только по его „желтымъ штанамъ“. Имѣя это обстоятельство въ виду и принимая во вниманіе, что, по показаніямъ Юдея Спонта, Юсифа Лившица и Давида Штубрана, подсудимый Абрамъ Фрумкинъ 15 апрѣля 1897 г. работалъ въ дер. Медвѣдкѣ, расположенной отъ Минска въ 5 — 7 верстахъ, въ кузницѣ перваго изъ нихъ, съ 7 час. утра до 9 часа вечера, — Судебная Палата не можетъ виновность и этого подсудимаго Фрумкина признать установленною.

Подсудимый **Юсель Капланъ** уличаемъ былъ тѣмъ же Невядомскимъ въ томъ, что онъ желѣзнымъ аршиномъ билъ патрульныхъ солдатъ, а между тѣмъ свидѣтели: Лейзеръ Лившицъ, Мовша - Аронъ Ашеревичъ и Юліанъ Ивановскій положительно удостовѣряли, что подсудимый, какъ стекольщикъ, весь третій день Пасхи, т. е. 15 апрѣля 1897 г., съ утра и до 8 час. вечера работалъ въ домѣ Кабакова, расположенномъ противъ городского театра, гдѣ производился ремонтъ квартиръ. Въ виду этого, Судебная Палата и подсудимаго Юсея Каплана не можетъ признать виновнымъ по разсматриваемому дѣлу.

Въ виду того, что обвиненіе подсудимаго **Эліи Фишгина** зиждется на одномъ лишь, признанномъ при томъ не вполне — какъ это сказано выше — достовѣрнымъ, показаніи свидѣтеля Кривиц-

каго, въ значительной степени подрываемомъ еще и тѣмъ, что свидѣтель Шліома Шабкевичъ видѣлъ подсудимаго 15 апрѣля 1897 г. за городомъ, возвращавшагося часовъ въ 5 съ еврейскаго кладбища,—Судебная Палата и объ этомъ подсудимомъ, Фишкинѣ, не можетъ постановить обвинительнаго приговора.

Обвиненіе подсудимаго **Евеля Гобермана** основано было на показаніи патрульнаго Лисова, который удостовѣрилъ, что онъ, со словъ полицейскаго городского Волчка, знаетъ о томъ, что подсудимый бросалъ камни въ солдатъ. Между тѣмъ, поименованный Волчекъ заявилъ, что онъ прописаннаго не передавалъ Лисову, такъ какъ самъ на улицу не выходилъ, а полицейскіе городовые Бакиновскій и Филозоновичъ заявили, что хотя они доставили въ полицейскую часть подсудимаго, но не знаютъ, за что онъ былъ арестованъ. Тѣмъ же незнаніемъ причины ареста подсудимаго отозвались: полицейскій приставъ Пекарскій и помощникъ полицейскаго пристава Бернацкій. Имѣя это въ виду и принимая во вниманіе, что, по показаніямъ Ицика-Меера Гутмана, Рохи-Лей Ассъ, Берки Левина, Берки Майзельса, Калмана Когана и Юзефы Мазуркевичъ, подсудимый пришелъ по Мясницкой улицѣ и остановился на углу ея какъ разъ въ то время, когда появился патруль подпоручика Галлашека, по приходѣ котораго городовые увели его, подсудимаго, въ полицейскую часть, при чемъ многіе, по показанію Боруха Махтея, тогда же говорили, что и его „невинную душу“, т. е. подсудимаго, забрали въ полицію,—Судебная Палата не можетъ признать доказанною и виновность его, Гобермана.

Наконецъ, нанесеніе желѣзомъ побоевъ патрульнымъ солдатамъ подсудимымъ **Веньяминомъ Фрумкинымъ** удостовѣрилъ свидѣтель Невядомскій, а между тѣмъ подсудимый, по показанію пристава Пекарскаго, получившаго заявленіе о томъ, что солдаты бьютъ и грабятъ евреевъ, поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ, Пекарскимъ, къ адъютанту коменданта, а отъ послѣдняго—на „Нижній Базаръ“, гдѣ было уже спокойно, и народу уже было не особенно много. Имѣя затѣмъ въ виду, что правдивость показанія Невядомскаго подрывается еще и тѣмъ, что онъ едва ли даже и видѣть могъ все то, о чемъ онъ свидѣтельствовалъ въ настоящемъ засѣданіи, ибо, по показанію Анны и Фаддея Бартошевичей, онъ, Невядомскій, колотившій у нихъ свиней, оставался у нихъ безвыходно съ утра до прихода Степана Юневича, а по показанію сего послѣдняго, онъ вмѣстѣ съ Невядомскимъ, часовъ

въ 7 или въ половинѣ восьмого часа вечера, пошелъ на „Нижній Базаръ“, дошелъ свободно до моста и, не найдя уже почти никого на базарѣ, оставилъ его, Невядомскаго, на базарѣ, а самъ вернулся домой,—Судебная Палата и подсудимаго Беньямина Фрумкина признаетъ невиновнымъ по настоящему дѣлу.

Обращаясь, наконецъ, къ обсужденію гражданскаго иска, предъявленнаго по сему дѣлу 119-мъ пѣхотнымъ Коломенскимъ полкомъ въ суммѣ 20 руб. 9 коп., и принимая во вниманіе: съ одной стороны, что стоимость попорченнаго при разсмотрѣнномъ событіи оружія устанавливается актомъ осмотра послѣдняго и свѣдѣніемъ о стоимости исправленія его (т. II л. д. 190 и 191), а съ другой стороны, что ни подсудимые, ни защитники ихъ противъ цѣны этого иска не возражали,—Судебная Палата, руководствуясь 59 ст. Улож. о наказ., а равно 644 ст. I ч. X т. Зак. Граждан., признаетъ означенный гражданскій искъ подлежащимъ удовлетворенію со стороны всѣхъ осужденныхъ подсудимыхъ,—въ порядкѣ, установленномъ 650 ст. сихъ послѣднихъ законовъ.

Руководствуясь означенными соображеніями и приведенными данными, а также 1 и 3 пп. 771 ст. Устава Уголовн. Судопр. Императора Александра II, изд. 1892 г., и принимая во вниманіе: 1) что судебныя издержки подлежатъ возмѣщенію въ порядкѣ, установленномъ 976—999 ст. приведеннаго устава, и 2) что изъ числа вещественныхъ доказательствъ только ружья и деньги подлежатъ возвращенію по принадлежности.

Судебная Палата **ОПРЕДѢЛЯЕТЪ:**

I. Подсудимыхъ, мѣщанъ гор. Минска: Абрама Михелева **Каплана**, 28 лѣтъ, и Сроля Аронова **Губича**, 41 года, гор. Игумена: Мовшу Эльева **Ботина**, 46 лѣтъ, и гор. Минска: Юдея Абрамова **Руманова**, 36 лѣтъ, и Элью Абрамова **Кугеля**, 25 лѣтъ, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, и отдать въ исправительныя арестантскія отдѣленія на два года cadaго, съ тѣмъ: во 1-хъ, чтобы, въ случаѣ отдаленности сихъ отдѣленій или неимѣнія въ нихъ мѣста, или же по неспособности, по какимъ-либо причинамъ, осужденныхъ къ работамъ въ сихъ отдѣленіяхъ, содержаніе въ послѣднихъ подсудимыхъ было замѣнено содержаніемъ ихъ въ тюрьмѣ, и, во-2-хъ, чтобы, по окончаніи работъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, осужденные были отданы на 4 года подъ особый надзоръ мѣстной полиціи или ихъ обществъ, если послѣднія пожелаютъ принять ихъ.

II. Тѣхъ же подсудимыхъ по обвиненію въ преступленіи, пред-
усмотрѣнномъ 269¹ ст. Улож. о наказ., а также подсудимыхъ,
мѣщанъ: м. Докшиць: Мордуха Янкелева **Феймана**, 30 лѣтъ,
гор. Слуцка: Израиля Лейбова **Сеглина**, 36 лѣтъ, м. Столпцець:
Шахну Нафтальева **Арончика**, 26 лѣтъ, м. Самохваловичъ:
Ирму-Залмана Ліокумова **Кадыша**, 45 лѣтъ, и гор. Минска:
Абрама Мовшева **Фрумкина**, 27 лѣтъ, Іоселя Ицкова **Каплана**,
48 лѣтъ, Элью Мовшева **Фишкина**, 26 лѣтъ, Эвеля Янкелева
Гобермана, 39 лѣтъ, и Беніамина Мовшева **Фрумкина**, 19 лѣтъ,
считать по суду оправданными.

III. Судебныя по дѣлу издержки возложить на осужденныхъ
подсудимыхъ поровну и съ круговою ихъ другъ за друга от-
вѣтственностью, а въ случаѣ несостоятельности ихъ всѣхъ—
окончательно принять на счетъ казны.

IV. Изъ вещественныхъ по дѣлу доказательствъ: 9 ружей
возвратить въ 119-ый пѣхотный Коломенскій полкъ, десять
рублей возвратитъ Беніамину Фрумкину и Израилю Сеглину,
а остальныя оставить при дѣлѣ, и

V. Въ удовлетвореніе гражданскаго иска, взыскать въ пользу
119-го пѣхотнаго Коломенскаго полка съ осужденныхъ подсу-
димыхъ двадцать рублей и девять коп. поровну и съ круговою
ихъ, осужденныхъ, другъ за друга отвѣтственностью.

Телеграммы, адресованныя изъ Минска, въ русскія газеты, во время настоящаго процесса.

„НОВОЕ ВРЕМЯ“, 19 марта 1898 г. № 7923.

„Минскъ, 18 марта. Въ Минскѣ, Виленская Судебная Палата, съ участіемъ сословныхъ представителей, подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя г. Карновича и при товарищѣ прокурора г. Дейша, приступила къ разсмотрѣнію дѣла о минскихъ евреяхъ: Срулѣ Губичѣ, Мордухѣ Фейманѣ, Шахнѣ Арончикѣ, Юделѣ Румановѣ, Бениаминѣ Фрумкинѣ и другихъ, обвиняемыхъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ статьей 269¹ Уложенія о наказаніяхъ. Обвиненіе заключается въ томъ, что подсудимые, питая вражду къ воинскимъ чинамъ и вообще къ христіанскому населенію, приняли участіе въ публичномъ скопищѣ, учинившемъ 15 апрѣля 1897 г., въ Минскѣ, соединенными силами, насиліе надъ означенными воинскими чинами и другими лицами христіанскихъ исповѣданій и оказавшемъ также соединенными силами, противодѣйствіе вооруженнымъ патрулямъ отъ 119-го Коломенскаго и 120-го Серпуховскаго пѣхотныхъ полковъ, призваннымъ для огражденія подвергшихся насилію воинскихъ чиновъ. Гражданскій искъ отъ имени 119-го Коломенскаго пѣхотнаго полка за поврежденное обвиняемыми воинское оружіе предъявляютъ присяжные повѣренные гг. Шмаковъ и Малышевъ. Защищаютъ подсудимыхъ присяжные повѣренные гг. Мионовъ, Турчаниновъ и Любарскій и помощникъ присяжнаго повѣреннаго Розенбаумъ. По прочтеніи обвинительнаго акта, Палата приступила къ допросу свидѣтелей, которыхъ явилось около 180 человекъ. Дѣло продлится дней пять“.

Такая же телеграмма была одновременно адресована и напечатана въ С.-Петербургѣ, въ „Гласности“, и въ Москвѣ, въ „Московскомъ Листкѣ“.

„ГЛАСНОСТЬ“, 22 марта 1898 г. № 78.

„Минскъ, 21 марта. Въ существѣ подтверждая обвинительный актъ, судебное слѣдствіе установило, что на „Нижнемъ Базарѣ“, въ окрестностяхъ котораго проживаетъ около тридцати тысячъ евреевъ, на третій день христіанской Пасхи прошлаго года, часа въ четыре дня, еврей заспорилъ съ солдатомъ о военной службѣ и плюнулъ солдату въ лицо. Солдатъ оттолкнулъ его; вмѣшались другіе еврей и нѣкоторые изъ уволенныхъ на праздникъ солдатъ. Начали запираются еврейскія лавки. Фрумкинъ и Сеглинъ, торговцы желѣзомъ, стали раздавать евреямъ молотки, желѣзные палки, ломы. Засимъ еврей кинулись бить солдатъ. Патруль изъ трехъ рядовыхъ Коломенскаго полка въ свою очередь подвергся нападенію толпы евреевъ.

Не имѣя права дѣйствовать штыками, патрульные были избиты по одиночкѣ, окровавлены и спаслись отъ смерти лишь тѣмъ, что подоспѣвшіе городовые, съ помощью христіанъ, увели ихъ въ полицейскій домъ.

Огромныя массы евреевъ, разсыпавшіяся по окрестнымъ улицамъ, яростно, ударами по головѣ, избивали попадавшихъ христіанъ, преслѣдовали убѣгавшихъ, били лежачихъ, истязали невыносимо. Изъ толпы евреевъ, гнавшихъ двухъ залитыхъ кровью солдатъ, одинъ еврей, въ цилиндрѣ, вскочилъ въ вагонъ конки, жалуясь, что солдаты бьютъ евреевъ. Тогда пассажиръ Мокейчикъ сказалъ, что солдатъ горсть, а евреевъ тысячи и что всѣ подлости идутъ отъ жидовъ. Усиленный патруль Коломенскаго полка, изъ двадцати рядовыхъ, подъ командою подпоручика Галлашека, посланный собрать отпускныхъ нижнихъ чиновъ на „Нижнемъ Базарѣ“, былъ окруженъ громадною массою евреевъ. Одни нападали съ палками и кольями, другіе, съ крышъ домовъ и изъ оконъ, кидали камнями, полѣнами, лили помой; на командира патруля бросили самоваръ съ кипяткомъ. Еврей Капланъ у отхваченнаго толпою рядового Захарова вырываетъ ружье; кинувшемуся на помощь рядовому Цвиркѣ другой еврей перебилъ ружье и ушибъ руку большимъ коломъ.

Патруль отбивался прикладами, прошелъ еврейское скопище и увелъ избитыхъ отпускныхъ солдатъ.

Одновременно, дѣйствовали патруль изъ трехъ рядовыхъ Серпуховскаго полка. По требованію полиціи, прибылъ взводъ артиллеристовъ, не встрѣтивши сопротивленія и временно отведенный во вторую полицейскую часть. Вечеромъ, были высланы по двѣ роты отъ Коломенскаго и Серпуховскаго полковъ; составъ полиціи былъ усиленъ нижними чинами полковъ. Безпокойство христіанъ продолжалось долго и теперь еще не окончилось.

„Если дерзость евреевъ дошла до нападенія на военные патрули, что же будетъ съ нами?“—жалуются мѣстные жители. Слѣдствіе продвигается. Защита стремится свести дѣло къ простой дракѣ, при чемъ желаетъ установить разгромъ кабака Бекермана и разбитіе оконъ синагоги. Болѣе ста свидѣтелей, почти исключительно евреевъ, отстаиваютъ, кромѣ того, „alibi“ большинства подсудимыхъ. Приговоръ ожидается въ воскресенье вечеромъ“.

Такая же телеграмма, адресованная А. А. Суворину, была тогда же напечатана и въ „Новомъ Времени“.

Телеграмма же „Московскому Листку“ запоздала на два дня, а потому и въ виду полученія уже къ этому времени, въ Москвѣ, Петербургскихъ газетъ, напечатана здѣсь не была.

Само собою разумѣется, что ни въ Петербургъ, ни въ Москвѣ ни одна изъ еврейскихъ или же либерально-еврействующихъ газетъ не перепечатала этихъ телеграммъ.

„Россійское же Телеграфное Агентство“, въ свою очередь, молчало о дѣлѣ съ такимъ упорствомъ, которое, безъ сомнѣнія, достойно почетнаго адреса отъ всемірнаго кагала....

Только по окончаніи процесса, „Агентство“,—на радость евреямъ, но и вопреки истинѣ,—поспѣшило оповѣстить Россію, что прокуроръ *отклонилъ* обвиненіе по 269¹ ст. Уложенія о наказаніяхъ, и скромно умолчало еще разъ о томъ, что Судебная Палата присудила Коломенскому полку гражданскій искъ за поврежденныя евреями ружья изъ патруля подпоручика Галлашека.

Вернувшись въ Москву и ознакомившись съ столь патріотическою дѣятельностью „Агентства“, А. С. Шмаковъ телеграфи-

ровалъ „Новому Времени“ и „Гласности“ слѣдующее: (см. „Новое Время“ 26 марта 1898 года, № 7930, и ближайшій № „Гласности“):

— „Москва, 26 марта. Въ телеграммѣ „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“ отъ 23 марта сказано, будто прокуроръ *отклонилъ* обвиненіе по 269¹ ст. Улож. о нак. Это не вѣрно. Напротивъ,—усматривая высказавшуюся въ дѣлѣ племенную ненависть евреевъ къ христіанамъ вообще, а къ нижнимъ чинамъ Коломенскаго и Серпуховскаго полковъ въ частности,—прокуроръ *доказывалъ виновность Губича, Каплана и другихъ именно въ преступленіи, предусмотрѣнномъ первою частью ст. 269¹ Уложенія, и требовалъ наказанія, этою статьею опредѣленнаго.*

Обвинять Гобермана и Феймана, по недоказанности ихъ участія, прокуроръ отказался. Гражданскій истецъ поддерживалъ обвиненіе согласно съ прокуроромъ и, кромѣ того, ссылался на ст. 286¹ Уложенія“.

Неправда циркулярной депеши „Агентства“ вызвала затѣмъ и второе телеграфное опроверженіе уже изъ Вильны, напечатанное въ „Новомъ Времени“ 27 марта.

— „Вильна, 26 марта. Въ помѣщенной въ № 7927 „Новаго Времени“ телеграммѣ „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“ отъ 23 марта изъ Минска, по дѣлу о еврейскихъ безпорядкахъ, бывшихъ 15 апрѣля 1897 года, неправильно указано, что прокуроръ отклонилъ обвиненіе по 269¹ статьѣ.

Въ дѣйствительности, представитель прокурорскаго надзора *поддерживалъ противъ двѣнадцати подсудимыхъ обвиненіе по первой части 269¹ статьи Уложенія о наказаніяхъ“.*

Пока, такимъ образомъ, особыми телеграммами, приходилось исправлять столь неожиданныя и даже, казалось бы, невѣроятныя ошибки „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“, сыны Іуды далеко не дремали.

Помянутые выше іудейскіе „отчеты“ о дѣлѣ,—черезъ Минскъ и Вильну пробравшись за черту осѣдлости и встрѣтивъ радужное гостепрѣимство на страницахъ такого, „совершенно не

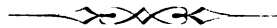
еврейскаго“ органа въ Москвѣ, какъ издаваемыя *si-devant* бахмутскимъ мѣщаниномъ и цеховымъ подмастерьемъ, а нынѣ отнюдь не кагалнымъ спортсменомъ Абрамомъ Липскеромъ „Новости Дня“,—стали, наконецъ, появляться и въ іудейской прессѣ С.-Петербурга.

Тогда (какъ потомъ оказалось,—одновременно съ отправкою изложенной выше телеграммы изъ Вильны), была послана слѣдующая телеграмма (см. „Новое Время“ отъ 27 марта 1898 г. № 7931; см. „Гласность“ отъ того же числа):

— „Москва, 26 марта. Отчеты по минскому дѣлу, печатаемые „Новостями“, „Биржевыми Вѣдомостями“ и „Сыномъ Отечества“, передаютъ судебное слѣдствіе не вѣрно и пристрастно въ пользу евреевъ, противъ военныхъ, — вообще отличаются яркою еврейскою окраской. Вдобавокъ, и телеграмма „Россійскаго Агентства“ о приговорѣ ложно сообщила, что прокуроръ отклонилъ обвиненіе по ст. 269¹ Уложенія. Наоборотъ, прокуроръ требовалъ осужденія двѣнадцати подсудимыхъ именно по первой части означенной статьи, усматривая еврейскую ненависть къ христіанамъ. Та же телеграмма тенденціозно умалчиваетъ, что Палата присудила гражданскій искъ Коломенскаго полка. Прошу русскія газеты перепечатать настоящую мою телеграмму. Присяжный Повѣренный Шмаковъ.

Еврейство разсердилось! Сперва кагалная печать накинулась на автора телеграммы съ крайнимъ ожесточеніемъ.... Но затѣмъ,—въ гармоніи съ талмудомъ,—повидимому было признано, что теперь, когда „избранный народъ“ живетъ въ „рабствѣ“, его пресса—поступить умнѣе, замолкнуть....

Кассационное производство.

Со стороны прокурорскаго надзора, на приговоръ Судебной Палаты, протеста не послѣдовало.

Что же касается 119-го Коломенскаго полка, то представитель его въ настоящемъ процессѣ обязанъ былъ руководствоваться слѣдующими соображеніями: а) имѣя возможность принять участіе въ дѣлѣ не иначе, какъ въ качествѣ гражданскаго истца, полкъ, и при кассационномъ производствѣ, могъ бы явиться лишь въ этомъ же качествѣ; посему и за удовлетвореніемъ его исковыхъ требованій Судебною Палатою, всякая дальнѣйшая квалификація виновности подсудимыхъ, не входя въ сферу имущественныхъ интересовъ полка, устраняетъ и подачу имъ кассационной жалобы; б) съ другой стороны, при отсутствіи протеста обвинительной власти на оправданіе Палатою нѣкоторыхъ подсудимыхъ, кассационная жалоба гражданскаго истца на такое оправданіе,—даже въ случаѣ отмѣны Правительствующимъ Сенатомъ обжалованной части приговора и при условіи позднѣйшаго осужденія этихъ подсудимыхъ,—не могла бы выразиться для нихъ въ какомъ-либо наказаніи, и в) въ виду изложеннаго, необходимо заключить, что продолженіе дѣла кассационнымъ порядкомъ для полка, въ сущности, безцѣльно, хотя бы къ обжалованію приговора Судебной Палаты предъ Правительствующимъ Сенатомъ и имѣлись достаточныя основанія.

Такимъ образомъ, и отъ имени Коломенскаго полка жалобы не послѣдовало.

Между тѣмъ, не только защитники двухъ осужденныхъ Палатою подсудимыхъ, Абрама Каплана и Эльи Кугеля, присяжные повѣренные Турчаниновъ и Мироновъ, но и, сверхъ того,

сами названные подсудимые, а засимъ еще двое другихъ — Мовша Котинъ и Сруль Губичъ — принесли кассационныя жалобы на приговоръ.

I. Содержаніе жалобы гг. Турчанинова и Миронова сводилось къ тому, что: во-1), оба патруля отъ Коломенскаго полка не были выдѣлены изъ караула, наряжаемаго приказомъ начальника гарнизона, не имѣли боевыхъ патроновъ и отправились на „Нижній Базаръ“ безъ приглашенія полиціи, стало быть, какъ полагаетъ защита, не исполняли обязанностей ни полевой, ни гарнизонной службы, а представляли собою лишь нѣчто въ родъ ночного обхода; во-2), Судебная Палата ничѣмъ не установила въ приговорѣ, чтобы означеннымъ патрулямъ кто-нибудь мѣшало исполнять ихъ обязанности „по наблюденію за поведеніемъ нижнихъ чиновъ“, а съ другой стороны, никто и не имѣлъ намѣренія препятствовать исполненію этихъ обязанностей; отсюда признаніе Палатою Абрама Каплана и Эльи Кугеля виновными именно въ такомъ воспрепятствованіи является, по мнѣнію защиты, несогласнымъ съ обстоятельствами дѣла; и, въ-3), ни одного изъ отпущенныхъ на праздникъ нижнихъ чиновъ команда подпоручика Галлашека не встрѣтила а, слѣдовательно, и защищать ихъ не имѣла надобности.

Переходя отъ этихъ, частью несостоятельныхъ *de jure*, частью же *de facto* противныхъ истинѣ утвержденій къ дальнѣйшему и въ свою очередь произвольному изложенію *существа* дѣла, гг. Мироновъ и Турчаниновъ завершили свои „кассационные“ доводы повѣствованіемъ о „дракѣ“, о разбитіи оконъ въ магазинѣ и о погромѣ кабака Бекермана...

II. Жалоба самихъ Абрама Каплана и Эльи Кугеля, равно какъ Мовши Котина и Сруля Губича, — по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, — отличается даже „болѣе строгимъ юридическимъ характеромъ“, чѣмъ жалоба гг. защитниковъ. А если подсудимые и ссылаются на цѣлые ряды статей закона, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу, то они не щадятъ усилій „загладить свою вину“ тѣмъ, что весь ходъ „погрома“, якобы пережитаго евреями 15 апрѣля 1897 года въ Минскѣ, пытаются изобразить съ вопіющимъ дерзновеніемъ. По ихъ словамъ, едва ли не лучшимъ свидѣтелемъ въ ихъ защиту является ни кто иной, какъ подпоручикъ Галлашекъ, ибо его же собственнымъ показаніемъ удостовѣрены какъ фактъ разгрома еврейской синагоги, такъ и тотъ фактъ, что священныя книги евреевъ топтались

ногами. Положимъ, что все это явная неправда и что ничего подобнаго въ показаніяхъ подпоручика Галлашека не содержится, но въдь „кассаторамъ“ надо же подыскать выходъ къ кабаку Беркермана съ его ликерами, по разсказу подсудимыхъ, оказавшимся въ рукахъ солдатъ—вслѣдъ за „погромомъ“... Отсюда уже не далеко, разумѣется, и до резолютивнаго тезиса „кассаторовъ“ объ отсутствіи связи между инкриминируемымъ имъ насиліемъ надъ чинами патруля и его служебными обязанностями.

Надо ли удивляться тому, что, въ завершение своей жалобы, Абрамъ Капланъ, Мовша Котинъ, Элья Кугель и Сруль Губичъ говорятъ: „если мы въ чемъ-либо и можемъ, на основаніи данныхъ, установленныхъ Судебною Палатой, быть признаны виновными, то только по 38 и 142 ст. ст. Уст. о наказ.“?!...

Выслушавъ помянутыя жалобы, равно какъ словесныя объясненія защитниковъ подсудимыхъ (г. Турчаниновъ былъ лично, а вмѣсто г. Миронова являлся другой защитникъ) и повѣреннаго гражданскаго истца, присяжнаго повѣреннаго Шмакова, Правительствующій Сенатъ, по Уголовному Кассационному Департаменту, согласно съ заключеніемъ г. товарища оберъ-прокурора, призналъ, что оба Коломенскіе патруля подверглись нападенію подсудимыхъ и цѣлаго скопища другихъ евреевъ въ то время, когда исполняли обязанности военной службы, а потому опредѣлилъ: жалобы сіи оставить безъ послѣдствій“.

Получивъ, такимъ образомъ, окончательное разрѣшеніе въ судебномъ порядкѣ, настоящее дѣло, какъ предметъ общественнаго сознанія, еще далеко не обошло цикла своего развитія. Двигаемая силою того впечатлѣнія, которое было произведено имъ на русскихъ людей, мысль всякаго, кто любитъ свою родину, естественно обращается къ вопросу: да неужели же нельзя, хотя бы въ будущемъ, предотвратить то положеніе, въ которомъ оказался патруль подпоручика Галлашека безъ права дѣйствовать оружіемъ даже въ столь роковыя минуты и при условіи, что лишь чрезвычайное мужество командира и непоколебимая дисциплина остальныхъ чиновъ патруля могли спасти ихъ отъ такой

мученической кончины, всё ужасы которой, зная свирѣпость евреевъ, едва ли возможно теперь представить себѣ воочію?!...

Что было предлагаемо, какъ отвѣтъ на вопросъ, въ самомъ Минскѣ и другихъ мѣстахъ нашего необъятнаго отечества, — объ этомъ пусть расскажетъ исторія.

Въ настоящее же время, мы ограничиваемся воспроизведеніемъ изъ „Развѣдчика“ перепечатаннаго „Новымъ Временемъ“ (см. № 8054 отъ 31 іюля 1898 года) мнѣнія одного изъ ученѣйшихъ и наиболѣе заслуженныхъ въ честномъ бою нашихъ генераловъ.

„На вопросъ одного офицера, — по употребленію оружія, патрули приравниваются ли къ карауламъ?—М. И. Драгомировъ отвѣчалъ:

— Конечно, да. Какъ же иначе? И, разумѣется, со всѣми, вытекающими изъ этого послѣдствіями.

Патруль есть подвижной карауль; карауль — неподвижный патруль. Вотъ вся между ними разница, чисто внѣшняя, какъ вы видите.

Въ основаніи, всякое ношеніе оружія предполагаетъ возможность случая, который поставитъ васъ въ необходимость оружіе употребить. Только носка оружія безъ дѣла и употребленіе на несоотвѣтствующія его назначенію манипуляціи, въ родѣ „пріемовъ“, могли затемнить эту истину. Изъ всего этого вы заключить можете, что по сдѣланному вами вопросу я во всемъ съ вами согласенъ. Идя по противоположному пути, можно дойти и до желѣзныхъ рѣшетокъ, ограждавшихъ въ Миланѣ караулы отъ нападенія толпы, во время австрійскаго тамъ владычества, т.-е. до 1859 года.

Отсюда же странное указаніе прежняго времени — употреблять оружіе въ „крайнемъ“ случаѣ. Тутъ нѣтъ и не должно быть крайнихъ случаевъ, а есть и должно быть только указанное закономъ; и если бы они возникали хотя сотни разъ къ ряду,—сотни разъ должно возникать и употребленіе оружія.

Всякій солдатъ обязанъ знать, что это не шутка; тогда и случаи въ родѣ того, на который вы намекаете, устранятся сами собою.

И вмѣсто того, чтобы пустить въ ходъ оружіе, когда это необходимо сдѣлать мгновенно, не будутъ раздумывать,—„крайній“ ли это случай или нѣтъ?!..

Не нужно забывать, что человѣкъ, вооруженный самымъ страшнымъ оружіемъ, — если онъ забываетъ его употребленіе въ тѣ мгновенія, когда это его право и обязанность,—является

безоружнымъ противъ простого кулака, такъ какъ собственныя его руки заняты этимъ страшнымъ оружіемъ.

Это простой носильщикъ, а не вооруженный человекъ.

А если онъ, по своему назначенію, обязанъ бить или защищаться, лучше освободить его отъ оружія и возвратить кулаки...“

По поводу этой ясной, какъ кристалль, непобѣдимой логики „Новое Время“ замѣчаетъ:

— Нѣтъ никакого труда догадаться, что и вопросъ офицера, и отвѣтъ нашего извѣстнаго генерала прямо касаются громкаго минскаго судебнаго дѣла о нападеніи евреевъ на военный патруль, который дѣйствовалъ не по-драгомировски и жестоко пострадалъ отъ жидовской наглости и насилія.

Indocti discant, et ament meminisse periti!

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Строки.		<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
Стран.	Сверху. Снизу.		
22	— 14	дома г-жи Добронравовой	дома, г-жи Добронравовой
31	10 —	2 ч. ст. 286 ¹	3 ч. ст. 286 ¹
—	13 —	2 ч. ст. 286 ¹	3 ч. ст. 286 ¹
37	9 —	въ	на
55	— 12	и томъ	и о томъ
59	2 —	Хмелевскаго	Хмѣлевскаго
63	— 19	въ зло	во зло
64	— 16	удостовѣряющій	удостовѣряющей
77	— 10	въ-четвертыхъ	въ-третьихъ,
80	— 6	Эльга	Элья
84	— 15	частямъ	частяхъ
90	— 5	разгонять	разгонять

